

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

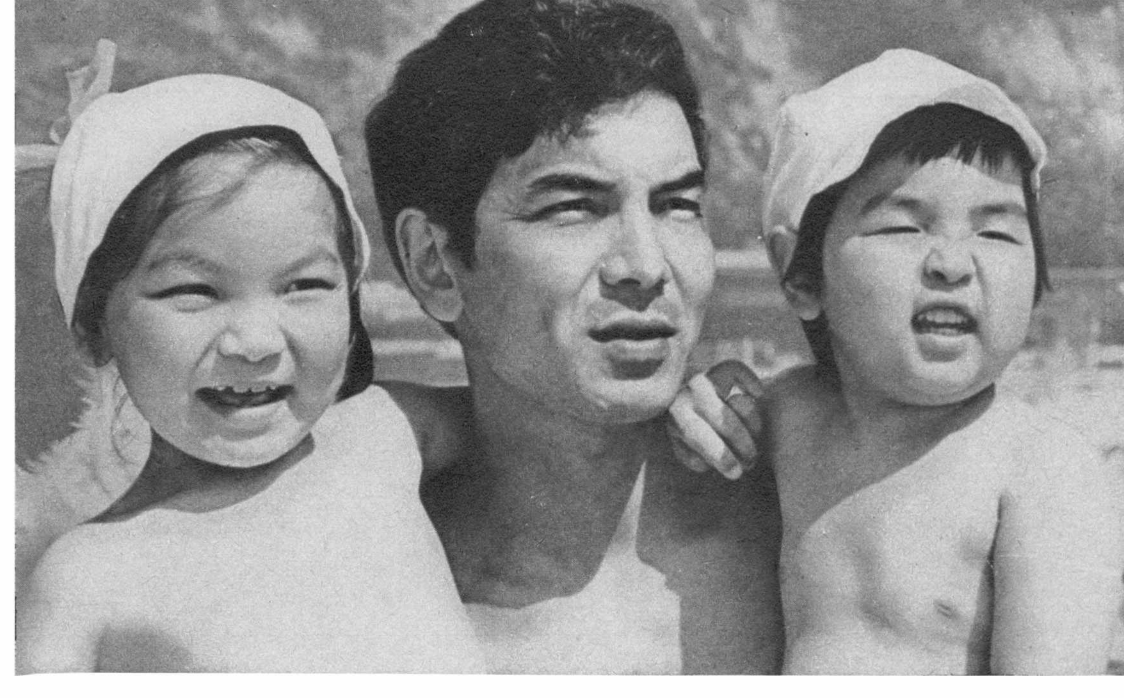
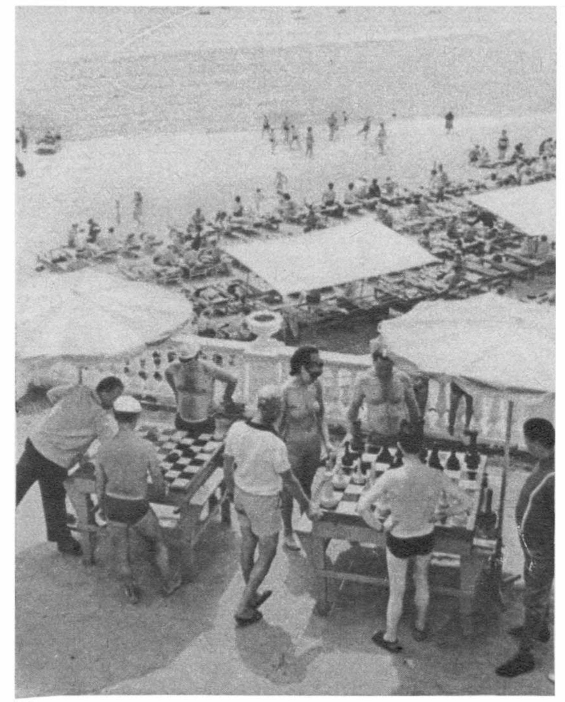
Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2450)

15 ИЮНЯ 1974

«ИЗ ГОДА В ГОД ВОЗРАСТАЮТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОНДЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ СОСТАВЛЯЮТ ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК РОСТА БЛАГОСОСТОЯНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. ВЫПЛАТЫ И ЛЬГОТЫ ИЗ ЭТИХ ФОНДОВ В РАСЧЕТЕ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ УВЕЛИЧИЛИСЬ С 248 РУБЛЕЙ В 1969 ГОДУ ДО 310 РУБЛЕЙ В 1973 ГОДУ... РАСШИРИЛАСЬ СЕТЬ... САНАТОРИЕВ И ДОМОВ ОТДЫХА».

Из Обращения ЦК КПСС ко всем избирателям, гражданам СССР.

СТРАНА ЗАБОТИТСЯ О ТЕБЕ

Эти снимки сделаны в Одессе. Вы видите на них дом отдыха матери и ребенка «Красные зори», пляж санатория «Россия», корпуса строящейся здравницы «Куяльник». А вот и первые курортники — Света Круглова из Пермской области и семья Молгаждаровых из Казахстана.

В нашей стране все богатства природы принадлежат народу, все делается для того, чтобы этими богатствами мог воспользоваться любой труженик. В нынешнем году бюджет социального страхования составляет почти 22,5 миллиарда рублей. Значительная часть его расходуется на организацию лечения и отдыха. Только профсоюзные здравницы примут свыше 8 миллионов человек, более 15 миллионов проведут свой отпуск на загородных базах отдыха заводов и фабрик.

Рассказ о том, как развиваются советские курорты, читайте на страницах 6—7.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

МУХАММЕД ДАУД В СССР

С 4 по 8 июня 1974 года по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Советском Союзе находился с официальным дружественным визитом глава государства, Премьер-Министр Республики Афганистан Мухаммед Дауд.

Состоялись переговоры и беседы между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Мухаммедом Даудом.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере сердечности, взаимопонимания и высокого уровня доверия, были рассмотрены вопросы дальнейшего развития и укрепления дружественных, добрососедских советско-афганских отношений, а также актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

На снимке: во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА.

В Центральном Доме кино состоялось торжественное собрание по случаю 50-летия Центральной студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького. В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, видные деятели киноискусства, представители общественности.

С большим воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

В своем выступлении В. В. Гришин, сердечно поздравив коллектив с высокой наградой — орденом Октябрьской Революции, пожелал студии имени Горького новых творческих успехов.

Чувства глубокой благодарности за высокую оценку труда коллектива выразили директор студии Г. И. Бритиков, народный артист РСФСР В. В. Тихонов, народный артист РСФСР кинорежиссер С. И. Ростоцкий.

Участники торжественного заседания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

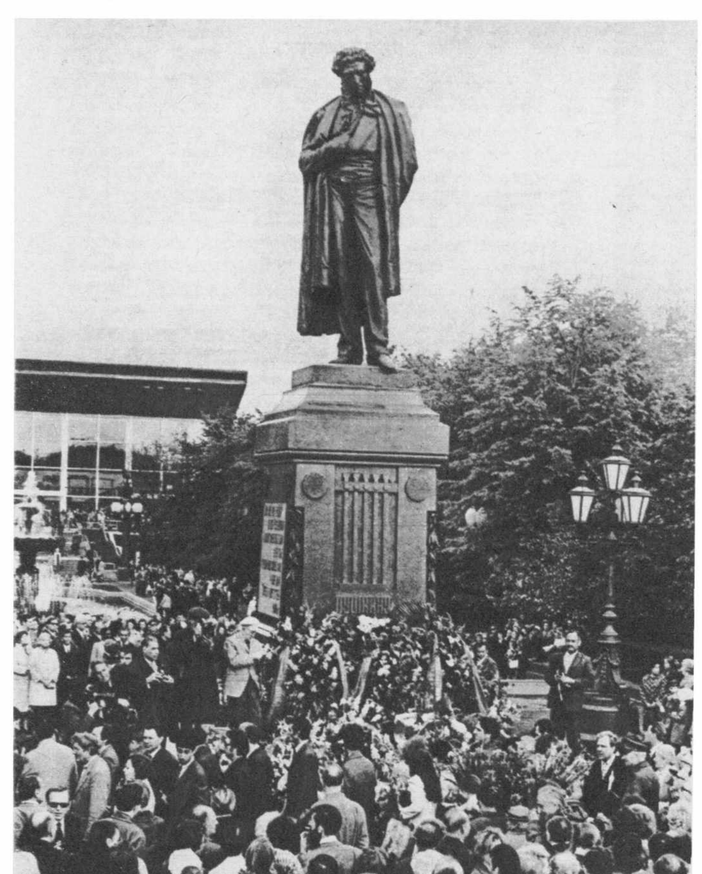
На снимке: член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин вручает орден Октябрьской Революции Центральной студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького.

Фото А. Награльяна.

Кремлевский Дворец съездов, Президиум торжественного вечера, посвященного 175-летию А. С. Пушкина. На трибуне — В. Федоров.
Фото А. Гостева.

НАШ ПУШКИН

6 июня 1974 года. У памятника великому поэту в Москве.
Фото А. Награльяна.

Ярко и торжественно отметила страна 175-летний юбилей великого русского поэта. 6 июня в Москве, на площади, носящей его имя, собрались многочисленные жители и гости столицы, участники VIII Всесоюзного праздника поэзии — советские и зарубежные поэты и писатели, представители литератур братских республик.

К пьедесталу памятника А. С. Пушкину, усыпанному цветами, ложатся все новые и новые венки: от Союзов писателей СССР и РСФСР, от Московской писательской организации, от литераторов социалистических стран, от столичных учреждений культуры. На лентах венков — слова безмерной благодарности «солнцу нашей поэзии».

Вечером 6 июня, завершая грандиозные празднества, посвященные 175-летию гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялся торжественный вечер.

Собравшиеся тепло встретили появление в президиуме товарищей В. В. Гришина, А. П. Кириленко, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих.

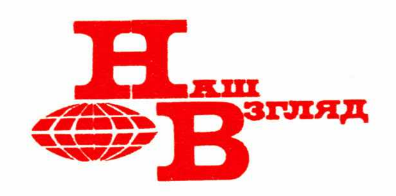
Первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Марков, открывший вечер, сказал в своей речи:

— Сегодня, когда мы, вдохновляемые нашей партией, ее ленинским Центральным Комитетом во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, боремся за великую культуру коммунистического общества, нам особенно дорого вечно живое, немеркнущее литературное наследие Пушкина.

Со «Словом о Пушкине» выступил секретарь правления Союза писателей РСФСР Василий Федоров, который говорил о непреходящем значении пушкинского творчества, о глубокой народности, историчности и гуманистичности его произведений.

Торжественный вечер закончился праздничным концертом, в котором приняли участие лучшие мастера советского искусства.

ПО ПУТИ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

В канун нового официального визита в СССР президента США Р. Никсона, как и в преддверии советско-американской встречи на высшем уровне в мае 1972 года, противники разрядки напряженности предпринимают теперь в Вашингтоне последние, отчаянные усилия, чтобы отравить атмосферу предстоящих переговоров, подорвать складывающееся доверие. Дело дошло до того, что отставные барабанщики «холодной войны» вроде профсоюзного босса Дж. Мини и некоторые конгрессмены выступили с открытым требованием отменить поездку президента, ссылаясь на «нынешние внутриполитические трудности» в США. Эти домогательства были отвергнуты Белым домом и руководством как республиканской, так и демократической партий. Учитывая преобладающие настроения американского народа, лидер демократов в сенате М. Мэнсфилд и лидер республиканцев X. Скотт заверили, что начинающейся 27 июня встрече в США обеспечена широкая поддержка.

Враги коренного улучшения советско-американских отношений могут сколько угодно изображать мирное сосуществование как «умиротворение Советского Союза» или как «новую форму борьбы коммунистов против Запада», но они не в состоянии убедить народы в том, что в ядерный век для взаимоотношений между великими державами есть какая-то другая разумная основа, кроме политики мирного сосуществования, которая исходит из реального соотношения сил.

Претворение в жизнь серии двусторонних договоров и соглашений, заключенных в результате встречи 1972 года в Москве и прошлогоднего визита Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты, сцементировало прочный фундамент для развития долговременного сотрудничества и уже дало осязаемые результаты.

Не все, конечно, можно выразить в цифрах. Но если говорить о решающем направлении в отношениях между двумя нашими странами — предотвращении ядерной войны и ликвидации опасных очагов напряженности, то курс на разрядку полностью себя оправдал.

Значимость двусторонних соглашений об ограничении стратегических вооружений станет более зримой, если представить себе, какое дополнительное бремя пришлось бы нести советскому и американскому народам, если бы не были достигнуты эти соглашения.

Немалые взаимные выгоды приносит ныне претворение в жизнь соглашений о сотрудничестве в области здравоохранения, науки и техники, мирного освоения космоса, охраны окружающей среды, развития транспорта и в других областях.

Объем торговли СССР с США за последние два года утроился и достиг в 1973 году 1,5 миллиарда долларов. Несмотря на противодействие враждебных сил, успешно осуществляется программа кредитования Экспортно-импортным банком США взаимовыгодных экономических проектов, в том числе строительства возле Тольятти крупного промышленного комплекса по производству химических удобрений. Деловые и банковские круги Нью-Йорка, Хьюстона, Лос-Анджелеса, Питсбурга и других промышленных центров США проявляют все возрастающий интерес к расширению торгово-экономических связей с нашей страной. Характерно, что четыреста иностранных, преимущественно американских, фирм уже подали заявки на открытие своих представительств в здании международного торгового центра в Москве, строительство которого только еще начинается.

Разумеется, в деле развития крупномасштабного экономического сотрудничества, особенно в сфере энергетических ресурсов, есть еще много неизведанных и неиспользованных возможностей. Такое сотрудничество, важное само по себе, создает устойчивый политический климат, помогает придавать необратимый характер тому повороту в сторону углубления двусторонних отношений, который уже произошел, но пока еще не является окончательным.

В США влиятельные противники улучшения отношений отнюдь не сложили оружия. Выражая корыстные интересы военно-промышленного комплекса, сионистского лобби, ультраправых и верхушки профсоюзной бюрократии, которой ненавистно само слово «разрядка», эти круги форсируют непрекращающуюся качественную гонку стратегических наступательных вооружений, пытаются направить ближневосточный курс США в опасное русло подрыва советско-арабской дружбы и ущемления интересов СССР. Эти круги продолжают ожесточенную борьбу против выполнения взятого правительством США обязательства о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле. Не далее как 7 июня сенатор Джексон внес в конгрессе предложение предоставить министру обороны США право накладывать вето на торговые соглашения с социалистическими государствами. Политиканы, группирующиеся вокруг Джексона, стремятся использовать конгресс в качестве главного тормоза на пути развития торгово-экономических связей. Однако, как показал майский визит в США делегации Верховного Совета СССР, появилась возможность устранить из повестки дня ряд надуманных и наносных проблем, нарочито поднимаемых сторонниками вмешательства во внутренние дела Советского Союза. В публичных выступлениях и беседах с советскими парламентариями конгрессмены подчеркивали, что курс на разрядку в советско-американских отношениях пользуется двухпартийной поддержкой и что велики шансы на сохранение преемственности этого курса даже после президентских выборов 1976 года.

Советские люди, со своей стороны, хотели бы, чтобы предстоящая встреча на высшем уровне по своей значимости была не ниже предыдущих. Советский Союз готовится к этой встрече со всей серьезностью, руководствуясь тем, что жизненные интересы советского и американского народов требуют осуществления новых реальных мер, направленных на всестороннее расширение советско-американского сотрудничества и дальнейшее оздоровление всей международной обстановки.

Эдгар ЧЕПОРОВ

Дымит костер на асфальте, закопченные кастрюли над огнем, женщины толпятся вокруг... Город после бомбежки? Нет, нынешний Белфаст во время недавней забастовки протестантских экстремистов. Большинство электростанций прекратило давать ток, был отключен газ, и тогда во дворах запылали костры: надо же кормить детей.

С каждым днем в Белфасте растет число разрушенных взрывами зданий, все плотнее одеваются в кольчуги железных решеток улицы, все предрешенней становится бессмысленная гибель людей. И думаешь: ну, все, это предел. Дальше нельзя. Оказывается, можно...

К бомбам и ночным разбоям ныне добавилось еще одно средство. Ультраправые организовали стачку. Для того, чтобы поставить шлагбаум любым, даже самым незначительным, переменам в положении католического меньшинства Северной Ирландии. Полумерой, полууступкой движению за гражданские права, по существу, нисколько не разрешающей самого кризиса, стало создание в прошлом году нового единого органа Ольстера — Североирландской ассамблеи. В нее были избраны представители католиков, поэтому экстремисты потребовали ее разгона и новых выборов: «В стране, где большинство составляют протестанты, и парламент должен быть протестантским». По подписанному несколько месяцев назад в городке Саннингдейле соглашению между Англией, Ирландией и Ольстером, один из пунктов которого предусматривал создание «Совета Ирландии», этот всего лишь совещательный орган должен был заниматься проблемами сотрудничества между севером и югом Ирландии. «Никакого сотрудничества! — считают ныне ультра.— За ним лишь козни католиков».

С самого начала стачкой руководил «Совет рабочих Ольстера». Во главе «Совета» стояли военизированные группировки протестантов, в том числе возглавляемое Уильямом Крейгом движение «Авангард». Сразу же активизировались террористические банды, вроде «красной руки». Уже в первый день стачки лидеры экстремистов поделили «министерские» портфели. Учрежден был и пост «министра иностранных дел». Не удивительно, если принять во внимание одно из главных требований ультраправых — отделение Ольстера от Англии.

«Ассоциация обороны Ольстера» стала главной базой и опорой стачки. Я видел штурмовиков из «Ассоциации». Зеленая, похожая на парашютную форма, на голове мешок с дырками для глаз. Я разговаривал с одним из их лидеров — Семми Смитом. Он также член «Совета». «Нас десятки тысяч. Мы не убиваем,— цинично сказал Смит,— а ликвидируем противников. Это не преступление, это война. Мы боремся за права протестантов».

В штабе экстремистов представлена и организация «Волонтеры Ольстера» — 25 тысяч ультра. «Мы воинственны, нам не до шуток,— говорил мне Хью Смит, один из тех, кто командует «волонтерами»,— мы восстанавливаем справедливость в Северной Ирландии». А через несколько дней после нашей беседы прогремели взрывы в центре Дублина — десятки убитых и раненых. Газеты считают, что бомбы были подложены именно «волонтерами».

Уильям Крейг, глава «Авангарда», фигура известная на здешней политической арене — член английского парламента. Перед толпой этот джентльмен появляется в окружении телохранителей. Главный мотив его выступлений: ругань в адрес католических гетто. Слушаешь Крейга, выступающего с трибуны, и невозможно отделаться от впечатления, что перед тобой не кто иной, как Артуро Уи, роль которого на советской сцене прекрасно исполняет Евгений Лебедев. Тот же облик, те же нервические манеры. Даже прядь волос иной раз косо падает на лоб... Год назад в интервью со мной Крейг обезоруживающе просто сказал: «А знаете, что губит католиков? Отвергают противозачаточные средства (?!) и тем самым... обрекают себя на бедность».

Вот те, кто возглавил и вдохновлял стачку, которая, как они утверждали, «служит интересам» рабочих-протестантов. Многие газеты,

однако, пишут сейчас, что добровольно в ней участвовало лишь 20, а то и 10 процентов жителей протестантских районов. Это была стачка под дулами автоматов. Штурмовики гнали рабочих с заводов, угрожая им расправами над их детьми и женами. Экстремисты захватили электростанции, бензоколонки, разгромили магазины. В итоге ультраправые свели на нет «хитроумную лондонскую дипломатию», суть которой — никаких уступок угнетенному меньшинству. Ультра воюют на два фронта: пытаются запугать католиков и показать Лондону свою силу, заставить его считаться с ними. Нынешний бунт экстремистов вызван всей логикой развития событий в Северной Ирландии. Штурмовики не защищают порядок — это тот джин, которого сам Лондон выпустил из бутылки. Люди в зеленого цвета униформе были нужны ему для борьбы с движением за гражданские права, для того, чтобы держать в узде рабочих-протестантов. Когда солдаты шарили по католическим районам в поисках оружия, бывший лондонский наместник в Белфасте Уайтлоу заверил экстремистов в том, что «не станет требовать у них сдачи всего оружия». В то время тысячи винтовок и пистолетов уже были в распоряжении ультраправых банд.

Путь, уготованный Лондоном и ольстерской буржуазией, доморощенным экстремистам показался, однако, не столь прямым, как задумывалось. Попав в эпицентр политических событий, ультра почувствовали свою силу и политический вес. Несмотря на особые отношения с расквартированной в Ольстере английской армией, они не раз стреляли по солдатам, случалось, и убивали «томми». Это была эпоха, когда «лояльность» рядового протестанта по отношению к Британии стала обретать новые черты. Драматически напряженный ход событий сделал и для «привилегированного большинства» очевидной ту истину, что британские монополии против тех и других — и католиков и протестантов.

Вот почему нынешний лондонский наместник в Белфасте Мерлин Рис делает открытие — в Ольстере существует «новый национализм», так называет он эволюцию протестантской лояльности. Рассказывая о стачке, газета «Гардиан» делает вывод: «Не может быть никаких сомнений в росте антибританских настроений в политической жизни Ольстера, в том, что экстремисты, сильные и вооруженные, могут выступить против британских войск». Вот до чего дело дошло. Впрочем, сейчас штурмовикам не было никакой необходимости вступать в конфронтацию с солдатами. Они вели себя крайне смирно и не препятствовали вводить «новый порядок».

Стачка закончилась, экстремисты празднуют победу и чуть ли не каждый день публично предупреждают: «В любой момент мы можем вновь поставить Северную Ирландию на колени. Мы правим страной». «Министры» из «Совета рабочих Ольстера» продолжают свои сходки. Многие обозреватели считают, что Лондон проиграл эту смешавшую его карты схватку со штурмовиками. Наступила пора подсчитать различного рода убытки. Стачка привела к роспуску Ассамблеи, перенесено на более далекие, будущие сроки создание «Совета Ирландии», в провинции вновь введено «прямое правление» из Лондона.

Итак, новый и, вероятно, один из опаснейших тупиков. Оставят ли в нем состав, груженный отчаянием и злобой, справедливыми требованиями демократических свобод и претензиями экстремистов? В Лондоне на этот вопрос отвечают почти утвердительно. Газета «Обсервер» считает, что причина недавней стачки в том, что «большинство протестантов Северной Ирландии, тех, кто формирует политические группировки, не хотят делить власть с католиками». Газета полагает, что из этого нового преимущества правительство могло бы сделать практический вывод: «Не лучше ли для католиков и протестантов Северной Ирландии жить отдельно, чем умирать вместе?» Это циничное предположение неминуемо рождает контрвопрос: а смогут ли пойти на «списание» все те жертвы, те страдания, какие перенесла мятежная провинция за годы кризиса?

Белфаст — Лондон.
АПН специально для «Огонька».

КОСТРЫ НА АСФАЛЬТЕ

Фото ТАСС и журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт».

И так почти каждый день...

Протестантские ультра держат Ольстер в постоянной напряженности.

Под покровительством этих «джентльменов» в военной форме...

Я ЕДУ НА

Наступило лето — пора каникул и отпусков. Летят во все концы письма и телеграммы: «Я еду в Крым», «Буду отдыхать у себя на Урале», «Приезжайте к нам на Байкал». Что нового произошло в сфере отдыха за последние четыре года, отделяющие нас от предыдущих выборов в Верховный Совет СССР, как развивается курортное строительство? Такие вопросы мы задали участникам совещания за круглым столом «Огонька», состоявшегося на днях в редакции.

Первое слово — председателю Центрального совета по Управлению курортами профсоюзов Ивану Ивановичу Козлову.

И. И. КОЗЛОВ. Лето 1974 года — особый курортный сезон. Его начало совпадает с выборами в Верховный Совет СССР. Полмиллиона отдыхающих будут голосовать за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных, находясь в здравницах.

За минувшие четыре года профсоюзами направлены на развитие санаторно-курортного дела около 1 миллиарда рублей и построены новые здравницы на 61 тысячу мест. За это время в профсоюзных здравницах лечилось и отдыхало около тридцати пяти миллионов человек. Это не считая многих миллионов людей, которые побывали в санаториях и домах отдыха различных ведомств, а также на базах отдыха промышленных предприятий, на туристских базах. Иначе в нашей стране и не может быть: жизнь человека и его здоровье — главное богатство Родины, и оно всегда находится в центре внимания партии и правительства.

Гости, приезжающие из капиталистических стран, поражаются тому, сколь доступны санаторно-курортные учреждения советским рабочим и служащим. Средняя цена путевки в санаторий у нас 120 рублей на 24 дня. Но ведь пятая часть путевок предоставляется бесплатно, остальные всего за тридцать процентов стоимости, за счет средств государственного социального страхования, за счет общественных фондов потребления. Я уж не говорю о домах отдыха, профсоюзная путевка в которые обходится человеку всего 7 рублей 20 копеек — это же за две недели! Кроме того, бывают случаи, когда оплачивается проезд на курорт, а если человек на курорте заболел, то он получает больничный лист. Конечно, такое не может не удивлять!

Для сравнения хочу сказать о такой типично курортной стране, как Италия, где сама природа как нельзя более благоприятствует развитию массового, доступного всем отдыха. На курортах Италии я бывал, знакомился с системой обслуживания отдыхающих. Просто прийти в бювет со своей кружкой и пить минеральную воду там нельзя. Нужно заплатить от 400 до 800 лир (в переводе на наши деньги примерно до одного рубля). У нас, как известно, бесплатно — пейте сколько хотите, лишь бы не повредило вашему здоровью. Бутылка минеральной воды в Италии стоит примерно столько же, сколько бутылка сухого вина. У нас же — до 10 копеек. Визит к врачу там обходится в 4 тысячи лир. Минеральная ванна — от 1,5 до 3 тысяч за одну процедуру. А гостиница? А питание? В результате набегает, если перевести на наши деньги, довольно крупная сумма. Конечно, такие расходы не под силу рабочим и служащим. На всех южных курортах Италии отдыхают бизнесмены, высокооплачиваемые чиновники, представители деловых кругов, люди, имеющие свои предприятия. Такое положение и в других капиталистических странах.

«ОГОНЕК». Кстати, Иван Иванович, не проводилось ли социологическое обследование состава наших курортников и что оно показало?

И. И. КОЗЛОВ. Да, мы располагаем такой статистикой. Она достаточно точная. За последние годы среди отдыхающих в наших здравницах было 50,2 процента рабочих, 33,3 процента служащих, почти 6 процентов колхозников, 5 процентов пенсионеров, около трех процентов инвалидов Отечественной войны. Как видите, структура вполне определенная, с ярко выраженным предпочтением представителям рабочего класса. Она сохранится, разумеется, и в будущем. Однако и здесь в последние годы произошли кое-какие изменения. В 1970 году в связи с постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по осуществлению социального страхования членов колхозов» Президиум ВЦСПС потом принял еще постановление. В нем специально оговорено предоставление путевок колхозникам. В прошлом году, например, на наших курортах побывало более 130 тысяч тружеников полей. Кроме того, Министерство сельского строительства РСФСР по договору с нами запроектировало строительство колхозных здравниц в Пятигорске, Ессентуках. Да и другие министерства, ведомства предоставляют средства на сооружение санаториев и домов отдыха. В общей сложности за счет таких источников финансирования количество мест в здравницах увеличилось за четыре года на 12 тысяч.

Президиум ВЦСПС определил также порядок выдачи неработающим инвалидам Отечественной войны льготных путевок. Они направляются сейчас в распоряжение министерств обороны, социального обеспечения и госпиталей. Что же касается работающих инвалидов Отечественной войны, то о них заботятся республиканские, краевые и областные советы профсоюзов. Ко всему этому следует добавить, что часть путевок продается трудящимся на местах за полную стоимость.

Коль зашла речь о социологических исследованиях, то упомяну еще об одном. Мы получаем много писем с просьбой организовать отдых семьи. ВЦСПС пошел навстречу пожеланиям трудящихся. Если два года назад таких здравниц насчитывалось 170, то сейчас их более 200. Здесь созданы все условия для отдыха родителей и детей. Количество таких учреждений мы будем с каждым годом увеличивать.

«ОГОНЕК». Санатории какого типа пользуются наибольшим спросом и что делается для удовлетворения потребности в них?

И. И. КОЗЛОВ. Пожалуй, наибольшим спросом пользуются путевки в санатории по лечению органов кровообращения, сосудистых заболеваний и пищеварения. За четыре года количество мест в санаториях такого профиля возросло на тридцать два с лишним процента. Большим спросом пользуются также санатории для лечения людей с больными почками. К их услугам весьма популярный в стране санаторий «Байрам-Али» в Туркмении. Но одного такого санатория мало. У «Байрам-Али» появился коллега — «Ситора и Мохи-Хоса» в Узбекистане. В Ялте в этом же направлении специализированы санатории «Энергетик» и «Запорожье», в Казахстане — курорт «Сары-Агач». И все же санаториев такого типа еще мало, и мы принимаем меры, чтобы количество их росло год от года. Имеется в виду перестроить пансионат «Киев» в Ялте; расширить санатории в Башкирии и Калмыкии. Сам «Байрам-Али» сможет принимать в будущем три тысячи человек одновременно. Проектируется также санаторий «Ашхабад» на 500 мест.

«ОГОНЕК». Вы повели разговор о строительстве новых здравниц. Нельзя ли подробнее остановиться на этом вопросе?

И. И. КОЗЛОВ. Самый больной для нас вопрос. На капитальное строительство и благоустройство санаториев и домов отдыха в год ассигнуется около 220 миллионов рублей. Это не считая привлеченных средств министерств и ведомств как застройщиков. Размах строительства в сфере отдыха у нас поистине колоссальный. Но, к сожалению, иногда мы строим медленно и не очень-то хорошо. Некоторые министерства, ведущие строительство, свои планы не выполняют из года в год. Я назвал бы министерства строительства СССР, промышленного строительства, энергетики и электрификации, сельского строительства. Исключение составляет Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии. У иных министерств наметилась тенденция брать заниженные планы. Но и они не всегда реализуются. Получается так: строительство санатория рассчитано на 2—3 года, а практически на это уходит 5—7, а иногда и 8 лет. В частности, именно 8 лет строился пансионат с поликлиникой в Цхалтубо.

Недавно открылся санаторий имени Пржевальского в Смоленской области. Там прекрасные минеральные источники для лечения желудочно-кишечных заболеваний, красивое озеро Сапшо, великолепный парк, есть все, что требуется для создания первоклассного курорта. Но, увы, возможности эти используются не лучшим образом. Дали течь резервуары минеральной воды, плохо сделана гидроизоляция. Не успели принять санаторий, а уже требуется ремонт. Или вот, скажем, курорт «Трускавец». Нужда в нем колоссальная. Сейчас Минпромстрой Украины построил там новый санаторий на тысячу мест. 1 января его приняли. Прошло уже пять месяцев, а на ликвидацию всяких недоделок потребуется еще месяц. Хотелось бы послушать, что скажут по этому поводу строители.

В. В. ГУСЕВ, заместитель начальника управления Министерства строительства СССР. Иван Иванович правильно критиковал нас. Действительно, план не выполнен. Можно было бы перечислить целый ряд причин, помешавших нам это сделать, что, однако, не меняет сути дела. В нынешнем году мы более уверенно стартовали. Итоги первого квартала дают основания полагать, что мы добьемся своевременного ввода здравниц в строй. А что касается санатория имени Пржевальского, то это факт из ряда вон выходящий, и мы примем меры к устранению всех дефектов.

КУРОРТ...

«ОГОНЕК». Строительство теснейшим образом связано с проектированием. Читателей журнала интересует и будущее курортов. Что тут нового?

С. Д. ЮСИН, директор института «Союзкурортпроект». Нового немало. До недавнего времени основным типом здравницы был санаторий, рассчитанный на 250—500 мест. Это максимально. Теперь такой считается средним по величине. Наш институт проектирует санатории, как правило, на 500 — 1 000 мест, размещенные на большой площади. А отдельные комплексы—на 10—14 тысяч человек. Уже разработан проект санатория, где одновременно сможет отдыхать около трех тысяч трудящихся. И хотя проект этот индивидуальный, в нем использованы некоторые типовые решения. Создается интересный проект для Нижней Каменки под Алма-Атой, включивший в себя последние разработки, найденные в ходе специального конкурса. В перспективе комплекс здравниц в Запикетном районе Кисловодска на 5 — 6 тысяч отдыхающих — целый новый район курортного города.

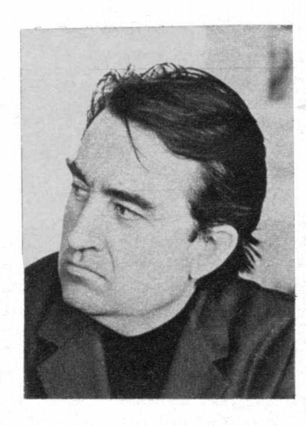
На Дальнем Востоке славится «Шмаковка», располагающая прекрасным нарзаном — он содержит больше углекислоты, чем кисловодский. Там, в Уссурийской тайге, уже существует санаторий на 600 мест, а будет комплекс на 5,5 тысячи. Можно назвать такие очень перспективные районы для развития курортов, как «Кульдур» с термальными водами в Еврейской автономной области, «Чимион» в Средней Азии, Щучинская курортная зона в Казахстане, алтайская «Белокуриха» со знаменитыми радоновыми источниками. Мы занимаемся и курортами средней полосы России. По заданию Центрального совета по управлению курортами профсоюзов институт работал также над проектами водогрязелечебниц для таких промышленных центров, как Пермь, Минск, Магнитогорск, Краснодар...

«ОГОНЕК». Вероятно, с точки зрения экономистов строительство укрупненных санаториев на тысячу — пять тысяч человек рационально. А как рассматривают курортологи проблему скученности, шумов и всего того, от чего обычно люди уезжают отдыхать?

С. Д. ЮСИН. Да, этот психологический аспект приходится учитывать, создавая в крупных санаторных комплексах обстановку покоя, тишины. Каким образом? Корпуса располагаются подальше друг от друга, отделяются зелеными зонами, спортивными площадками, наконец, самим рельефом.

А. Т. ПОЛЯНСКИЙ, директор Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования курортных зданий. В 1972 году в Варне состоялся Всемирный конгресс «Архитектура и отдых». Выступая там с докладом, рассказывал о достижениях Советского Союза в курортном строительстве. В нашей стране созданы все условия для массового отдыха советских людей. Сам отдых у нас общедоступен. Это — огромное социальное завоевание народа. И тем не менее спрос на путевки в здравницы быстрыми темпами растет. Как решить эту проблему? Главное направление — создание крупных курортных комплексов. Мы, например, проектируем «Машук». Это будет рассчитанный на 14 тысяч мест крупный курорт-сад в Пятигорске. Площадь его — более 630 гектаров. С одной стороны гора, с другой — безбрежные ставропольские поля. На «Машуке» будут применены прогрессивные методы строительства. Прямо на заводе должны изготавливаться комнаты со всеми удобствами и мебелью — вплоть до цветочных ваз. Такой цех строители уже делают.

Сейчас многие предприятия ставят вопрос об организации собственной зоны отдыха. КамАЗ, например, хочет иметь зону на 3 тысячи человек, чтоб нашлось в ней место и для детей и для молодежи. Правильное начинание. Наш институт ведет разработку такого генплана. Кроме того, мы рекомендовали ВЦСПС типовой проект базы отдыха трудящихся для различных предприятий на 1,5 тысячи мест. Что в

него входит? Профилакторий, дом отдыха, дом ребенка, небольшие домики для семейных, туристический и пионерский лагеря. Все это размещается на большой территории. Следует всячески поощрять создание таких баз.

Недавно ЦК КПСС принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению организации отдыха пионеров и школьников». В нем обращено внимание на разработку современных типовых проектов строительства пионерских лагерей с учетом создания необходимых условий для трудового воспитания, физического развития детей и организации отдыха рабочих и служащих в период занятий школьников. Для нас это постановление открывает еще более широкий фронт работ. Дело в том, что «пионерская тематика» нам особо близка, мы ею занимаемся уже много лет. Вместе с ВЦСПС институт разработал проекты комплексов пионерских лагерей и баз отдыха молодежи. Эти типовые проекты пользовались и пользуются большим спросом. Мы получили много заказов. Мною, в частности, разработан комплекс международной детской здравницы «Новый Артек» в Крыму. Теперь наши проекты будут выполняться еще быстрее, а главное — быстрее претворяться в жизнь.

«ОГОНЕК». А как обстоит дело с обслуживанием тех, кто приезжает на курорт без путевок? В частности, как подготовился к новому сезону Главкурортторг?

А. Т. МИШИН, заместитель начальника Главкурортторга Министерства торговли РСФСР. К услугам тех, кто будет отдыхать на курортах России, две тысячи продовольственных и промтоварных магазинов. Среди них новый торговый центр в Ессентуках, универсам в Сочи, Дом торговли в Анапе специально для детей. Сейчас заканчивается строительство универсамов в Пятигорске и Кисловодске. Идет реконструкция магазинов в Сочи, Нальчике, Орджоникидзе, Минеральных Водах.

Наши столовые, рестораны, кафе и закусочные могут принять одновременно 125 тысяч человек. Гостеприимно распахнули двери рестораны в Туапсе, Сочи, Ессентуках, на очереди ресторан в Железноводске.

Как известно, порой курортники сетуют: много времени уходит на то, чтобы пообедать, позавтракать. В прошлом году в Сочи в двух больших столовых были установлены линии «Эффект» с конвейерной доставкой обеда и уборкой посуды. Это значительно ускорило обслуживание гостей. Во многих столовых вводится саморасчет, устраиваются выставки-продажи полуфабрикатов и кулинарных изделий. Все это, конечно, служит одному делу: быстро и вкусно накормить отдыхающих.

В наступившем сезоне мы позаботились и о «зеленом столе» курортных городов. Увеличен завоз картофеля, овощей, фруктов. В Новороссийске пущен завод по производству пепси-колы. Это специально для курортников. Однако есть у нас претензии к предприятиям пищевой промышленности: кое-где сократился ассортимент пользующихся спросом хлебобулочных изделий, особенно для страдающих диабетом. Молочные, мясные и хлебные продукты завозятся в магазины только раз в сутки. Туристы предъявляют претензии к торговле консервами, требуют небольшие банки — по 100 — 150 граммов, а в продаже преобладают весьма увесистые.

* * *

Разговор на курортные темы показал, как много делается в нашей стране для отдыха трудящихся. Однако есть тут еще немало животрепещущих проблем. Одни из них могут быть решены оперативно, местными силами, непосредственно на самих курортах, другие требуют более глубокого изучения, вмешательства министерств, планирующих органов.

Беседу записала
Г. КУЛИКОВСКАЯ

«ЗДРАВООХРАНЕНИЕ-74»

В Москве, в Сокольниках, завершила свою работу международная выставка «Здравоохранение-74». Посетители выставки смогли увидеть оснащение медицинских учреждений сегодняшнего и завтрашнего дня.

Среди трех тысяч экспонатов, представленных Советским Союзом, большой интерес вызвала «Комплексная система исследования операторов», разработанная совместно Всесоюзным заочным машиностроительным институтом и Всесоюзным научно-исследовательским и испытательным институтом медицинской техники. Научно-техническая революция вызвала к жизни множество специальностей, предъявляющих к психике человека серьезные требования. Диспетчер аэропорта и службы метрополитена, оператор электростанции или сложного химического производства работают в напряженных условиях. К ним поступает разнообразная информация — всякий раз ее необходимо быстро и безошибочно оценить и принять единственно верное решение, от которого зависит благополучие людей, сохранность дорогостоящей техники, бесперебойность производственных процессов. Как узнать, справится ли человек, не подведет ли в самый напряженный момент? Для этого и была создана новая система. С помощью подключенной к приборам электронно-вычислительной машины КСИО-1 предлагает испытуемым различные вопросы-тесты и, учитывая скорость ответов и число ошибок, определяет профессиональную пригодность испытуемых. «Умеет» КСИО-1 и другое: например, определить степень утомления работающего человека или, напротив, степень восстановления его психических функций после тяжелой болезни или хирургической операции.

Большой интерес у посетителей вызвали также медицинские приборы, инструменты, лекарственные препараты из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, а также продукция различных фирм США, ФРГ, Франции и других стран.

Социалистические страны продемонстрировали на выставке свои достижения в создании медицинской техники. Это — одно из многочисленных направлений научно-технического сотрудничества в рамках СЭВ. Его координационный центр — Всесоюзный научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники.

— Размах работы по созданию современной медицинской техники и оснащению лечебных институтов и клиник социалистических стран поистине грандиозен,— рассказал нам директор института Р. И. Утямышев.— В ней участвуют академии медицинских наук, министерства здравоохранения, десятки ведомств стран социалистического содружества. С созданием центра эта работа стала четко координироваться. Сейчас особое значение мы придаем созданию информационных управляющих вычислительных систем, стандартизации и унификации медицинской техники. Эта техника будет самого высокого качества и сможет успешно выступать на мировом рынке.

Деловые беседы в павильонах выставки позволили наметить новые горизонты сотрудничества. Обмен опытом и контакты, установленные на выставке «Здравоохранение-74», будут способствовать благородному делу сохранения здоровья человека.

А. ГОЛИКОВ, М. МАТВЕЕВ

На снимке: один из разделов советской части выставки.
Фото ТАСС.

ВО ИМЯ БРАТСТВА

В сентябре прошлого года на гостеприимной земле Казахстана проходила V Конференция писателей стран Азии и Африки. На этот представительный международный форум съехались литераторы из 55 стран двух континентов, их коллеги из социалистических государств, прогрессивные писатели Европы и Америки. Участники конференции обсуждали важнейшие проблемы литературной жизни африканских и азиатских народов, делились с собратьями по перу своими творческими замыслами, удачами и заботами. Зарубежные гости имели возможность совершить поездки по нашей стране, побывать на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, ближе познакомиться с жизнью и трудом советских людей.

Покидая Советский Союз, многие из них говорили, что увозят с собой неизгладимые впечатления, а главное, дух солидарности и истинного товарищества, который помогает писателю отдавать все силы и талант служению братству народов, борющихся за мир, прогресс и национальное освобождение.

Просматривая зарубежную прессу и почту, нередко встречаешь имена писателей—участников конференции в Алма-Ате.

В интервью газете «Морисьен» писатель с острова Маврикий Жан Жорж Проспер на вопрос: «Каково отношение советских писателей к Ассоциации писателей стран Азии и Африки?» — отвечает:

— Советская общественность уделяет большое внимание укреплению дружеских связей с народами Азии и Африки. Свидетельством этому может служить книжная выставка, которая была развернута во время конференции в Алма-Ате. На ней было представлено более 2 тысяч произведений писателей Азии и Африки, изданных в Советском Союзе. За годы Советской власти в стране выпущено 3 700 произведений, принадлежащих перу более чем 600 писателей двух континентов. Эти книги переведены на 68 языков народов Советского Союза и вышли общим тиражом в 150 миллионов экземпляров.

В ответе на вопрос: «Каковы, по вашему мнению, конкретные результаты встречи писателей и поэтов двух континентов?»—Проспер подчеркнул:

— Добиться победы в борьбе за социальный и экономический прогресс можно лишь при условии сплочения всех усилий, при условии, если силам империализма и неоколониализма будет противостоять единство и солидарность всех народов. Именно эти идеи прогрессивные писатели пропагандируют в массах. На встрече большое место было уделено обмену опытом писателей по изданию литературных произведений. Личные контакты, имевшие там место, без сомнения, будут способствовать объединению усилий в достижении общих целей: установления прочного мира и прогресса во всем мире. Алма-атинская конференция является важным этапом по пути к достижению этих целей.

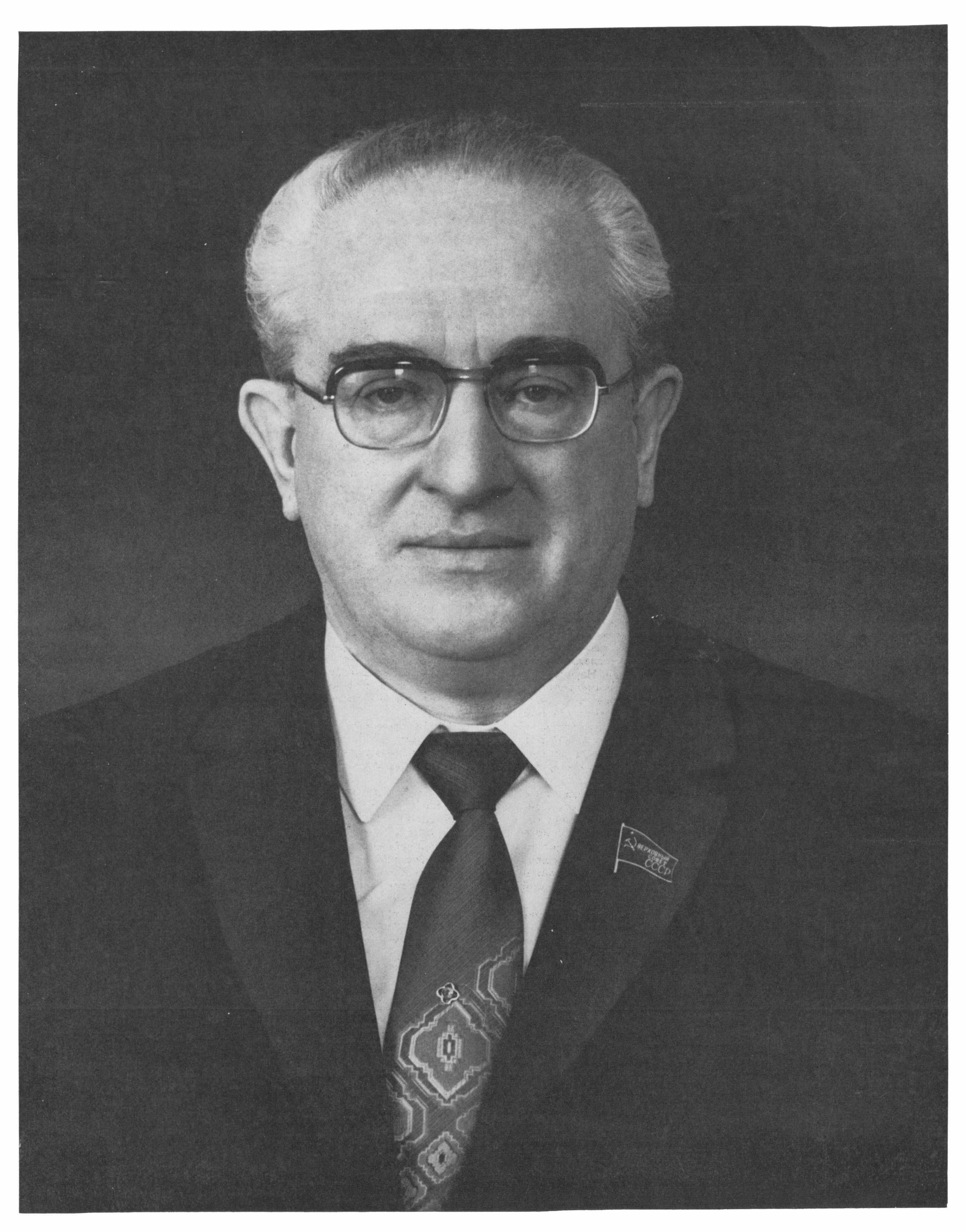
Нигерский писатель Диадо Амаду рассказывал читателям о днях, проведенных на советской земле: «Повсюду нас встречали улыбками, букетами цветов. Все, начиная от руководителей республики до простых рабочих и крестьян, старались оказать нам самый сердечный и братский прием. Многие делегаты, с которыми я встречался на конференции, рассказывали мне об очень интересных, незабываемых встречах с советскими людьми... Я никогда не забуду пожилую казашку и мальчика лет восьми, которые подошли ко мне на улице, чтобы пожать мне руку. Это лишний раз убедило меня, что люди Казахстана очень дружественны и гостеприимны. О них у меня остались самые приятные воспоминания».

Поэтесса Нзузи Файк из далекой африканской страны Заир написала в своей открытке: «Пребывание в вашей прекрасной стране доставило мне огромное удовольствие. Я надеюсь, что развивающиеся отношения между нашими странами будут способствовать расширению культурного обмена и личных контактов между писателями. V Конференция афро-азиатских писателей открыла перед нами новые горизонты, и мы будем настойчиво использовать ее положительные результаты».

А вот письмо из Ливана. Его отправители ливанские писатели Мишель Сулейман, Ахмед Абу-Саад и Мишель Аси выражают благодарность Союзу писателей СССР за внимание и заботу, которой была окружена делегация в Советском Союзе, и вновь восхищаются теми достижениями советского народа, которые они могли видеть во время пребывания в нашей стране.

Такие же теплые письма пришли из Мали, Пакистана, Бангладеш, Японии, Сомали, Верхней Вольты и многих других стран Азии и Африки. Их авторы пишут о важности решений конференции для творческой интеллигенции афро-азиатских стран, о том, какие выводы сделали они для себя, познакомившись с деятельностью союзов писателей наших республик.

О. АГЗИБЕКОВ

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

к 60-летию со дня рождения

И. Грабарь. 1871—1960. НА ОЗЕРЕ. 1926.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР

РОСТОВ-НА-ДОНУ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

«У нас в школе висит траурная газета с портретом Алексея Прокофьевича и рассказ о его военных подвигах и о последнем подвиге, когда он, как истинный русский воин, «всех защитивший, себя не спасший», погиб, но сохранил жизнь девочке... У нас висит газета с портретом в траурной рамке, а мы помним Алексея Прокофьевича жизнерадостным, шумным, веселым, энергичным. Он приехал к нам в школу, и сразу стало празднично. Мы увидели русского богатыря-солдата, сильного, мужественного, великодушного. Вот он, защитник Родины, покоритель рейхстага. Таким мы его полюбили, таким он остался в нашей памяти, в наших сердцах...»

Это строки из письма школьников города Электросталь, с которыми был дружен Алексей Прокофьевич Берест. В памяти многих людей сохранился образ этого мужественного человека. Вместе с Кузьмой Гусевым Алексей Берест возглавлял штурмовой отряд, проложивший путь к рейхстагу. Потом, в разгар боя, он прикрывал с группой автоматчиков Егорова и Кантария, водрузивших алый стяг над куполом рейхстага.

Вернувшись с фронта, Алексей Прокофьевич обосновался в Ростове. На «Ростсельмаше» его хорошо знали не только сталевары, с которыми вместе работал. Высокий, сильный, он был популярным на заводе спортсменом, постоянным знаменосцем на демонстрациях, грозой хулиганов — дружинником. Любили его и за веселый нрав, за народные песни, широкие, раздольные, которые он так хорошо пел. И вдруг страшная беда.

...Ноябрьским вечером шел Алексей Прокофьевич с внуком через железнодорожные пути и увидел в свете локомотивных фар ребенка, беспечно выскочившего на рельсы. Ребенка он спас. А потом... Разрезая шум улицы, мчалась машина «Скорой помощи» в хирургическую клинику. Врачи сделали все, что могли, но сохранить жизнь Алексея Прокофьевича не удалось...

С тех пор прошло более трех лет. Недавно на «Ростсельмаше» был открыт памятник Бересту. Проект мемориала создал художник завода Трифонов. Бюст отлили сами сталевары, тут же, в цехе, отлили и барельеф, посвященный штурму рейхстага. А рядом со сталелитейным цехом на стене сверкают металлом стихи о Бересте, сложенные заводским поэтом. Здесь, в цехе, все напоминает о нем. Создана и молодежная бригада его имени.

...Улица имени Береста. Школа имени Береста. Пионерские отряды имени Береста. И письма, письма — они приходят к его близким со всех концов страны. Подвиги солдата и рабочего живы в памяти людской.

С. ЛИПШИЦ

На снимке: Людмила Федоровна и Ирина Берест. У памятника герою.

Фото Г. Осокина.

ПУТИ-ДОРОГИ «БОГАТЫРЯ»

СЕВАСТОПОЛЬ

Через океаны идет необычный караван. Он привлекал внимание и моряков встречных кораблей и жителей портовых городов Канарских островов и Панамы, где суда отдавали якорь. Дальний переход начался весной на Черном море, а завершится летом у берегов Советского Приморья. Экипаж теплохода «Витим» во главе с опытным капитаном А. Козаченко выполняет сложную морскую инженерную операцию. Сухогрузное судно, имея на борту десять тысяч тонн груза, одновременно буксирует плавучий кран-исполин «Богатырь-2». Он адресован Восточному порту, строящемуся в бухте Врангеля.

В Советском Союзе сооружены первые отечественные тяжелые морские плавучие краны «Черноморец» и «Богатырь». В их создании участвовали конструкторы и инженеры Москвы, Ленинграда, Свердловска... Замысел ученых претворили в жизнь корабелы Севастопольского морского завода имени Серго Орджоникидзе. Большая группа конструкторов и строителей во главе с Н. Д. Великосельским за создание высокоэффективных самоходных плавучих кранов представлена на соискание Государственной премии СССР 1974 года.

— Что представляют собой «Богатыри»? Первый из них уже успешно работает в порту Ильичевск. Его младший брат — «Богатырь-2» — только начинает трудовую биографию. Каждый из них — морское самоходное судно понтонного типа. Водоизмещение — свыше 2 100 тонн, длина — более 54, а ширина — 25 метров. Грузоподъемность главного гака — триста тонн. Кран может принять на верхнюю палубу 900 тонн и доставить к месту назначения со скоростью около шести миль в час,— рассказывает главный конструктор Николай Дмитриевич Великосельский.— «Богатыри» предназначены для операций с тяжеловесами в портах, на открытых рейдах и в прибрежных районах, их можно использовать на строительстве гидротехнических сооружений, при судостроительных, монтажных, судоподъемных и спасательных работах.

— Перегон «Богатыря-2» в бухту Врангеля проходит успешно. За два месяца теплоход «Витим» и буксируемый им кран-исполин прошли более семи тысяч миль,— сообщает капитан-наставник Дальневосточного пароходства, начальник экспедиции А. Дадьянц.— Сейчас караван пересекает Тихий океан. Курс проложен к родным берегам.

Г. БРЕГМАН

На снимке: плавучий кран «Богатырь-2» в море.

Фото С. Муравьева.

СУРГУТ

ПОСЛЕДНИЙ ПРОЛЕТ

Я стоял на строящемся мосту, на 24-метровой высоте над рекой, и смотрел вниз. Дул сильнейший ветер, и мост гудел, словно от возмущения. Монтажники собрались в избушке, прилепившейся на консолях шестой опоры, ждали, когда кончится ветер или хотя бы скорость его снизится до той допустимой нормы, при которой правила техники безопасности разрешают вести монтаж,— до двенадцати метров в секунду...

Многие ли знают, что, помимо могучей реки Оби, есть еще и Юганская Обь — ее рукав шириной ни много, ни мало — около километра? Обе эти Оби встали преградой на трассе железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовский, пробивающейся к несметным кладовым нефти знаменитого Самотлора. Тут, под Сургутом, возникает уникальный мостовой переход общей длиной в тридцать один километр через болота, заливную пойму, остров и две реки. Первое его звено — мост через Юганскую Обь, где трудятся сейчас монтажники. А всего на труднейшей, по признанию самих строителей, трассе должно возникнуть около трехсот мостов. Большая часть из них уже оседлала реки и речушки, что позволило открыть рабочее движение поездов до самой Юганской Оби, а пятнадцатый мостоотряд за строительство моста через Иртыш благодарными жителями Тобольска занесен в Почетную книгу города.

Мостостроители рассказывали мне о капризном норове Юганской Оби. А я, слушая их, вспоминал прошлогоднюю весну. Тогда на шестой опоре шло погружение свай-оболочек. В середине марта река подмыла шпунт и хлынула в котлован, грозя свести на нет все усилия мостовиков. Шпунт забили вновь. Но опять случился прорыв, теперь уже в другом месте. Люди в водолазных костюмах стояли по пояс в воде, бросая в прорыв мешки с цементом. И отстояли опору, хотя река еще дважды заставляла их идти на штурм...

В тот момент, когда я предавался воспоминаниям о прошлом, дверь в избушке, где пережидали монтажники, распахнулась, на пороге появился монтажник Владимир Зубарев и заорал радостно: «Пляши, ребята, всего-навсего двенадцать метров!.. До конца смены успеем смонтировать парочку раскосов...»

Через три дня, когда я уезжал со строительства, пролет между восьмой и девятой опорами заметно удлинился. Это был последний пролет. Когда эта заметка дойдет до читателя, мост через Юганскую Обь будет полностью смонтирован.

Ю. ЛУШИН. Фото автора.

На снимке: монтажник Владимир Зубарев.

ГОЛУБАЯ НИТЬ КАРАКУМОВ

«ЦЕЛИНА НЕ КОНЧАЕТСЯ КАЗАХСТАНСКИМИ ИЛИ АЛТАЙСКИМИ СТЕПЯМИ. ЦЕЛИНА — ЭТО ТАЙГА СИБИРИ, ТУНДРА СЕВЕРА, ПУСТЫНИ СРЕДНЕЙ АЗИИ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Л. КОРОБОВА,
Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Через давно погибшие оазисы, мимо развалин древних городов, сквозь яркую россыпь новых хлопководческих совхозов несет свои воды Каракум-река. Напоив на своем пути столицу Туркмении Ашхабад, она устремляется дальше, на запад. Здесь, у Геок-Тепе, кончается третья очередь Каракумского канала и начинается четвертая. Здесь, в предгорьях Копетдага, лежат плодородные земли, с которых при достатке воды можно снимать по три урожая в год! Строящееся Копетдагское водохранилище, из которого, собственно, и берет начало четвертая очередь, накопило уже пятьдесят миллионов кубометров воды, а через несколько лет ее запасы увеличатся в одиннадцать раз. И станет оно вторым в республике после Хауз-Ханского искусственного моря.

Гул бульдозеров и земснарядов врывается в тишину пустыни.

Мы стоим у водозаборного сооружения и начальник «Копетдаггидростроя» Аннамурад Аннакурбанов рассказывает:

— Новое водохранилище расположено в зоне высокой сейсмичности, и от нас, строителей, требуется особенно высокое качество работ, гарантирующее надежность каждого объекта. Перепад высоты между входом и выходом воды составляет 54 метра! С учетом этого строится целый каскад сооружений: вода по ним пойдет, словно со ступеньки на ступеньку.

Аннакурбанов пришел на Каракумский канал, когда начиналось сооружение второй очереди. Канал вели через родные земли Аннамурада — Теджентский оазис. Единственная речка детства Тедженка, начинаясь у афганского Гиндукуша, доносила до его аула Кяль последние капли воды, а иногда и совсем исчезала в песках. Тогда дети помогали взрослым рыть в сухом русле колодцы, чтобы на следующую весну в них накопилась вода. Мог ли Аннамурад избрать иную профессию? Ведь на его родине всегда уважали тех, кто строил каналы.

— Четвертая очередь — не просто новые километры канала,— продолжает Аннакурбанов.— Это расширение и углубление всех уже проложенных водных путей: проектировщики считают, что пароходы должны ходить до восемьсот двенадцатого километра — до Безмеина... Даже возле водохранилища не ощущаешь прохлады. Бульдозеристы предпочитают работать ночью.

На участке гидротехнических сооружений мы познакомились с Александром Ивановичем Антиповым, ветераном Каракумов — был он и шофером, и слесарем, и на земснаряде работал,— словом, незаменимый на трассе человек. Немногие смогли выдержать столько лет в пустыне, а он вот прошел все три очереди канала и взялся за четвертую. Под стать ему и шофер Борис Кизилов, работающий в самом дальнем управлении — «Западгидрострое».

...Борис не был в пустыне новичком — еще до Каракумского канала строил колодцы в Ташаузской области. Они и сейчас есть на карте: Уч-Кую, Таза-Кую. Борису поручали отыскивать новые дороги в песках. Однажды он не вернулся с задания. Искали его долго и спустя много дней нашли почти без признаков жизни. К счастью, спасти Бориса удалось.

Все думали, что теперь он навсегда распрощается с Каракумами,— никто его не осудил бы за это. А Кизилов и поныне на трассе: то ли привык к пустыне, то ли полюбил ее. Вернее всего, и то и другое.

В этом году вода подойдет к Бахардену, и три новых колхоза впервые получат воду. А трасса бежит дальше, к железнодорожной станции Бами. Здесь, у древних холмов Нияз-Тепе, находится сейчас первый эшелон четвертой очереди канала — строительство ее ведется одновременно с проектированием, которым занят ашхабадский институт «Туркменгипроводхоз».

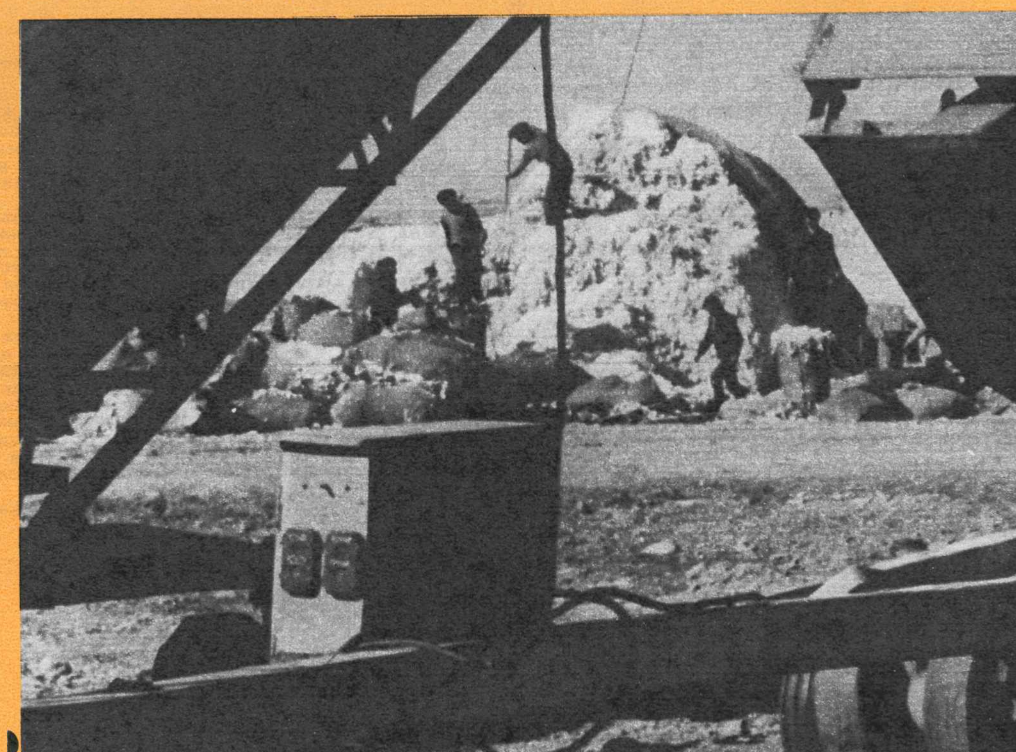
Когда я смотрю на карту республики, тонкая голубая ниточка, приближающаяся к Каспию, видится мне не просто каналом в песках, а животворной артерией, утолившей извечную жажду пустыни, давшей ей возможность цвести, плодоносить, жить!

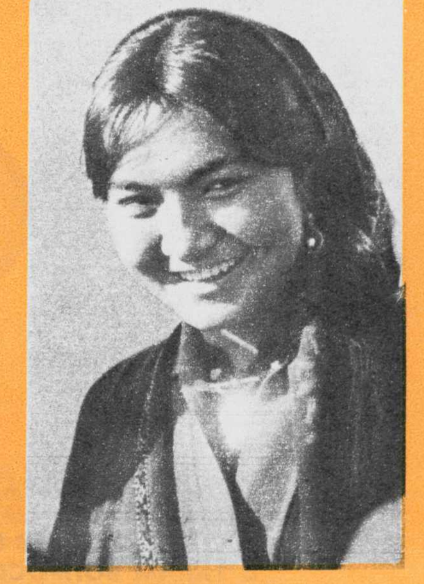
Заполняется Копетдагское море.

Целинный совхоз «Каракумканал».

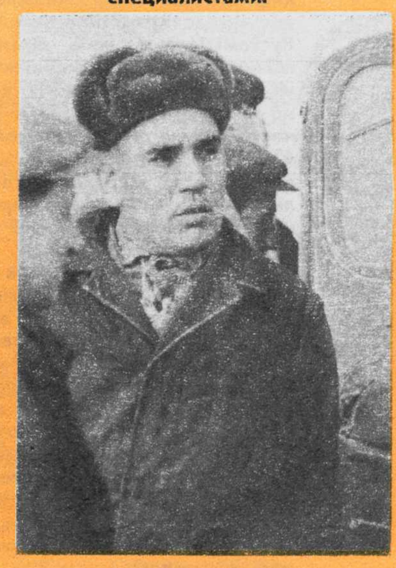
Хлопкороб из Теджена Огулькерек Акмамедова.

Главный инженер проекта Каракумского канала лауреат Ленинской премии И. В. Болтенков беседует с молодыми специалистами.

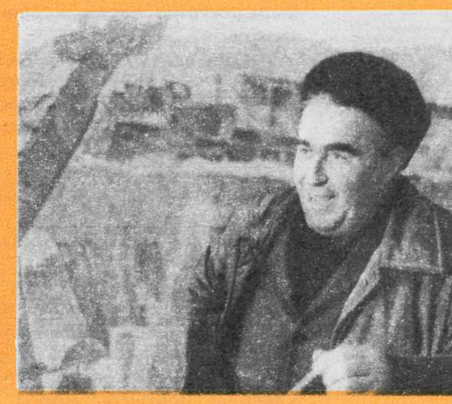

Теперь Тедженский район дает в десять раз больше хлопка.

Бригадир бульдозеристов, Герой Социалистического Труда Курбан Байрамгельды.

Ветеран «от первого колышка» А. И. Антипов.

СВЕТЛЫЕ Ч

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. МНОГООБРАЗНЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ, ЕГО ЧЕРТЫ. КАКУЮ ИЗ НИХ ВЫ ОСОБЕННО ОСТРО ОЩУЩАЕТЕ В СВОЕЙ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ?

С ТАКИМ ВОПРОСОМ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ОБРАТИЛИСЬ К ЛЮДЯМ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ И ВОЗРАСТОВ.

ПЯТЬ ДИПЛОМОВ

Убайдулла АБДУЛЛАЕВ,
председатель колхоза имени XXII партсъезда, Среднечирчикского района, Ташкентской области

— Время от времени вся наша семья собирается у меня дома, в кишлаке Той-Тепе. Приезжает отец, восьмидесятишестилетний Абдулла Рустамходжаев, мать, семидесятисемилетняя Тоджи, собираются дети, внуки и правнуки. И, конечно, на таких семейных собраниях речь нередко заходит о прошлом. Отец и мать вспоминают дни, когда я, совсем еще маленький, лежал в люльке из мешковины, привязанной к тутовнику на меже крохотного земельного надела. С утра до вечера мои родители мерно взмахивали мотыгами-кетменями... Отец очень доволен, что его сын, сын бедняка дехканина, стал председателем колхоза, и в который уже раз придирчиво расспрашивает меня о делах нашего хозяйства. А я, как и подобает почтительному сыну, даю подробный отчет. Говорю, что в прошлом году наш колхоз собрал тридцать два центнера хлопка с гектара, что на нынешний год мы намечали получить с каждого га на три центнера больше, но после выступления Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате пересмотрели свое обязательство, прибавив к нему еще по пять центнеров с гектара. Отец внимательно слушает, одобрительно кивает. Он помнит, что на этих же землях в первые годы нашей народной власти урожайность была всего по десять — двенадцать центнеров...

Вот и недавно наша семья опять собралась в Той-Тепе. И отец удивил нас: приехал из соседнего кишлака на гнедом жеребце. Внук Саидлукман, доставивший бабушку Тоджи на своих «Жигулях», с чувством гордости и беспокойства за деда спросил:

— Что ж это вы, дедушка, все по-старому ездите?

— Как это по-старому? — приосанился Абдулла.— Да известно ли тебе, что конь — это самая настоящая физкультура? А разве в старые времена о ней кто-нибудь слышал? Впрочем, много о чем не слышали мы в старые-то времена...

Тут и начался семейный разговор, который как бы стал ответом на вопрос корреспондента «Огонька».

— Прежде, когда тебя, внучек, и на свете не было, в нашем кишлаке человек, пожелавший отправить письмо родственникам, шел на поклон к мулле — единственному среди нас, кто владел грамотой. И я так делал и твоя бабушка. Но вот пришла Советская власть. И твой отец, у которого все мы сегодня собрались, уже в восемь лет сидел за школьной партой. И как же гордились мы с матерью, когда наш Убайдулла написал первое письмо, которое мы ему продиктовали... А потом, много лет спустя, я взял в руки диплом своего сына, первый диплом о высшем образовании в нашем дехканском роду... И не было в моей жизни дня более радостного.

Я слушал отца и улыбался: такими же счастливыми были для него и те дни, когда уже внуки его один за другим показывали старику свои дипломы. Старший внук Мухаммад окончил Ташкентский сельскохозяйственный институт, нынче он главный агроном районного сельхозуправления. Нугман стал экономистом. Саидлукман, тот, что бабушку Тоджи на «Жигулях» привез,— учитель. Саидмухаммад выбрал для себя такую науку, о которой его деды и не слыхивали,— геохимию. Диплом он должен получить как раз накануне выборов в Верховный Совет СССР...

Тогда-то я и взглянул на наши семейные дипломы глазами своего отца: ведь это Советская власть дала нам право стать агрономами, педагогами, учеными. А отец, как бы подслушав мои мысли, разложил все дипломы на достархане, бережно погладил их и проговорил:

— Настоящие, государственная печать на них.

СОСЕДСКОЕ ПОЛЕ НЕ ЧУЖОЕ

Я. ЧАКИР,
депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, директор совхоза «Прут»

— При всей кажущейся простоте вопроса ответ на него в общем-то совсем не прост. Какая из граней советского образа жизни лично для меня наиболее ощутима? Первое побуждение ответить: все. И это не будет преувеличением. Советский образ жизни — это, по сути, все, что окружает нас каждодневно, ежечасно. Рабочий представляет интересы народа в высшем законодательном органе государства. Крестьянин — известный всему миру певец. Четыреста малышей, детей наших рабочих, полностью взяты совхозом на свое обеспечение. Привычная, ставшая обыденной картина. Над ее смыслом мы порой даже не задумываемся. А ведь именно она-то и характеризует наш советский образ жизни!

И все-таки, думая о приметах советского образа жизни, я не могу не выделить одну. Примета эта характеризует новое качество молдавского крестьянина, я имею в виду чувство коллективизма. Единоличник более всего держался за свой клочок земли. В его сознании межа была границей всех жизненных интересов. И вот он стал убежденным коллективистом.

Думая об этом, невольно проводишь параллель с прошлым. Память уносит в детство, в родное село Глубокое. Было мне тогда лет десять, не более. Помнится знойный июль, полевая дорога, по которой несу обед отцу, и межа, где разыгралась трагедия. Здесь сошлись в смертельной схватке два крестьянина, два брата из-за клочка земли. Спор решили коса и вилы. Минуло несколько десятков лет, но мне не забыть человека на меже, истекающего кровью. Так было. А сегодня...

У одного нашего рабочего сгорел дом. Совхоз, конечно, помог и средствами, и материалом, и транспортом. А строить новый дом пришли не только близкие, соседи, но и люди из других сел.

...Каждый год по договорам наши рабочие ездят в Архангельскую область заготавливать лес. Когда собирается бригада, нередко можно услышать и такое: «Ты оставайся, сосед, у тебя семья большая, жене одной будет трудно. А я в лесу и за тебя норму выполню...»

Чувство коллективизма характерно не только для взаимоотношений односельчан, но и для взаимоотношений целых хозяйств. Помнится, в минувшем году обстоятельства сложились так, что надо было побыстрее убрать ранние сорта винограда. У садоводов (а садами у нас занимаются два села) тоже дел невпроворот. Однако люди решили так: оставить в садах два звена, а большинству идти на помощь соседям. И еще один пример. Соседний совхоз «Синешты» длительное время никак не мог наладить свои дела. Побывали там наши люди, вернулись озабоченные. Беду соседей восприняли, как свою. И решили: поможем техникой, материалами, личным трудом. И помогли — наши рабочие участвовали в посадке пальметтного сада.

Нет, соседское поле не чужое. Это правило, на мой взгляд, ярко характеризует советский образ жизни.

ВСЕ РУКИ — ДОБРЫЕ

Б. ДЕРЕВСКИЙ,
геолог

— Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен вернуться к событиям почти тридцатилетней давности. Село наше, Бахилова Поляна, находится в нескольких километрах от плотины Волжской ГЭС имени В. И. Ленина. Но в 1945 году никакой плотины, конечно, не было. Стоял там лесопильный завод, где отец работал бухгалтером. Мама наша умерла, а в апреле сорок пятого отца положили в больницу. Остались мы в доме одни. Самому старшему, Геннадию, было двенадцать лет, мне — около десяти, Юре — шесть, Диме — два года. Время было трудное, голодное. Прибежит к нам утром соседка тетя Клава, старших в школу проводит, младших покормит, накажет Юре, чтобы следил за Димой... Нас с Геной кормили в заводской столовой. Никаких денег не брали. А вечером из школы нас провожала учительница Зоя Михайловна Аникина. Печь натопит, поужинать приготовит, спать уложит.

ЕРТЫ ЭПОХИ

Убайдулла и Мухаммад Абдуллаевы — отец и сын, председатель колхоза и агроном.

Фото В. Сваричевского.

Дети одной семьи Деревских...

Я. М. Чакир.

Фото Н. Спивака.

Отец так до Дня Победы и не дожил. Умер тогда же, в апреле. Заводские его похоронили. А за нами все тот же присмотр. Были накормлены, одеты-обуты не хуже других и благополучно закончили с братом учебный год в школе.

Мы не знали тогда, что наши судьбы всколыхнули многих людей в районе. Младшим нашли опекуна, а нас с Геной взяла на воспитание воинская часть военного округа. Стали мы детьми полка. Сшили нам по размеру шинели, сапоги и зачислили на все виды довольствия.

Мы считали свою судьбу устроенной. Но многие взрослые, совершенно чужие нам люди, не могли мириться с тем, что нас разлучили с младшими братьями. Была среди этих взрослых Варвара Павловна Заварухина, работавшая тогда в райкоме партии. Там, при райкоме она жила с двумя детьми. Муж ее погиб на фронте.

Она и разузнала, что есть в селе Отважном удивительная семья Деревских, где больше двадцати детей разных национальностей. И все приемные. Варвара Павловна поехала туда, познакомилась с матерью этой обширной семьи, Александрой Авраамовной, посмотрела на детей и убедилась, что это дружная, работящая семья. Попросила она Александру Авраамовну усыновить и нас четверых. Сначала привезла туда младших, затем Геннадия, а потом и меня.

Вскоре мы все переехали на Украину в город Ромны, куда получил направление на работу глава семьи Емельян Константинович Деревский, заменивший всем нам отца. Вот так Александра Авраамовна и Емельян Константинович воспитали сорок восемь детей.

В этой семье старшие опекали младших. Под моей опекой, например, были Вова и Леня. И не берусь утверждать, кому эта опека принесла больше пользы — им или мне. Потому что, получив в школе двойку или тройку, я сгорел бы от стыда прежде всего перед своими подопечными. Совестью семьи была Александра Авраамовна, наша мама. У нее были узловатые от вечной стирки руки и темные, добрые глаза.

Она умерла 25 августа 1959 года. Но все мы, воспитанные ею, остаемся родными братьями и сестрами. И хоть учеба, работа, служба в армии, семейные обстоятельства разбросали нас по всей стране — от Якутска, Диксона, Магадана до Москвы, Ленинграда, Львова,— мы часто встречаемся. В Москве — у Панны, в Киеве — у Саши и у меня, а в день смерти матери собираемся в Ромнах. На ее могилу я привез глыбу лабрадорита — черного камня с голубыми вкраплениями...

Вот вам и ответ на ваш вопрос. В каком другом обществе четверо сирот в голодные и неустроенные послевоенные годы могли бы рассчитывать на такое человеческое внимание? Ведь нас ни на минуту не оставили одних. Нас как по цепочке передавали с рук на руки. И все эти руки были добрыми. И все мы выросли, получили высшее образование, вступили в жизнь настоящими людьми...

* * *

Борис Емельянович руководит геологическим отрядом в тресте «Киевгеология». Романтик, путешественник, он и заядлый фотолюбитель. У него сотни фотографий братьев и сестер. «Все меня грабят,— добродушно ворчит он,— сколько ни напечатаешь снимков — разбирают. Попробуй напасись на такую семью. Теперь у нас самих дети, даже внуки у старших появились...»

Борис Емельянович дал и нашему корреспонденту один снимок из семейного альбома. И прокомментировал:

— Тут около двадцати братьев и сестер Деревских. Будем считать слева. Сидят: Митя, затем муж Кати, в полосатой рубашке — Витя, мамин любимец и мой подопечный, младшенький. Его полузамерзшего принесли, отогревали. Затем муж Раи из Тобола и Жора. Самые верхние двое — Юра и Федя. Во втором ряду сверху стоят трое: жена Вити, Дима и Вера с Диксона. А вот самый многочисленный ряд стоящих открываю я, затем Вена, возле него дочь Коли, а дальше Сережа, Катя, жена Вены, Света, затем жена Сережи, Вова, Лида, Коля, Вера. А мальчик, что пригнулся, это сын Светы. Я нарочно не назвал имен мужей и жен, а то совсем запутаться можно...

ГУМАННОЕ И ЧИСТОЕ

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

— Я родилась в буржуазной Эстонии и прожила в ней годы юности, и советский образ жизни ощущаю в сравнении с буржуазным миром. Эстонцам, родившимся после 1940 года, после восстановления Советской власти, кажется, что все всегда так и было на их земле. И только мы, та часть советских людей, что до 1940 года жили при капитализме, продолжаем сравнивать.

Годы идут. Я ничего не забыла, не хочу и не могу забывать. Не за-

была полутора лет безработицы, не забыла тот мир, что мог гарантировать мне только безработицу со случайными заработками и вечным страхом потерять даже их. Помню стихию стяжательства, которое было главным законом, главным стимулом той жизни. Под видом «бизнеса» и «деловитости» оно выставлялось напоказ и было предметом гордости и хвастовства.

Но об этом, как и о многом другом, подробно когда-нибудь в другой раз.

Самые глубокие рубцы оставило в моей памяти другое страшное явление. Я родилась после того, как Советская Россия заключила мирный договор с Эстонией, а в ходе мирных переговоров зарвавшиеся новоиспеченные эстонские «дипломаты» стремились отторгнуть от России хотя бы крохотную часть ее территории. Молодой Советской стране был нужен мир, и она пошла на это условие. Так моя русская деревня, находившаяся тогда, как и теперь, в Ленинградской области, в феврале 1920 года оказалась на территории Эстонии. Правда, в моей биографии есть такой смешной факт: в пятилетнем возрасте я пыталась перейти границу, потому что молодежь тогда переходила ее группами, о чем даже пели песенку в то время: «Из белой Латвии, Эстонии и Польши бежит в Союз трудящихся все больше...»

Переход не удался. Несмотря на июньскую теплынь, я предусмотрительно оделась по-зимнему, в результате чего была замечена огородником дедом Жуковым и им же с рук на руки передана моему деду. Это на первый взгляд забавное происшествие, на самом деле не так уж и забавно — оно отражало состояние русских крестьян, которые вдруг на своей земле стали гонимым «национальным меньшинством». Я это особенно остро ощутила в 1939 году, когда поехала учиться в Таллин. Здесь впервые и услышала слово «марурахвуслус», то есть «бешеный национализм». Это было государственным политическим направлением. Эстонский бешеный национализм пропагандировался, раздувался, рос как мыльный пузырь. «Бешеные», превознося «эстонский дух», естественно, должны были иметь для «презрения» национальные меньшинства, и ими стали родственное эстонцам чудское племя сету и небольшое число русских, живших в Эстонии. Вот от «бешеных»-то и было принято немало унижений и оскорблений. Помню, как нам, русским студентам, учившимся в педагогическом институте, в 1939 году запрещалось говорить между собой по-русски. «Еще одно русское слово,— предупреждал меня Мейузи, директор института,— и вы будете исключены». Это чувство оторванности от своего народа, уязвимости и незащищенности, пережитое в юности, не забывается до сих пор. Но именно это чувство заставило меня в тринадцатилетнем возрасте впервые пойти на деревенскую марксистскую сходку и навсегда принять советский образ жизни и по мере сил и умения бороться за него.

Конечная участь любого мыльного пузыря — лопнуть. Лопнул и «бешеный национализм». Эстонский рабочий класс восстановил в своей стране Советскую власть. И сразу стало ясно, что эстонцам вовсе не свойственно националистическое бешенство, что в них глубоко и сильно живет чувство интернационализма и пролетарской солидарности.

В июне 1941 года, за неделю до начала войны, ЦК комсомола Эстонии послал меня пионервожатой в «Артек» с первой группой эстонских пионеров. «Артек» встретил нас песней: «Здесь дружат как нигде. Тебе помогут здесь в беде». И в жизни все было, как в песне. Мои пионеры давно стали взрослыми, а вот эти черты советского образа жизни — дружба людей всех наций, доброжелательность, стремление к миру и добру, которыми встретили нас Ленинград, Москва, Крым,— этого мои бывшие пионеры не могут забыть по той простой причине, что сами живут по этим законам. Этой дружбе не мешают ни годы, ни расстояния: есть переписка, есть встречи, пусть не частые, но тем более радостные.

Интернационализм — именно эта черта советского образа жизни мне, пережившей иное, дороже всего. Мы должны это чувство, основополагающее в нашем жизненном строе, гуманное и чистое, беречь как зеницу ока: без него жизнь страшна.

Людей разных национальностей встретишь в Таллине на празднике песни.

Фото В. Сальмре.

Микола УПЕНИК

ПРОСТОР И ВЕСНА

Украинскому поэту Николаю Александровичу (Миколе) Упенику исполнилось шестьдесят лет. Микола Упеник прошел жизненный свой путь, характерный для его поколения. Родившись в семье рабочего, он учился в Литературном институте имени Горького в Москве, окончил Луганский педагогический институт, готовился к мирной деятельности учителя, писал стихи. Донецкое областное издательство уже выпустило первый сборник его стихотворений «Лирика», но наступили суровые дни боевых испытаний.

Микола Упеник прошел дорогами войны до светлого Дня Победы, познал тягость борьбы со смертельным врагом, оборонительные сражения, долгие походы, победоносные годы, когда освобождали родную землю от захватчиков. Стал он коммунистом, грудь которого украшали боевые отличия. Стал закаленным, и рос в нем поэтический голос, рос поэт, который после войны начал выпускать сборник за сборником: «Краснодонская тетрадь», «Слово о вечной дружбе», «Украинская поэма», «Отчизна мира» и другие. Писал он и для детей — «Про Донбасс» и «Твои дороги».

Поэзия Миколы Упеника проста и жизненна. Он в своих стихах погружается в извечный мир окружающей его природы. Его герои — наши современники, которые, сняв тяжелый груз боевого пути, заняты сегодня работой по созданию того громадного по размерам и человечного по нравственному облику общества, которое мы называем социалистическим.

Упеника как поэта волнует и шевченковский дуб, под которым великий поэт слагал свои стихи, зовущие на борьбу за свободу, и дружба народов, когда волна Днепра и волна Днестра сливаются в вольном Черном море. Так понятно волнение, охватывающее поэта в кабинете первого космонавта Земли.

Лирические раздумья Миколы Упеника входят в неиссякаемый поток многообразной и дружественной украинской поэзии, которой он предан всем своим талантом.

Николай ТИХОНОВ

В КАБИНЕТЕ ГАГАРИНА

Извечная тяга к высотам,
к мерцанью далеких планет
меня, как на борт космолета,
в его привела кабинет.

Фуражка, шинель и страницы
раскрытых и брошенных книг...
Я знал, он сейчас возвратится,
корабль он покинул на миг.

Как долго хозяина нету...
Быть может, он все же придет?
Но длится которое лето
его бесконечный полет.

И слушают молча земляне
легенды весенней дыханье.

ЦВЕТИ, МОЛДОВА!

Клубилась и гремела мгла,
и все в дыму казалось зыбким...
Как ты в неволе нас ждала,
Земля Тирасполя и Шипки!
В дни, опаленные огнем
борьбы последней и суровой,
на фронтовом пути моем
с тобой мы встретились,
Молдова.

О, как ты полюбилась мне!
Нет, рассказать я не сумею,
как ты согрела на войне
теплом и ласкою своею,—

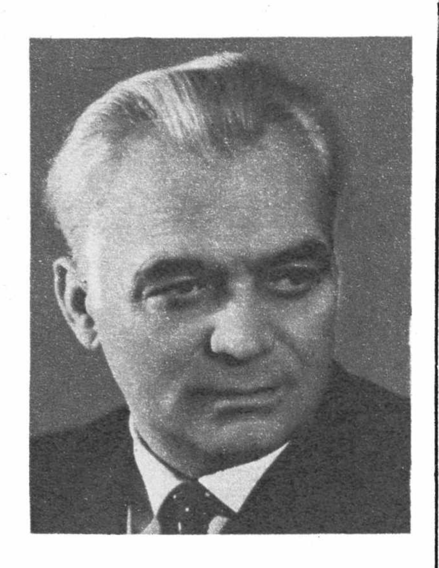
была ты радостью полна
и светом солнца золотого,
моя красавица, весна,
моя прекрасная Молдова!
Для нас ты верная сестра,
и нам одни сияют зори,
волна Днепра с волной
Днестра
слились навеки в Черном море.
Родными стали мы давно,—
прими ж горячей дружбы
слово:
оно как старое вино,
как братский поцелуй,
Молдова!

* * *

Мой друг задержался — и мне
не до сна,
я раннюю почту все ждал,
замирая...
Казалось мне: солнце, простор
и весна
ворвутся с письмом из
далекого края.

...А судно по Белому морю
плывет
с командой отважных, веселых,
бывалых,—
я знаю: ты любишь
немыслимый взлет
на этих тревожных
вздыбленных баллах.

Сурова и зла непогода лицом:
колючий мороз, тишина
вековая,
и, словно налитый тяжелым
свинцом,
корабль не сдается, над
штормом взмывая.

А матери ждут, и любимые ждут,
и ждут у причала шумливые птицы,
и комнаты строгий, привычный уют...
Но только не просто домой возвратиться.

...Ну вот, и моя наступает пора!
Как мало еще на земле мы открыли,—
с друзьями слова я ищу до утра,
чтоб песня моя поднималась на крыльях.

Отваги полны мы.
Любые пути
и вместе любые невзгоды поборем.
Эй, песня моя! Не смолкая, лети
над Белым морем,
над Черным морем!

Авторизованный перевод с украинского Людмилы ТИТОВОЙ.

ДУБ

Воспоминания хранящий,
ничем другим не заменит,
как памятник, в глубокой чаще
зеленолистый дуб стоит.

Он знает все: мороз и замять,
и ветра вой, и вспышки гроз,
и все-таки иную память
он сквозь столетия пронес.

Пускай пройдут любые сроки,
но не забыть далеких дней,
когда поэт, слагая строки,
сидел в тени его ветвей.

Не только суть, но и оттенки
тех слов не канули во тьму,
которые Тарас Шевченко
тогда нашептывал ему.

Исток судьбы и средоточье!
Великой памятью жива,
о нем серебряною ночью
доныне шепчется листва...

Авторизованный перевод с украинского Риталия ЗАСЛАВСКОГО.

ШТУРМ

М. КУРЬЯНОВ

Ялтинская дорога бежала к Севастополю. И перед самым городом она взбиралась на Сапун-гору. Так вот по этой дороге в апреле 1944 года шел к Севастополю в составе 2-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии младший сержант Букреев.

...Теперь Валентину Яковлевичу Букрееву за пятьдесят. Прожитые годы дают себя знать. Но сохранились военная выправка, острый взгляд, четкие ответы. Мы вспоминаем далекие годы войны. Валентин Яковлевич рассказывает о штурме Сапун-горы. Будто вчера все это было, а ведь прошло тридцать лет...

Бывший гвардии младший сержант Букреев теперь начальник столичной станции «Автосервис». Двести легковых автомобилей каждую смену получают различные виды обслуживания, не каждому владельцу угодишь. Запросы автолюбителей растут, и это естественно.

В короткие паузы между деловыми разговорами Валентин Яковлевич рассказывает о давно минувшем. Воевал на Кубани и Северном Кавказе, в Крыму и Прибалтике. Четыре года... Девять боевых наград... Валентин Яковлевич хорошо помнит свой первый бой под Ростовом. Помнит дерзкий бросок через Керченский пролив на крымскую землю и тяжелое ранение на реке Дубиса, в Прибалтике. А самым памятным был штурм Сапун-горы.

— Будто сейчас вижу,— вспоминает Букреев,— наш командный пункт на высоте 164,9, траншею где-то в районе Кадыковки и Нижней Чоргуни, Сапун-гору в черном дыму. Там гитлеровцы. В броне, в скальных укрытиях. Наша задача — выявить огневые точки врага и подавить их перед самым штурмом.

На командном пункте командир батареи, два связиста и я, артиллерийский разведчик. Рядом с КП — наблюдательный пункт первой батареи. Там тоже четверо. А где-то километрах в трех или четырех от нас скрыты в долине наши батареи. Они ведут разведывательный огонь по противнику. Немцы ведут огонь с Сапун-горы, тоже нащупывают расположение советских войск. Дуэль длится несколько дней. Каждую минуту мы ждем сигнала к штурму.

Метрах в ста от нашего КП начинается Итальянское кладбище. Оно на косогоре, на самом солнцепеке. Иногда сюда долетают немецкие снаряды и поднимают клубы сухой земли. Я ползу на ближний к немцам край кладбища, где у меня есть своя маленькая траншея. Отсюда я подолгу разглядывал в бинокль Сапун-гору и долину реки Черной. В этой траншее я встречал Первомай 1944 года. Отсюда и в тот день я видел в бинокль, как зеленеет трава и цветут красные маки. Был полдень, майское солнце в зените. Весна! Не раз уж смерть заглядывала в мои глаза, не раз отступала. Она и сейчас где-то близко, совсем рядом.

Я знал, что через Итальянское кладбище в 1941 году проходил рубеж обороны Севастополя. Наш комбат, участник той обороны, рассказывал, как тут все было.

...Валентин Яковлевич достал папку, раскрыл ее. На стол легли выписки из архивных материалов, схемы обороны города 1941 — 1942 годов, рассказы ее участников. Севастополь навсегда стал для Букреева словно родным городом. Там, в Музее обороны, хранится «личное дело» сержанта Букреева, участника штурма Сапун-горы и освобождения Севастополя. Сюда вместе с боевыми товарищами он приезжает ежегодно 9 мая.

Я читаю выписки из архивных документов:

«...19 декабря (1941 г.) противник продолжал упорно атаковывать наши части в районе высоты с Итальянским кладбищем. К исходу дня после ожесточенных боев за эту высоту немцам удалось овладеть ею, оттеснив обороняющие ее подразделения 514-го полка на западный и северо-западный скаты этой высоты».

«...Упорные бои продолжались в течение всей ночи на 20 декабря и днем 20 декабря. Однако все атаки противника были отбиты, и немцы нигде не продвинулись ни на шаг. Вечером 2-й полк морской пехоты и подразделения 514-го полка, перейдя неожиданно для противника в контратаку, выбили его с этой высоты и вновь овладели ею».

«...Весь день 21 декабря в этом районе шли исключительно ожесточенные бои. Атаки противника следовали одна за другой. Однако все они разбивались о стойкость подразделений 2-го полка морской пехоты, скашивавших своим огнем наступавшие части противника...»

— И вот мы вернулись. В составе той же Приморской армии, неся в душе клятву тех, кто под знаменами нашей армии совершил здесь бессмертный подвиг.

Ранним майским утром начался штурм Сапун-горы. Тогда и произошел тот памятный случай, о котором я хочу рассказать.

Представьте себе канонаду, земля ходуном ходит, все живое и неживое летит на воздух. И вдруг ураган обрывается. Когда я очнулся, то вновь услышал ураганный рев. Хочу подняться — не могу. Не знаю, как заставил себя, но вскочил и бросился на командный пункт. Вижу, оба комбата убиты, все разрушено, разбросано. Стоял и не мог сообразить, что делать. Слышу сквозь рев и гул какое-то долгое, как эхо, «Ура-а-а!». Оно летело откуда-то снизу, от Сапун-горы. И мгновенно сработала мысль: наши батареи неуправляемы! А войска, штурмующие Сапун-гору, без артиллерийского прикрытия... Надо, не медля ни секунды, доложить о случившемся командиру дивизиона. Рванулся к нему, успел добежать и доложить. Доложил и потерял сознание...

Девятого мая Красное знамя реяло на Сапун-горе. Нашу оборону Севастополя фашисты преодолевали более восьми месяцев. Мы взломали укрепления немцев за один месяц. 9 мая выбросили фашистов из Севастополя, 12 мая очистили Херсонес, сбросили гитлеровцев в море. Война в Крыму была закончена...

Спустя четверть века я встретился с нашим бывшим командиром дивизиона Михаилом Константиновичем Шапары. Он, конечно, не признал меня. Да и мог ли он вообще помнить младшего сержанта, к тому же и виделись-то мы с ним лишь в разгар штурма. Напомнил я ему тот случай. Он долго смотрел на меня, припоминал что-то, потом обнял, как родного:

— Спасибо, брат, тебе! Спасибо... Вспомнил, вспомнил. Но тебя, кажется, тогда убили?.. Спасибо тебе за тот доклад... И спасибо за то, что остался ты жив, доставил мне, старику, счастливую минуту. Давай, брат, обнимемся по-нашему, по-фронтовому...

В. Я. Букреев

— Ну, а ранение? — спросил я Валентина Яковлевича.

— Контузия быстро прошла, а вот рана, полученная позже, в Прибалтике, чувствуется. Демобилизовался я в сорок пятом и прямо из госпиталя — на родной Люблинский литейно-механический завод. Слесарем, по старой специальности. Здесь четырнадцатилетним мальчиком начинал рабочий путь. Здесь работали и отец, и мать, и младший брат, все Букреевы... Потом перебрался на завод малолитражных автомобилей, там и остался. Вот уже скоро тридцать лет... Был мастером, старшим мастером, начальником цеха, пробовал быть заместителем директора завода по быту, потом снова в цех...

Такая станция «Автосервис», как наша, единственная в стране. А скоро построят их во всех городах, на многих автострадах.

Наша беседа подошла к концу. Валентин Яковлевич говорит задумчиво:

— Маловато у нас было техники, в том числе и автомобилей, особенно в первый период войны. Война многому научила...

ЧЕТЫРЕ КОЛЬЦА

Ю. КРИВОНОСОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

«ПОДВОДЯ ИТОГИ ТОМУ, ЧТО СДЕЛАНО ЗА ПЕРИОД ПОСЛЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫБОРОВ, МОЖНО С ПОЛНЫМ ОСНОВАНИЕМ СКАЗАТЬ: ВЫРАБОТАННЫЙ ПАРТИЕЙ КУРС ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ, ПЛАН ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ, ПРИНЯТАЯ СЪЕЗДОМ ПРОГРАММА МИРА УСПЕШНО ПРЕТВОРЯЮТСЯ В ЖИЗНЬ».

Из Обращения ЦК КПСС ко всем избирателям, гражданам СССР.

Мы по-разному мерим наши дела. Подводим итоги месяцев и кварталов, годов и пятилеток. Но бывают дни, когда мы оцениваем наше движение вперед, ориентируясь и на такие рубежи — от выборов до выборов в высшие органы народной власти.

Недавно «Огонек» закончил публикацию серии репортажей, посвященных двадцатипятилетию Совета Экономической Взаимопомощи,— «К друзьям на «Жигулях», рассказав о совместном путешествии наших корреспондентов и представителей Волжского автомобильного завода по семи братским социалистическим странам. Мы решили завершить этот рассказ еще одним репортажем — из Тольятти. А так как мы приехали туда в канун выборов в Верховный Совет СССР, то и взяли за основу нашего повествования изменения, происшедшие за минувшие четыре года.

РОДНОЙ ГОРОД

— Мы эти березки четыре года назад посадили,— говорит Семен Васильевич,— тогда они были не толще черенка лопаты. И представляете, ни одна не засохла, все прижились...

Отсюда, с девятого этажа, из окна квартиры Клейменовых, березки видятся совсем тоненькими, но нежное кружево листьев уже весело опушило широкий проспект.

Разговор наш начался, собственно, не с березок, а с того, чем знаменательны последние четыре года. И пришел я к Семену Васильевичу с этим вопросом потому, что он председатель окружной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР, и потому еще, что на ВАЗе он, как говорится, «от нуля». Потом я задавал этот же вопрос и другим людям, и каждый отвечал по-своему, а Клейменов начал с берез.

— По деревьям особенно время не почувствуешь,— продолжает мой собеседник,— ведь с тех пор прибавилось у них всего четыре колечка — по одному в год, да и те внутри запрятаны. А мы за эти годы целый город построили и завод уже, можно сказать, на полную мощность вывели. Каждый день выкатываем по две тысячи сто пятьдесят автомобилей. До проектной осталось полсотни штук — к августу их дожмем...

С Клейменовым я встретился дома, проведав, что он терпеть не может, когда кто-то приходит к нему в цех по делам, непосредственно к производству не относящимся, хотя работает он наладчиком автоматической линии и посему вроде бы к станку или конвейеру не прикован. По его же собственным словам, «линия трудится, хлопочет, мое дело — следить, чтобы нормально шла». Только она потому, наверное, и «хлопочет», что Семен Васильевич к ней «подключен» и глазом и ухом. Делает та линия всего одну шестеренку, но одну из важнейших во всем автомобиле. О работе своей Клейменов говорит коротко: «Работаю, как все». И даже был несколько удивлен, когда ему в декабре прошлого года присвоили звание Героя Социалистического Труда. Он из тех людей, что заслугам своим счет не ведут, зато со стороны-то успехи их видны, как говорится, невооруженным глазом. А Клейменов приехал в Тольятти уже с орденом: труд его на Чаплыгинском агрегатном заводе, в Липецкой области, был отмечен «Знаком Почета».

Народ на ВАЗе почти целиком приезжий, и мне интересно было узнать, кого каким ветром сюда занесло. Спросил об этом и Клейменова.

— Сначала у нас на агрегатном слух прошел о том, что здесь затевалось, а потом и в газетах писать начали — приравнивали Волжский автомобильный к стройкам первой пятилетки. А я ведь ту эпоху только по книжкам... Вот и решил сам все почувствовать. Сперва тяжко пришлось, но, как на духу говорю,— ни мгновения не сожалел. В шестьдесят восьмом и девятом, когда первые дома возводили, зимы лихие были. И сейчас вспомнишь — поежишься. Я тогда бетонщиком работал на домостроительном комбинате, плиты делали. Вот они, первые дома нашего Автограда, как раз из тех плит...

И показал их из окна — совсем рядом с его домом.

— Потом котлованы под цехи копали, на главном корпусе. По порядку двигались — по будущей технологической цепочке. На каждом очередном участке оставалось его «коренное население» — кузовщики на своем, моторщики на своем. Остальные дальше шли. Мы вот, механосборщики, остались на том месте, где теперь сами и работаем. Все сделали своими руками. Когда на монтаж оборудования вышли — уже легче стало. Лозунг у нас был как в войну: ни шагу назад! А надо сказать, случались у нас в период строительства такие моменты, что и вперед-то шагу не сделаешь — такая грязища. Это мы теперь уж от резиновых сапог отвыкли...

Про резиновые сапоги вспоминали в разговорах все, с кем я встречался в Тольятти, видать, круто далось... хотел написать «бездорожье», но вовремя спохватился — ведь тут же стройка вся началась именно с дорог, были **они, дороги-то, да только дожди такие навалились, что все их грязью заволокло.**

— Так вот, во время ливней,— продолжает Клейменов,— многие участки залило, и работа застопорилась. На оперативке генеральный директор Виктор Николаевич Поляков спрашивает: «Почему задержка?» «Да у нас же все раскисло!» А он возьми и скажи: «Сами вы раскисли, вот что!» Такой оборот мыслей нас почему-то развеселил, раззадорил, и дело пошло. Поляков вообще умеет в нужную минуту найти точное слово и единственно правильное решение и ни сил своих, ни души для завода не жалел и не жалеет. Потому-то и выдвинули тольяттинцы его сейчас кандидатом в депутаты Верховного Совета по своему избирательному округу. Не от завода выдвинули, а от всего города. Ведь Тольятти состоит из трех районов, один из которых наш, Автозаводский, и образован он как административная единица тоже в промежутке между выборами — в 1972 году. От старого города мы находимся в двенадцати километрах, и поэтому район неофициально называют Новый Тольятти, или еще Автоград. А по сути, это целый город с населением почти что шестьдесят тысяч человек. Для меня этот город родной, ведь он таким для человека может быть в двух случаях: либо ты в нем родился, либо сам его рождал. Помню, как в шестьдесят девятом поехал я в Липецк, Рязань и Тамбов набирать людей, а точнее сказать, агитировать, чтобы на ВАЗ ехали. Встречался с молодежью в общежитиях, беседовал, разъяснял. Был у меня один крупный козырь. Я их звал в город, который одновременно расположен в горах, у моря, в лесу и в степи. Вот посмотрите-ка в окно — это же все из моей квартиры видно! Только я ребят предупреждал: города этого пока нет, вы должны сами для себя его построить. Несколько десятков парней приехали после моего рейда.

И мы построили такой город — для себя, для своих детей и для будущего, и тот, кто в этом участвовал, никогда уже отсюда уехать не сможет: сердцем прирос. Вот это и есть наши четыре кольца...

— А для вашей семьи какие события этих лет особенно запомнились?

— Ну, для нас с женой (она тоже на ВАЗе работает) был большой праздник, когда наша

Огни Автограда.

До утренней смены...

На развороте вкладки:

Около двадцати тысяч жителей Автозаводского района будут впервые участвовать в выборах в Верховный Совет СССР. Вот семеро из них — рабочие ВАЗа Наташа Виноградова, Владимир Давыдов, Сергей Зубарев, Оля Сотникова, Лида Матвеева, Владимир Митрохин, Таня Киселева.

Танюшка пошла в школу. Сейчас она четвертый класс завершила и за все четыре года, кроме пятерок, никаких отметок домой не приносила.

— Вас, я слышал, второй раз избрали депутатом областного Совета?

— Да, доверили... И теперь вот председателем окружной избирательной комиссии. Я поначалу, честно говоря, оробел: во время подготовки к другим выборам выше агитатора «постов» не занимал. Но ничего, вроде справился, товарищи помогли...

ПЕСОК НА ЗУБАХ

Юрий Васильевич Федосеев — человек местный, хотя и «заморский»: в пределах семейной хроники все предки его жили на противоположном берегу Волги, как раз напротив нынешнего Автограда. Теперь тут разлилось Куйбышевское море, широкое довольно, но все же не Черное. Так что если бы Федосеев забрался на самый высокий дом и вгляделся в синеватую дымку, окутавшую горы, возвышающиеся над водной гладью, то мог бы с полным правом воскликнуть на морской манер: «Земля!» И даже еще точнее: «Моя земля!» Но Юрий Васильевич если и лезет на крышу, то только по служебным надобностям и никаких излишних эмоций, а пуще того восклицаний себе не позволяет, потому что он не лирик и даже не физик, а строитель. И руководит техническим отделом Управления капитального строительства жилых и культурно-бытовых объектов объединения «АВТОВАЗ». Пришел он сюда в шестьдесят шестом году — в чисто поле. В году следующем начали бить сваи и закладывать основы завода и города. Первый вырос быстрее, второй же, по существу, вымахал за последние четыре года! Когда на этот город смотришь, то поверить в реальность такого срока просто немыслимо. Но город стоит, и в него вложен немалый труд и этого очень еще молодого человека с открытым и добрым лицом, но, как я понял из его разговоров с разными людьми, обладающего характером твердым, резковатым и, как мне показалось, довольно-таки упрямым. И я задал ему вопрос, который напросился сам собой:

— Что вы чувствуете, проходя по улицам нового Тольятти?

Ответ оказался совершенно неожиданным:

— Чувствую, как песок на зубах хрустит. Это значит, что город еще не достроен и впереди тьма работы. Прежде всего нужно жилье: за последние два года население выросло более чем втрое. Темпы, которыми мы строим, весьма высоки — каждый год сдавалось по четыреста пятьдесят тысяч квадратных метров. Почти два миллиона уже имеем! Быстрее нас сейчас во всей стране строят разве только на КамАЗе. Или проблема детских учреждений. Знаете, сколько у нас детей?..

Да, столько детей, как здесь, я еще нигде не видел, хотя, можно сказать, объездил всю страну. Чуть не каждый взрослый, встречающийся вам на улице, ведет, несет или везет ребенка.

— В 1970 году у нас было,— тут Федосеев перешел на цифры,— 3 школы на 4 619 учащихся, 2 детских комбината на 560 мест. А сейчас в 12 школах учится 21 тысяча ребят, а в 32 детских учреждениях 12 тысяч малышей. Колоссальный рост, не правда ли? Но я вас сейчас другой цифрой удивлю: у нас сегодня в яслях и садиках нуждается 15 тысяч детишек!

Город-то молодежный, средний возраст — 26 лет, непрерывно создаются новые семьи. Дворец бракосочетаний в старом городе не справляется, будем строить у себя свой, в самом центре. Уже в нынешнем году сдадут восемь детских комбинатов. А в следующем году намечаем у леса развернуть строительство целого ряда детских комплексов.

А возьмите проблему свободного времени. У нас пока один кинотеатр «Сатурн» на тысячу двести зрителей да несколько кинозалов при общежитиях, и это пока все. Ведь в первую очередь людям нужна была крыша над головой и магазин под боком, а холостяку — столовка. Восемь торговых центров у нас уже работают, и еще строим, а в шестидесяти восьми предприятиях общественного питания могут одновременно сесть за стол тридцать восемь тысяч человек! Только в этом году введем в строй несколько десятков крупных объектов различного культурно-бытового назначения, не считая жилых домов. А уже заложили Дворец культуры, огромный киноконцертный зал (в два раза больше «Сатурна»), административные здания, поднялся к небу каркас высотной гостиницы — в общем, наполовину готовый город, наполовину строительная площадка. А ветры здесь знаете какие? Вот песок и хрустит... Зато когда все закончим и благоустроим, другого такого города не сыщешь на всей Волге, а мы еще и набережную такую строим, что тоже лучше на Волге нету. Пусть проплывают мимо люди, любуются да радуются. А кто захочет: милости просим — приезжай, поселяйся, работай в нашем Автограде.

— Ну, а вы сами, как строитель, какую бы черту этого города особо выделили? Что вам самому больше всего нравится?

— Пожалуй, оригинальность. Много экспериментальных зданий, осваивали здесь и ряд домов новых серий. Короче говоря, ставим все новое, а это шаг в будущее.

РИТМ ВАЗа

Эти слова мы часто слышали от наших водителей во время поездки по братским странам. Они звучали как высокая похвала цехам и предприятиям — поставщикам деталей и узлов для «Жигулей». И это были действительно очень четко работающие и организованные цеха. Мне же до той поездки в Тольятти побывать не удалось, и вот только теперь я почувствовал истинное смысловое наполнение этих слов, исчерпывающе сформулировать которое даже не берусь. Ритм ВАЗа — это и особое отношение к работе, и ее организация, и взаимоотношения людей, и даже их внешность, привычки, подход к различным общественным и житейским ситуациям, короче говоря, сложный комплекс, приближающийся к понятию «образ жизни».

Естественно, что, приехав в Тольятти, я первым делом разыскал наших спутников, разделивших с бригадой «Огонька» все трудности месячного автомобильного путешествия, проходившего в самый неблагоприятный сезон — поздней осенью. И, разумеется, моими гидами — и по городу и по заводу — были инженер Геннадий Клячин и водитель-испытатель Юрий Гирин. За то время, что мы не виделись, первый из них стал начальником конструкторского бюро форсированных испытаний автомобилей, а второй попробовал свои силы в ралли и даже добился заметного успеха: экипаж, где он был штурманом, занял второе место. Сейчас оба продолжают работать над усовершенствованием славного семейства «Жигулей».

Друзья показали мне свой город в разных ракурсах — он то неспешно разворачивался на широком экране лобового стекла автомобиля, то стремительно мчался навстречу мотоциклу (отличная «передвижная обзорная площадка»), то я его охватывал «в целом» с балконов квартир моих друзей (оба полтора года назад поселились в девятиэтажных домах на Приморском бульваре), но лучше всего, конечно, было просто ходить пешком и рассматривать жизнь «крупным планом».

Я уже говорил, что Автоград — это самый «автомобильный» и самый «детский» город страны.

Семьи здесь еще совсем молодые, а папы и мамы трогательно юные, слабо разбирающиеся в том, как обращаться с малышами. Зато они прекрасно разбираются в автомобилях, потому что, как правило, оба работают на ВАЗе, и любо-дорого смотреть, как они выбирают в универмаге коляску — словно принимают сходящую с конвейера машину. Бабушек при себе почти никто не имеет, и дело воспитания попало в спартанские руки самих родителей. И это тоже ритм ВАЗа, потому что ребятишки тут растут на редкость самостоятельными.

Идешь, приглядываешься к людям и удивляешься разнообразию лиц — словно попал на какой-то фестиваль народов СССР. И лишь потом догадываешься — да так оно и есть! Здесь же настоящий интернационал и народ — со всех концов Союза. Решил поинтересоваться, люди скольких национальностей работают в Тольятти, да не успел — уткнулся в транспарант, который мне сам ответил: 86! И подумалось, что вот на таких стройках, в таких молодежных городах особенно заметно зарождение и утверждение новой единой семьи человеческой.

А коли так, то каждый житель вносит в общий облик города какие-то свои черточки, принесенные им из дальних родных краев.

Вот, например, бросились мне в глаза фотостенды, представляющие лучших людей ВАЗа, с большим вкусом оформленные и с высоким мастерством снятые. И напомнило это мне Урал, где впервые фоторепортеры отказались от лобовых портретов на досках почета, показав людей в движении, в работе, иначе говоря, в жизни.

На витринах объявления: «Требуются озеленители». И люди с лопатами и граблями — целыми семьями идут. А это, оказывается, и не озеленители вовсе, а огородники — картошку сажают и помидоры.

— У нас тут много бывших селян, так они привыкли сами себя картошкой обеспечивать,— объясняет Гена Клячин,— большая помощь нашим снабженцам. Кстати, можешь записать интересный факт. В позапрошлом году, помнишь, какая засуха была? Картошка совсем не уродилась, а она, как ни верти,— второй хлеб. Руководство завода сумело эту проблему решить по-своему, по-вазовски, с размахом, значит. Генеральный директор послал людей в дальние края, где картошка была, и ее заготовили, сколько надо, все, что можно, под хранилища заняли. Это только один пример заботы о рабочем человеке, и можно многое рассказать в этом плане...

Весьма своеобразен этот город. Даже квас из передвижных бочек берут не в банки или бидончики, а в канистры и полиэтиленовые мешки. А пирожки на углах продают из огромных круглых термосов — из них и в жару пар идет — огонь, а не пирожки. И что самое необычное, нигде этого не видел — цветы. Не просто на газонах или в окнах (и там тоже, конечно), но множество людей идут с букетиками ландышей или с долговязыми пестрыми тюльпанами. Можно подумать: все в гости направляются, но то-то и удивительно, что цветы никуда не несут, просто гуляют с цветами, обычай тут такой. И потому в любой день кажется, что в городе праздник.

...Нигде, пожалуй, так остро не ощутить ритм ВАЗа, как на самом заводе. И не только на главном конвейере — каждый цех и участок работает так, словно все люди здесь подчинили свои движения одному невидимому, но вездесущему метроному, который и есть не что иное, как ритм ВАЗа.

О том, как рождаются «Жигули», в репортаже рассказать невозможно, думаю, что такая задача не по плечу и целой книге: это надо увидеть своими глазами. Дня не хватит, чтобы даже мельком осмотреть все цехи, и вообще пешком завод обойдешь разве что за месяц. Поэтому по территории курсирует специальный автобус, а по цехам запросто разъезжают автомобили.

Нужно еще учесть, что ВАЗ обеспечивают также десятки заводов-смежников только в нашей стране и много предприятий в странах СЭВа.

Целый день мы ездили с Юрой Гириным на автомобиле по заводу, а увидел я очень мало. Прикиньте, сколько надо времени, чтобы посмотреть только главный конвейер, протянувшийся на два километра. На трех его нитках висит одновременно свыше тысячи кузовов уже находящихся в сборке машин. А сколько же их в цехах сварки, фосфатации, окраски? Сколько моторов, колес, шасси и прочее и прочее собирается на других участках? Когда смотришь на главный конвейер сбоку, через все три нитки, то голова кругом идет от движения множества различных предметов, текущих и попутно и навстречу друг другу, сверху — вниз, снизу — вверх, наискось... Здесь сходятся все детали и узлы, и сходятся точно — в

Солистка ансамбля ВАЗа «Волгари» слесарь Галина Сергиевич.

Само внимание...

Репетирует заводская балетная студия.

Семен Васильевич Клейменов с дочкой Таней.

Пока жены на работе.

Тольятти — город морской.

нужном месте и в нужный момент. Сюда же приходит и продукция, изготовленная на «большом конвейере» СЭВа — в братских странах, и приятно видеть генераторы и стартеры, фары и аккумуляторы и многое другое, с чем мы встречались на предприятиях друзей во время нашего путешествия. А вот и один из этих друзей.

— Здравствуйте, Драган!

— «Огонек»! Рад вас видеть снова! Вы до сих пор не можете оторваться от «Жигулей»?

— Ну что вы! Это просто чистое совпадение, я тут всего на несколько дней...

— И я тоже, на редкость точная стыковка...

С Драганом Лазаревичем, одним из руководителей югославского автозавода «Црвена застава», мы недавно виделись у него на родине в городе Крагуеваце.

— Знаете, мы назначили уже сюда постоянного представителя: сотрудничество расширяется, заочно решать вопросы стало трудно... Слушайте, у меня к вам личная просьба. Не могли бы вы мне найти одну газету, правда, ни названия, ни даты не помню. Снимок там есть — посол Советского Союза в Югославии товарищ Степанов вручает ордена и медали группе наших специалистов, награжденных за участие в строительстве ВАЗа...

Все три нитки главного конвейера оканчиваются одновременно. Здесь готовые машины впервые «приземляются» и попадают в руки водителей-отгонщиков. Это последние руки на конвейере и первые руки в «жизни» автомобиля. Машины сходят одна за другой. Отгонщики едва успевают принимать очередной автомобиль. Сейчас очередь Любы Скачковой.

— Можно с вами?

— Пожалуйста.

Люба включает мотор. Короткий пробег по «трясучке» — «чтобы все встало на свои места», резкое торможение на смотровой яме, где слесари проверяют всю ходовую часть, «уточняют» углы установки колес. Любе остается только отрегулировать свет фар, надеть на них ободки и поставить свой штампик в карте сборки, где уже красуются такие же автографы всех, через чьи руки прошла машина. Все—автомобиль родился, добрых ему дорог и долгой жизни.

Спрашиваю Любу, сколько ей лет.

— Двадцать два.

— Значит, первый раз в Верховный Совет выбираете.

— Первый...

— Какие главные события вашей жизни произошли за последние четыре года?

— Поступила на ВАЗ, встретила Виктора, вышла за него замуж, родила сына, Андрюшкой зовут, год и семь месяцев, получила двухкомнатную квартиру. Виктор тоже здесь же, на заводе, работает, в автотранспортном цехе. И еще выучилась на водителя. По-моему, все...

Что ж, событий немало, и все радостные...

Ну, а что такое эти четыре года для Волжского автозавода имени 50-летия СССР? В 1970 году в канун выборов в Верховный Совет СССР здесь был собран первый автомобиль «Жигули». Сейчас уже идет второй миллион.

За это время завод полностью окупил и свое строительство, и город, о котором мы рассказали, и семьдесят заводов-смежников.

...Общежитие, в котором я остановился, помещается в одном здании со многими общественными организациями, среди них и райком ВЛКСМ. Уже уезжая, я встретил на лестнице несколько девчушек в пионерских галстуках, которые, сбившись в стайку, рассматривали только что врученные им комсомольские билеты.

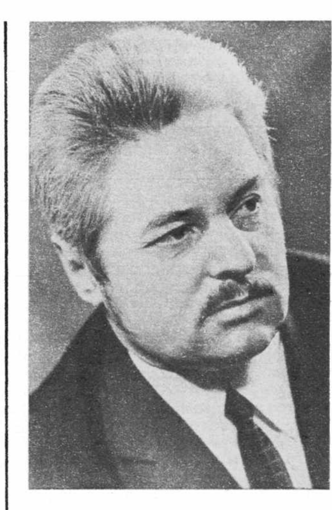
— Откуда вы, девочки?

— Из сорок первой школы.

— Поздравляю вас!

— Спасибо!

И такие они были счастливые, что каждый проходивший в этот момент по лестнице улыбался светло и радостно. И подумалось, что совсем скоро станут они наследниками завтрашнего ВАЗа и завтрашнего Автограда, потому что вступят в права гражданства. И вспомнилось мне, что в комсомол принимают с четырнадцати лет, а право избирать в Советы дается с восемнадцати. Значит, наступит их «полноправие» ровно через четыре года, как раз к следующим выборам, до которых Земле нашей надо сделать всего четыре колечка вокруг Солнца.

ЛЕТО

Анатолий АНАНЬЕВ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Четвертый день в Мокшах косили луга.

Сергей Иванович, с вечера сказавший шурину, что хотел бы пойти с ним на сенокос, утром не смог проснуться к положенному часу, и Павел, постояв перед ним, вышел из избы. Он с напарником заканчивал уже большую половину загона, когда увидел появившегося в тени под сосною Сергея Ивановича. Сосна росла на невысоком песчаном холме, у подножия которого как раз и начинался луг и тот загон, который косили сегодня с утра Павел и Степан Шеин. Трактора с навесными косилками, захватывая почти пятиметровые полосы, неспешно двигались один за одним по овальному, как беговые дорожки на стадионе, кругу; было такое впечатление, что они не косили, а прикатывали луг; там, где они проходили, было гладко, трава лежала и, казалось, была не зеленой, а напоминала старый, выцветший и расстеленный для просушки ковер, по которому, однако, ясно тянулись следы тракторных колес и нарушали общее впечатление; там же, где косилки еще не притрагивались к траве, в центре загона, буйно колыхался тот густой росный мир из цветов, стеблей и листьев, над которым еще вились луговые бабочки и стрекозы. Когда трактора удалялись, Сергей Иванович слышал только приглушенный рокот моторов; когда же, развернувшись, приближались к песчаному холму, опять можно было легко различить среди общего гула и рокота мелкий стрекот стальных ножей косилок. Он слышал еще, что Павел что-то кричал ему и махал рукой, но он не мог разобрать, что именно кричал шурин, и только, ответно взмахнув, вглядывался в его черное и вспотевшее на солнце лицо. Оба тракториста были без пиджаков, в рубашках, и рубашки были мокрыми и прилипшими к спинам; издали казалось, что трактора двигались по ровному лугу, но и Павел и Степан беспрерывно ворочали рычагами, то приподнимая ножи косилок, то опуская их, и всматривались, что было впереди; легкая как будто со стороны работа — сиди за рулем и управляй — была на самом деле изнурительной; но вместе с тем она была привычной для Павла и Степана, и потому, когда они проезжали мимо Сергея Ивановича, оба весело кивали ему.

«Странно», — думал Сергей Иванович, глядя на то, что было перед ним. Как у каждого человека, который долго жил не в деревне, а в городе и пользовался газетной информацией, как работают сельские люди, у него сложилось представление, что на полях идет постоянная суета и гонка — скорее и больше! — что все (от бригадира до тракториста) только и озабочены, чтобы побольше скосить и убрать, и что весь смысл и праздничность их труда заключены именно в этом; но он видел теперь совершенно противоположное тому, как он понимал этот труд, видел, что все было спокойно, буднично и что Павел и Степан не только не торопились, но, казалось, делали все так, будто работе их (как и прежде, у крестьянина) не было ни конца, ни начала, и старались лишь, чтобы не возвращаться к сделанному. Трактора проходили круг за кругом, и Сергей Иванович смотрел на них с тем же чувством, как если бы смотрел на косцов, которые взмах за взмахом ровно и красиво завершали загон. Он хорошо помнил звук, когда брусками правили косы, и звук, когда жало косы врезалось в траву; но вместо привычного «вжиг-вжиг» доносились с луга иные звуки, и не было ни косцов, ни красивых движений; но это новое (по крайней мере для него), что открывалось ему с холма, имело свою привлекательную сторону и вызывало в душе то же волнение, как в детстве, когда он еще в Старой Мнихе вместе с братьями выезжал на покос. Ему хотелось теперь тоже приложить к чему-то руки, и он спустился на луг; но работы для него не было, он только стоял и смотрел, как управлялись со своим делом Степан и Павел.

Когда загон был завершен, трактора подогнали к подножию холма, и Павел, кинув рукой в сторону сосны, пошел к ней и лег в тени на траву, на спину. Следом за ним поднялись Степан и Сергей Иванович. Степан присел рядом с Павлом и закурил; загорелое лицо его, как и лицо Павла, было в крапинках пота. Но ни он, ни Павел, казалось, не были возбуждены работой, тогда как Сергей Иванович, и он не скрывал это, был взволнован и то и дело поглядывал на скошенный ими луг.

— Что? — перехватив его взгляд и приподнявшись на локте, спросил Павел. — Много?

— Не то слово «много», а просто...

— Поотстал ты, вижу, от жизни, — как будто зная наперед, что скажет Сергей Иванович, и потому перебивая его, заметил Павел. — И порядком. Это ведь мы с ленцой, с прохладцей, так я говорю, а? — Он посмотрел на Степана и подмигнул ему.

— Да что там, — отозвался Степан.

— Видишь ли...— начал было Сергей Иванович, но Павел опять перебил его.

— Другое дело трава нынче, — сказал он. — Тут косой не протянул бы, отмахал плечи. Слышь, Илья-то что вчера говорит, — снова ложась на спину и обращая эти слова к Степану, продолжал Павел,— говорит, правые-то ножи снял бы.

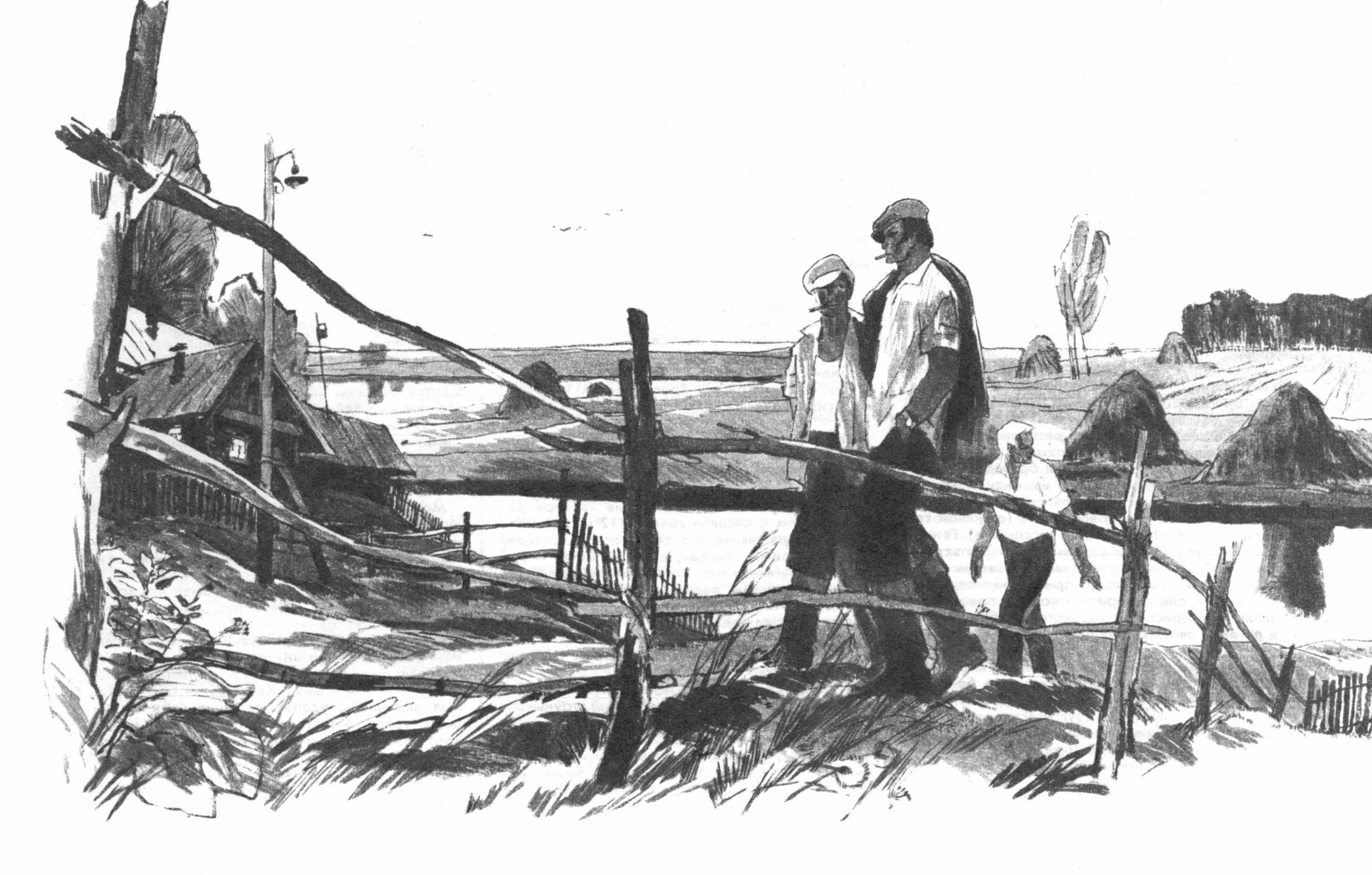
— Чего это он?

— Не возьмешь, говорит, таким захватом, мотор надорвешь. Травы-то, говорит, видел? А я говорю: что травы! А сам-то, слышь, третьего-то дня приходил сюда. На рекогносцировку, — добавил он.

Это уже относилось к Сергею Ивановичу, но он ничего не ответил Павлу. Он только видел, что и Степан, как и Павел, лег на спину и разбросал по траве тяжелые руки; и ничего дороже и приятнее, наверное, не было для них теперь, чем эти выпавшие минуты по-

---

Глава из нового романа.

коя. Сергей Иванович тоже посмотрел вверх, куда смотрели они; небо за ветвями было голубое, высокое и спокойное, было то самое небо, как ему показалось, какое он видел в детстве и какого с тех пор, как уехал из Старой Мнихи в военное училище, больше никогда не было для него. Он перевел взгляд на лежавших Степана и Павла, на луг, скошенный ими, над которым струилось теперь густое (оттого, что подсыхала трава) марево, и опять сквозь сосновые ветки взглянул на небо; да, оно было то самое, что жило в его сознании за листьями, ветвями и птичьими гнездами, и живо напомнило ему тот мир, по которому он давно уже не тосковал, но который теперь со всеми красками прошлого юношеского восприятия вернулся к нему; он подумал, что целостность того мира с годами была растрачена и утеряна, что в столкновениях с людьми и жизнью исчезло в характере одно и появлялось другое — раздражительность, недоверие, замкнутость, и появилась в конце концов пустота, с чем он приехал сюда, в деревню; но сейчас он чувствовал, что в душе его происходило будто наполнение, которое началось даже не теперь, не в эти минуты, а раньше, вчера, позавчера, с первого же дня, как только он поселился в доме Павла. Он чувствовал это душевное наполнение и чувствовал беспокойство от него; но ему казалось, что беспокойство происходило от другого, просто от того, что он видел вокруг простор, который начинался у его ног, и видел скошенный луг, и небо, и Павла со Степаном, лежавших на траве рядом с ним. Он находил необыкновенное во всем том, что окружало его, тогда как это окружавшее было лишь обычным и естественным течением деревенской работы и жизни, и Павел, как и прошлое и позапрошлое, наверное, лето, когда приезжал косить сюда, точно так же теперь, отдохнув, поднялся и, никому не говоря ничего, пошел к роднику. Сергей Иванович не знал, что внизу был родник; когда час назад он взошел на холм, заметил только кудрявившиеся кусты тальника и траву, зеленее и гуще росшую вокруг кустов; теперь же он видел, как Павел, раздвинув кусты и наклонившись, доставал из воды бутылки с молоком; когда он принес их под сосну, с бутылок и рук его еще сбегали и падали в траву светлые капли.

* * *

После обеда Степан и Павел перебрались на другой загон, который был скошен ими еще четыре дня назад и где сено лежало уже в валках, и начали метать стог. Павел сидел на тракторе. Огромными механическими вилами он сгребал сухо шелестевшие валки в копны, подхватывал их и подавал наверх, Степану, который укладывал и вершил стог. Сергей Иванович, так как ему непременно хотелось включиться в работу, ходил вокруг стога и подгребал падавшее сено. То, что происходило вокруг него, опять было непривычно и ново ему, и не только оттого, что он давно не жил в деревне и не бывал на сенокосе; непривычен был сам процесс работы, когда не суетились на лугу мальчишки на лошадях, не было ни волокуш, ни женщин с граблями и вилами и мужиков, ни веселого людского гомона, каким всегда сопровождаются артельные работы, а только слышалось, как ворчал, то набирая обороты, то сбавляя их, маленький красный «Беларусь», словно муравей, подвозивший к стогу больше себя по объему и, казалось, тяжелее себя охапки сена. «Беларусь» этот издали казался живым и разумным существом, понимавшим, что и когда ему надо было делать; Павла же не всегда можно было разглядеть за рулем.

Степан и Павел работали молча, так же, как они утром косили луг, когда Сергей Иванович с холма смотрел на них; как и утром, они были без пиджаков, в рубашках, которые прилипали к телу, и лица их выглядели рябыми от сена, пыли и пота. Рубашка Сергея Ивановича тоже была мокрой, а лицо в сене, пыли и поту, но он, как и Степан и Павел, не замечал этого; постепенно он перестал обращать внимание и на непривычную малолюдность, которая вначале удивляла его; и все более как бы погружался в то состояние, когда ему не надо было ни о чем думать и когда все, что он делал, было неоспоримо нужным и значительным. Когда подъезжал на стогометателе Павел, Сергей Иванович, опершись на вилы, весело и довольно смотрел на него; затем переводил взгляд на подвезенную им копну и начинал следить, как эта копна, вздрогнув, медленно ползла вверх, где на стогу с дирижерски вскинутой рукой поджидал ее Степан; как только копна достигала нужной высоты, Степан взмахивал рукой, кричал: «Давай!» — копна соскальзывала на стог с железных вил, «Беларусь» отъезжал, и Сергей Иванович принимался торопливо подгребать рассыпанное сено. В повторявшейся работе был свой ритм и своя, понятная не только Павлу и Степану, но, казалось, в еще большей степени понятная Сергею Ивановичу красота, которая как раз и вызывала в душе его радостное возбуждение. Ни саднившие от лопнувших мозолей ладони, ни затекшая с непривычки спина — ничто не могло испортить этого настроения. Все вокруг было наполнено запахом сена, и даже пыль, поднимавшаяся каждый раз, когда «Беларусь» разворачивался возле стога, не только не раздражала и не только не напоминала той неприятной и медленно оседающей дорожной пыли, какая часами иногда висит над проселками, — пыль из-под колес «Беларуси» была иной, луговой и, казалось, была вся пропитана сухой травой, ветром и солнцем. В минуты, когда Сергей Иванович отдыхал, оставив вилы и разогнув спину, он особенно чувствовал, как свободно и легко дышалось ему здесь, на лугу; он смотрел на Степана и Павла с той завистью, как будто ему дали попробовать кусок пирога, который понравился ему, и он видел, что те, кто одарил, имели этого пирога вдоволь и глазами и выражением лица говорили ему об этом. Ему теперь и в голову не приходило, что ни Павел, ни Степан не испытывали того чувства, какое испытывал он, и что все происходившее было для них так же естественно, как для него московская квартира, письменный стол у окна, рукопись, газеты и книги на нем; он старался уловить в движении их и во взглядах то восхищение, какое владело им, и, казалось, видел это восхищение, тогда как Павел и Степан всего лишь, оглядываясь на него, подбадривающе кивали

ему. Им надо было до вечера закончить стог, и не только потому, что так утром распорядился бригадир; с запада по небу наплывали серые облака, и хотя они были редкими и ничто еще как будто не предвещало дождя, но для Павла и Степана, как для большинства деревенских людей, привыкших определять погоду по разным, иногда еле уловимым приметам, облака эти были нехорошим предвестником; если не с вечера, то в ночь непременно должна была разразиться гроза, и они, не говоря между собою об этом, оба чувствовали приближение ее, а потому работали споро, и желание их вовремя завершить стог передавалось Сергею Ивановичу, который смотрел на сгущавшиеся облака не с тревогой, а с радостью, что они заслоняли собою солнце и нагоняли на луг освежающий холодок.

Проверить, как идет работа, приезжал на луг бригадир Илья. Сергей Иванович видел, как на рессорке подъехал к «Беларусю» и, не слезая с нее, стал о чем-то расспрашивать Павла, который, впрочем, тоже сидел на тракторе и не глушил мотора. Вслед за бригадиром, едва рессорка его скрылась из виду, приехал к стогу секретарь партийной организации колхоза Калентьев и корреспондент (от какой газеты, Сергей Иванович не расслышал) Геннадий Тимонин. Степан не захотел спускаться со стога, и Тимонин разговаривал с Павлом. Сергей Иванович не столько прислушивался к тому, о чем они говорили, сколько присматривался к корреспонденту, который был молод и по виду своему совершенно отличен от Павла и Калентьева. На нем была белая рубашка, и рукава ее не были засучены; в манжетах, когда он поднимал руку, открывались большие серебряные запонки с камнями, которые вдруг вспыхивали и так же вдруг угасали, в зависимости от того, как падало на них солнце. Густые, темные и низко подбритые виски придавали лицу его то знакомое Сергею Ивановичу выражение будто интеллигентности, какое еще с армейских лет он не любил в людях. Что было плохого в этом выражении, он не мог бы сказать, но он видел (именно по этому выражению), что Тимонина вовсе не интересовало то, о чем он спрашивал Павла.

— Ну, поговорили? — с добродушною улыбкою, потому что ни о чем он не мог сейчас думать иначе, сказал Сергей Иванович, как только корреспондент и парторг уехали с луга.

— С земляком-то твоим, с москвичом? — отозвался Павел.

— Он разве москвич?

— А как же? К нам ниже не присылают. У нас теперь что ни кампания, то и корреспондент, — добавил он. — Хоть посевная, хоть уборочная, хоть сенокос. — Он произнес это так, что трудно было разобрать, как он сам относится к сказанному, и, не обращая более внимания на Сергея Ивановича, вернее, не желая, как видно, тратить время на то, что представлялось ему явно бесцельным и бессмысленным (на разговор Павел смотрел так же, как на любое другое дело, которое стоило ли продолжать, если не было в нем смысла?), снова сел на трактор и до конца, пока не был завершен стог, не проронил ни слова. — Ну вот и управились, — сказал он, сматывая веревку, по которой Степан Шеин только что спустился со стога.

Степан со следами высохшего пота на лице, задирая голову, обходил и осматривал стог. Стог был сметан красиво, и он видел это (и видел, что это же видели и Павел и, главное, Сергей Иванович, который был для него не просто родственником Лукьянова, но полковником, приехавшим отдохнуть в Мокшу), но ему не хотелось выглядеть самодовольным, и потому, осматривая стог, он хмурился, мысленно отмечая то, что не было заметно другим. Павел, понимавший его, искоса и с улыбкой наблюдал за ним.

* * *

Долго, неторопливо опускались на землю ночные сумерки, и оттого незаметно было, как все окрашивалось вокруг в один темный, холодный цвет: и река, и сосновый бор, и стог, от которого удалялись, оглядываясь на него, Степан, Павел и Сергей Иванович, и дорога впереди, на которую они должны были выйти, обогнув овсяное поле, и бревенчатые избы вдали с черными полосками жердевых оград вдоль огородов, и небо над всем этим вечереющим простором, где-то высоко-высоко еще хранившее светлые краски дня. Между облаков кое-где видны были белесые пятна, пахло сеном, дождем и еще тем запахом, каким обычно наполняются июньские ночи от зацветших хлебов; этот запах как бы стеною надвигался сейчас от овсяного поля, мимо которого все трое сейчас проходили, и Сергей Иванович, не знавший, что пахнут овсы, а лишь чувствовавший, что чем-то особенным словно настоян сырой вечерний воздух, то и дело, останавливаясь (он шагал позади шурина и Степана), удивленно смотрел по сторонам. Он был все в том же веселом настроении, в каком помогал вершить стог, и усталость еще не беспокоила его; ему казалось, что день для него был настолько целостным и счастливым, что он не помнил, когда еще выпадал ему в жизни такой день. К чему бы ни возвращался он мысленно: к тому ли, как стоял и смотрел на луг, который словно прикатывали (это впечатление осталось у него) на тракторах Степан и Павел, к тому ли, как впервые глянул на синее и чистое поутру небо, когда сидел под сосною на холме, а рядом, разбросав по траве тяжелые руки, отдыхали все те же Степан и Павел (ему казалось, что то понимание деревенского труда и жизни, какое было в нем теперь, началось именно с минуты, когда он взглянул сквозь ветки на небо), или к тому, как метали стог (куда входили и приезд бригадира и приезд корреспондента, который сейчас, когда Сергей Иванович не видел его, не вызывал в нем того неприязненного чувства, как на лугу, у стога), — все одинаково волновало Сергея Ивановича, было ново и было дорого теперь ему. Он шагал молча, как и Степан и Павел, но молчания этого он не замечал; оно не было ни тягостным, ни утомительным для него, потому что в душе его происходило то движение самых разнообразных мыслей, которое целиком поглощало его; позднее, когда он будет вспоминать, как возвращался в этот вечер с сенокоса, ему будет казаться, что между ним, Павлом и Степаном все время происходил оживленный разговор и что сам Сергей Иванович не только слушал, но и высказывал разные соображения относительно жизни в деревне. Он обычно любил утверждать, что человеку всегда хочется того, чего у него нет; но в этот вечер он был совершенно противоположного мнения и с привычной убежденностью говорил себе, что нет, человеку хочется не того, чего

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. М. МОСКВИНА.

КРАСОТА ДУШИ

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

Как-то Иван Михайлович в шутку спросил: «Знаешь, почему меня выбирают в ВТО? В театральную секцию ВОКСа? — Я не успел ответить, а он продолжал: — Потому что моя фамилия МОСКВИН...»

Красив был. Красоту проповедовал. И красиво, искренне относился к людям. Таким я его знал.

Квартира И. М. Москвина — на улице, ныне носящей имя Немировича-Данченко... Днем звонит Иван Михайлович ко мне: «Что делаешь? Зайди вечером».

В артистической среде понятие «вечер» растяжимое: и 6 часов — вечер и 12 часов — вечер... Я спрашиваю, что случилось. «Приходи, в любое время приходи, дорогой мой!» И вот я пришел. Никого нет; стена, где раньше была дверь в смежную квартиру, теперь заложена кирпичом... Сидит один, курит. На столе скромная холостяцкая еда.

Звучит музыка Чайковского. Трио «Памяти великого художника». Играют Л. Оборин, С. Кнушевицкий и Д. Ойстрах.

К концу вечера, по сути, ночью, зашел Дорохин... То ли я начал перебирать струны гитары, то ли они запели, а я взял гитару. Но они пели: «Я встретил вас...» И мне не стыдно сознаться: я плакал. Не знаю, были ли влажными глаза Ивана Михайловича. Я молчал. Они пели... Пели необычно. Естественно, они пели не так, как нас учили, — они дышали среди гласной, что является недопустимым в классическом пении. Но это было так, что вы ничего не замечали; казалось, что душа с душою говорит... Спели. Пауза... Не укрываюсь от света, ощущаю слезу, а они запели вновь. И я понимаю, что поют для меня, поют с добром и лаской...

Как бы я хотел это снова услышать! А ведь была возможность сделать запись...

* * *

В 20-х годах МХАТ гастролировал в Америке. После одного из спектаклей был прием, на котором присутствовали деятели культуры. Среди них Роланд Хейсс — тенор высочайшего класса. Он черный. Когда певец явился, некоторые белые дали понять, что им придется покинуть прием. Станиславский же подчеркнуто любезен. Все артисты МХАТа окружили Хейсса, очень внимательны к нему. Потом протокольный вечер окончился, и после него поехали к Рахманинову. Были там артисты Художественного театра, Шаляпин и другие гости.

«Ну, дорогие, милые, ласковые, — обращается к гостям С. В. Рахманинов, — поведайте, что там на родине, в Москве. Что исполняется, что звучит в театрах и концертных залах?»

Москвин: «Ну, как обычно: что исполнялось, то и исполняют...»

Рахманинов: «Ну, не так же! Что нового поют?»

Москвин: «Все то же... Да! Есть новое...» И Москвин начинает петь «Кирпичики», так, как мы все пели когда-то в Крыму, на даче: Валерия Барсова, Уткин, Жаров, Безыменский, Каменский, Маяковский, скрипачи Сибор и Пинке... Вот эти «Кирпичики» и были представлены! Кто не пел и не играл, не сочинял — должен был исполнять чечетку...

Иван Михайлович рассказывал мне, как Рахманинов воспринял «Кирпичики».

Начал петь Москвин. Книппер-Чехова и Качалов помогали ему; Качалов, «чтобы голос был лиричней», ударял ладонью себя по кадыку; голос, естественно, прерывался, и все хохотали, однако у Рахманинова навернулись на глаза слезы.

— Чем же это объяснить? — спросил я.

Москвин сказал: «По сей день думаю!.. Скорбь ли это была, умиление, раздумье, сожаление?.. Не знаю!..»

* * *

Еще в памяти у меня празднование 70-летия Москвина в МХАТе. «Царь Федор».. Цветы, цветы... Для тех, кто был на этом духовном празднике, очевидна трагедия героя — человека, который терпит неудачу оттого, что добр.

Как же создавал Москвин этот образ, где воедино сплетались дела государственные и сугубо интимные, создавал с такой чистотой и убедительностью, что порой казалось странным, почему же никто не бросится вперед, чтобы защитить этого человека, так хотевшего добром укрепить государство?!

Осталось немало воспоминаний, где живут и Л. Толстой и А. Толстой, Л. Андреев и Ф. Шаляпин, А. Нежданова, В. Немирович-Данченко, Станиславский, Книппер-Чехова, Тарасова, Еланская, Ершов... Эпоха им кланяется!

И. М. Москвин — Царь Федор.

ОН БЫЛ И ДИРЕКТОРОМ

Е. ЛИВАНОВА

Москвин — в труппе Художественного театра единственный человек, с которым В. И. Немирович-Данченко был на «ты».

Иван Михайлович был его учеником: он окончил консерваторию по драматическому классу.

В сороковом году Немирович ставил «Три сестры». В последнем акте Солёный — Ливанов, уходя на дуэль, спиной к зрительному залу, снимал фуражку и прикладывал руку ко лбу тыльной стороной, сгибаясь в поклоне прощания (пауза была мучительно-трагической). Потом он надевал фуражку и медленно уходил... На генеральной репетиции Владимир Иванович прислал помощника режиссера за кулисы передать, что он отменяет эту мизансцену: «Солёный должен просто уходить».

Но когда в спектакле наступила минута ухода Солёного, как вспоминал Ливанов, он не смог изменить ранее найденного решения... Придя за кулисы, Ливанов был в отчаянии и ужасе: как мог он ослушаться Немировича!.. Но после конца спектакля В. И. Немирович-Данченко появился в дверях артистической уборной с такими словами: «Москвин сказал, что уход Солёного — гениально! Я оставляю эту мизансцену!..»

Последний спектакль Москвина — «Царь Федор»... Это было счастье! Кое-кто еще его помнит... Желающих попасть несметное количество! В последнюю минуту меня посадили в первый ряд у прохода: наверное, кто-то из приглашенных опоздал. «Ты с ума сошла! Я тебя увидел»,— сказал Москвин после спектакля (родным и близким не разрешалось сидеть ближе 8-го ряда).

...В 1941 году Иван Михайлович возглавлял гастроли МХАТа в Белоруссии. Когда играли в Минске, началась война. Фашисты бомбили город и все дороги отступления. В гостиницу, где жили артисты, было прямое попадание. Все, к счастью, остались живы, но вещи спасти не удалось... Местные власти предложили Москвину лететь самолетом в Москву, но он был очень возмущен этим предложением и пошел с труппой театра по дорогам... Иногда их подвозили грузовики, пока они не добрались до поезда.

В эвакуации Москвин был директором театра, поскольку Немирович-Данченко оказался на Кавказе. Все жили в Саратове в одной гостинице, предоставленной театру. Распорядок жизни артистов очень строгий. После 12 часов ночи не разрешалось говорить по телефону даже в коридоре. Все эти правила вывешены на стене за подписью Москвина-директора.

Как-то поздно ночью постучали к нам в дверь: мужской голос требует Ливанова к телефону.

— Слушаю! Кто говорит?— шепотом спросил Ливанов.

— Борис, это ты? Шолохов говорит... Что ты шепчешь?! У вас что, войны нет? Я с фронта. Утром лечу в Москву. Сейчас мы приедем к тебе...

В этой маленькой, старой гостинице была чугунная лестница. Через некоторое время мы, к своему ужасу, услышали грохот, разносившийся эхом по всему зданию, подобно шагам Командора... В дверь постучали, и вошли три человека. Михаил Александрович Шолохов был в военной форме. Он тогда — с усами пшеничного цвета и большим лбом — показался мне похожим на художника Федотова... Вторым был Князев — прокурор Саратовской области, земляк Шолохова; и еще с ними был молодой человек, тоже военный.

В Саратове строго соблюдалось затемнение, и мы зажгли фитиль, опущенный в масло на блюдце.

Сначала Шолохов рассказывал о фронте, о молодых женщинах-санитарках, иногда очень маленьких и хрупких, которые добросовестно находили раненых на поле боя и тащили их на себе, не будучи даже уверенными, что раненые еще живы...

После этих удивительных рассказов Шолохов вдруг запел высоким голосом казачью песню. Ее подхватил Князев... Они так пели, что никогда и нигде мы ничего подобного не слышали. Пение продолжалось до семи утра, потом все поехали домой к Князеву, где его жена дала нам яичницу с салом и налила по стопке спирта; все выпили «посошок на дорожку», и Шолохов улетел...

Утром Ливанова вызвал к себе Москвин. Глядя в окно и не оборачиваясь, сдерживая себя, накаленным голосом он спросил:

— Что происходило сегодняшней ночью в вашей комнате? Никто не спал в гостинице!..

Я робко сказала: «Иван Михайлович, сейчас я все вам объясню».

Но Москвин прервал меня:

— Ливанов будет отвечать!

Все это говорилось с такой поистине москвинской силой и с таким безвыходным для нас подтекстом, что, казалось, объяснить ничего уже будет нельзя.

— Иван Михайлович,— начал Ливанов,— ко мне ночью пришел Шолохов с друзьями. И они так замечательно пели казачьи песни...

Москвин резко обернулся:

— Что ж ты меня не позвал?!

Я чту день нынешний, радуюсь ему, но отчетливо понимаю, что он не был бы таким, если бы не было этих людей, не было Москвина.

* * *

В юбилейные дни МХАТа, когда были живы В. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, О. Л. Книппер-Чехова и И. М. Москвин, исполнялся романс Рахманинова—Чехова «Мы отдохнем».

Светлые и добрые слова эти: «Мы отдохнем» — произносит Соня в чеховской пьесе «Дядя Ваня»... Сколько раз их слышал Москвин с того момента, когда появилась пьеса, а потом и спектакль... И, думается, Москвин осознал свою миссию именно так: нести людям свет, добро. Нести ласку, от которой человек становится гармоничным.

Я верю: незабываем духовный облик таких артистов, как Москвин.

Помнить все не дано человеку. Но в свершениях грядущего будет присутствовать их труд, их блеск, их человеческое обаяние.

у него нет, а того, что разумно и что составляет истину жизни. Истина же представлялась ему в простоте, какую он видел в Степане и Павле. «Я осуждал шурина, но сейчас я завидую ему, вот как все обернулось», — мысленно произносил он, все более проникаясь незнакомым ему прежде уважением к Павлу.

Как только вошли в деревню, Степан, остановившись, начал прощаться с Павлом и Сергеем Ивановичем. Павлу, как человеку своему, близкому, с которым виделся каждый день, сказал лишь «до завтра», а Сергею Ивановичу, желая, как видно, выказать уважение ему, протянул руку и крепко стиснул его красные и опухшие от мозолей пальцы.

— А ты жилистый, — сказал он, тряся его руку. — Жилистый, — повторил тут же, как похвалу, это слово.

Сергей Иванович не отвечал, а только улыбался, глядя на черное в сумерках лицо Степана; улыбался бессмысленно, глупою улыбкой, так как, в сущности, не воспринимал ничего, что говорил ему Степан, а лишь, чувствуя боль в пальцах, думал о том, чтобы поскорее кончилось это прощание; но вместе с тем и не высвобождал руку, потому что не хотел разрушать общего хорошего, как ему казалось, настроения. Он на все смотрел сейчас не так, как было привычно ему, — со строгой реалистичностью, как свойственно это всем военным и бывшим военным, — а совсем иными глазами, и все, что видел, оборачивалось добротою в его отошедшей, как сказал бы Павел, размягченной душе; он на все как бы накладывал те чувства, какие наполняли его самого, и оттого Степан представлялся ему (как и шурин) вершиною доброты, благородства, представлялся тем совершенством человеческой натуры, которую только мог когда-либо вообразить себе Сергей Иванович. Совершенство это — он бы не взялся объяснить, в чем оно состояло, а только чувствовал, что оно было; было теперь и было час, два и три назад, все время дня, сколько общался со Степаном Сергей Иванович. Так ясен и прост казался взгляд Степана, и так бесстрастно и прямодушно выглядело его лицо со следами высохшего пота (следы эти хотя и с трудом, но можно было еще различить в сумерках), что нельзя было не сделать того вывода, к какому приходил Сергей Иванович. Хотя все было не столь весело, как это казалось ему, и не всегда Степан оставался таким, как теперь, и хотя десятки разных забот возникали в голове Павла, о которых они не говорили сейчас лишь потому, что не было никакой нужды в этом, для Сергея Ивановича, не знавшего глубины их жизни, все представлялось простым и красивым, как избы вокруг, палисадники, огород, на которые он смотрел. «Хороший мужик», — сказал он Павлу про Степана, когда уже шагали вдвоем с шурином и так же молча, как только что шли до этого. Павел согласно кивнул головой и не поддержал разговора, потому что его занимали свои мысли. Он думал о Борисе, как тот сдал сегодня очередной экзамен, думал о черной с белыми пятнами комолой корове Машеньке, которая была приобретена им недавно, прошлой осенью, но у которой отчего-то уже вторую неделю гноились глаза, и надо было вести ее к ветеринару, и надо было выкроить время для этого, которого теперь, когда шел сенокос, не было у него, и думал еще, что в тракторной косилке его ненадежен шатун, что он сказал об этом бригадиру еще вчера, но механик не был прислан и что оттого утром завтра снова придется идти к Илье и объяснять все; он думал еще о разных других вещах, которые предстояло сделать либо завтра, либо послезавтра, а прожитый день был для него самым обычным и не имел и не мог иметь того значения, какое имел он для Сергея Ивановича.

Дорогие читатели! Конкурс-викторина «Моя встреча с Польшей», посвященный 30-летию Польской Народной Республики, продолжается (вопросы его мы опубликовали в № 17 «Огонька» за 1974 год). Мы приглашаем принять в нем участие не только читателей, которые побывали в этой стране, но и тех, кто узнал и полюбил ее по книгам, письмам, рассказам, у кого там есть друзья, знакомые, коллеги по работе и учебе. Ждем вместе с вашими ответами фотоснимки, документы, свидетельствующие о дружбе наших народов.

Наш конкурс не совсем обычный. Вместе с сотрудниками Института социологических исследований Академии наук СССР мы проанализируем ваши ответы, чтобы наиболее полно представить картину развития советско-польских дружеских связей.

Десять победителей конкурса «Моя встреча с Польшей» будут награждены туристскими путевками в ПНР, которые предоставляет польское бюро путешествий «Орбис».

Кроме того, учреждены поощрительные призы.

Результаты конкурса будут объявлены в день рождения народной Польши — 22 июля 1974 года.

«Радуюсь успехом социалистической Польши». «Хочу больше узнать о сегодняшней Польше». Так начинается большая часть писем, уже присланных на конкурс.

Многое связывает авторов этих писем с братской страной. Для Г. В. Прокопчука из Омска, бывшего артиллериста, прошедшего дорогами войны всю Польшу, она стала страницей биографии. Григорий Владимирович вспоминает, как в Кракове женщины угощали наших солдат по русскому обычаю блинами. Пятнадцатилетний Миша Казаков из Архангельска рассказал нам о своем дяде, погибшем в боях под Варшавой и награжденном посмертно орденом Отечественной войны. «Этот орден хранится у нас как реликвия, и я стараюсь походить на своего дядю во всем». О крепкой дружбе и тесных деловых связях с польскими коллегами написал инженер из Новосибирска Виктор Шикунов. Сегодня мы публикуем два письма из читательской почты.

ДОМИК В ЛЕСУ

Шумел вершинами сосновый бор. Серой лентой протянулась дорога. Наша армия шла на запад, за Вислу, берег которой был уже совсем рядом.

За поворотом показался домик, одиноко стоявший у дороги. Единственным окном он смотрел в лесную чащу. Навстречу вышел хозяин. Нас поразил его измученный вид. Тяжелый, надрывный кашель вырывался из его груди. Петр Лис, так звали крестьянина, поздоровался с нами и рассказал о том, что было у него на душе, о чем мечтал он всю жизнь. Желания его были скромны: иметь клочок земли и хотя бы маленькую избушку. Долгие годы проработал Петр Лис на сахарном заводе. Больше десяти лет откладывал деньги из своего скудного заработка и наконец скопил тысячу злотых.

— Вот здесь,— показал он на свою усадьбу,— я купил клочок земли. Три месяца мы с женой строили каменную хатку. И вот живем в ней шестой год. Тесно, но что поделаешь! Вся жизнь в панской Польше для бедняков была тесной.

Глухой стеной стоял лес. Только небольшая полянка была свободной. На ней кое-где виднелись обгоревшие пни. Это и была земля Петра Лиса.

— Вот что, старик, мы построим вам новый, просторный дом.

— А как же злотые? Их у меня нет, а лес покупать нужно.— ответил крестьянин.

— Лес кругом, из него и будем строить.

— Пан воевода запретил его трогать, это его лес!

— Ничего, отец, и земля и лес должны принадлежать народу.

В ответ на эти никогда не слыханные слова Лис только сказал:

— Так, пан офицер, так!

С восходом солнца закипела работа. Одни расчищали площадку для будущего дома, другие заготавливали лес, вбивали крепкие сваи в землю. Стосковались руки по работе.

— На славу будешь жить, отец!— говорили солдаты хлопотавшему тут же Петру Лису.

На шестой день дом был готов. Сверкая белизной свежеструганого дерева, он стоял на полянке рядом со старой избушкой.

К стене дома мы прикрепили доску с надписью: **«Польскому крестьянину Петру Лису от Советской Армии».**

...Когда закончилась Великая Отечественная война, я написал П. Лису письмо. Вскоре пришел ответ. Петр и его жена Валентина рассказывали, как живется им теперь в новой, освобожденной Польше. Сейчас мы переписываемся, собираемся друг к другу в гости.

С. ВИНОГРАДОВ

Волгоград.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Я работаю в многотиражной газете Калининградского судоремонтного завода. Хочу привести здесь рассказ, услышанный мной от участника боев за освобождение Польши Александра Петровича Воробьева, награжденного четырьмя орденами Польской Народной Республики. А. П. Воробьев руководит сейчас отделом материально-технического снабжения на заводе. Коммунисты не раз избирали его секретарем первичной организации.

В 1944 году 1-я армия Войска Польского вела бои на землях Белоруссии, Украины и Польши. А в это время в городе Сумы формировались новые части польских вооруженных сил. Сюда и был направлен молодой офицер Советской Армии Александр Воробьев.

— У нас в отделении разведки были два брата — Мечислав и Станислав Столярчики,— вспоминает Александр Петрович.— Они показали себя отважными и умелыми воинами. Командовал отделением сержант Панек. Польский воин впервые встретился с гитлеровцами в боях 1939 года. Тогда же попал в плен. Из лагеря Панек бежал на восток, около месяца пробирался в Советский Союз. Сержант Панек храбро сражался с врагом, отличаясь в каждом бою. Но особенно он показал себя в сражении под Франкфуртом-на-Одере.

Советские и польские части подошли к Одеру, но с ходу переправиться через реку не смогли. Гитлеровцы бешено обстреливали все подступы к ней. Мы готовились к штурму моста. Ко мне подошел Панек:

— Гражданин поручик, разрешите моему отделению первому пройти мост!

— Хорошо, Панек, идите.

Натиск был настолько стремительным, что фашисты даже не успели открыть огонь. Они никак не предполагали, что в такую минуту под артиллерийским обстрелом противник осмелится атаковать.

С каждым днем наши войска продвигались вперед. Когда подошли к Бранденбургу, заморосил мелкий дождь. Солдаты отыскали какой-то склад, и мы раздобыли новенькие немецкие офицерские плащи. С группой солдат и со своим неизменным помощником Панеком я решил заглянуть на вокзал. Тут и произошел случай, о котором мы потом вспоминали с улыбкой.

Из Берлина прибыла электричка. На перрон вышел гитлеровский капитан, рядом с ним — белокурая дама. Увидев большую группу военных, капитан выбросил вверх руку и рявкнул: «Хайль Гитлер!». Этого вояку ввел в заблуждение орел на наших фуражках, издали похожий на немецкую кокарду, и офицерские плащи. Я приказал снять плащи, и только тут гитлеровский капитан понял, что он ошибся. Почти в тот же миг в нескольких местах города раздались автоматные очереди, взрывы гранат. Бой за Бранденбург был недолгим.

Вскоре пришел День Победы. Не дожили до этого дня отважный польский связист Станислав Столярчик и многие его боевые товарищи — русские и поляки. Но жизни они отдали не напрасно: дружба, рожденная в боях, породнила наши народы навеки.

И. КОНДРАТЕНКО

Калининград.

Халиль
АБДУЛЬ АЗИЗ

ИРАКСКАЯ НЕФТЬ

Ирак не самый крупный мировой производитель нефти, но трудно найти другой район Ближнего или Среднего Востока, где бы нефть играла такую огромную роль в жизни целой страны. Не будет преувеличением сказать, что в новейшей истории Ирака не было ни одного сколько-нибудь крупного события прогрессивного или реакционного характера, которое не было бы связано с нефтью.

Во время первой мировой войны Великобритании удалось оккупировать Ирак. Таким образом был решен давний спор между английским и германским империализмом в борьбе за влияние в этой стране. Не удивительно поэтому, что английский капитал играл ведущую роль среди западных монополий, получивших впоследствии концессии на разведку и добычу нефти в Ираке.

В 1928 году к «оркестру» европейских монополий присоединился и американский капитал. Именно тогда была рождена печально известная «Ирак петролеум компани», ставшая «государством в государстве».

Иракский народ повел упорную борьбу против грабительской политики этой компании. Она приобрела не только национальный характер, но отличалась и классовой направленностью, поскольку самыми активными участниками этой борьбы были трудящиеся массы, возглавлявшиеся их авангардом — рабочим классом.

Окончание второй мировой войны было ознаменовано новым мощным подъемом классовых битв против засилья западных монополий. Массовые стачки и забастовки в Киркуке, Басре и других нефтяных районах Ирака вошли в историю страны как замечательные образцы героического выступления трудящихся против иностранных эксплуататоров. Ни беспощадное вооруженное подавление, ни массовый террор не смогли сломить воли масс к освобождению.

Июльская революция 1958 года, покончившая с прогнившим королевским режимом в Ираке, носила ярко выраженный антифеодальный, антиимпериалистический характер. Опасаясь за свое будущее, «Ирак петролеум компани» резко сократила работы по разведке нефти. Такой курс, помимо прочего, был направлен против развития национальной экономики Ирака.

Республиканское правительство Ирака в 1961 году приняло историческое решение об ограничении деятельности нефтяных монополий, лишив их права на разведку нефти. После принятия этого закона под контроль Иракской республики было возвращено 99,5% концессионных территорий страны. Тем самым была обеспечена охрана Ирака от разграбления его природных богатств западным империализмом.

Решительные меры Ирака не могли не вызвать соответствующей реакции нефтяных монополий. Если к 1961 году они, несмотря на крайне низкую себестоимость иракской нефти, снизили ежегодный прирост ее добычи до 4,5% по сравнению с 8,5% среднегодового мирового прироста добычи нефти, то в 1962 году прирост добычи нефти в Ираке составил лишь... 0,003%. Комментарии, как говорится, излишни. Западные монополии недвусмысленно продемонстрировали свое отношение к революционной политике молодой Иракской республики.

Перед лицом попыток западного империализма форсировать сокращение добычи иракской нефти республика предпринимает смелые шаги по организации в 1962 году национальной нефтяной компании.

После революционных событий июля 1968 года Иракская республика начинает налаживать успешное сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами в деле развития собственной нефтяной промышленности. В июле 1969 года в Москве было подписано соглашение о советско-иракском экономическом и техническом сотрудничестве в создании национальной нефтедобывающей промышленности в Ираке. В соответствии с ним Советский Союз поставил для нефтепромысла в Северной Румейле, где, по подсчетам геологов, таится более полутора миллиардов тонн «черного золота», необходимое оборудование и материалы. Советские специалисты проводили разведочные, проектно-изыскательские и монтажные работы, готовили иракские национальные кадры нефтяников.

Тесное сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами привело к тому, что в небывало короткие исторические сроки в Ираке была налажена собственная подлинно национальная нефтяная промышленность. Так, уже 7 апреля 1972 года была сдана в эксплуатацию первая очередь нефтяного комплекса в Северной Румейле, рассчитанная на добычу 5 миллионов тонн нефти. 7 апреля 1974 года иракский народ торжественно отметил вступление в строй второй очереди комплекса, мощность которого достигнет теперь 18 миллионов тонн. Не за горами пуск и его третьей очереди, после чего общая мощность комплекса будет доведена до 40 миллионов тонн. Но иракский народ неизменно будет вспоминать открытие именно первой очереди Северной Румейлы, которое вылилось поистине во всенародный праздник — ведь тогда-то, собственно, и родилась в Ираке своя национальная нефтяная промышленность. Каждый, кто присутствовал на открытии первой очереди, где советскую делегацию возглавлял Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, явился свидетелем непреклонной решимости иракского народа крепить дружбу с великой Советской страной.

1 июня 1972 года иракское правительство, убедившись в упорном нежелании «Ирак петролеум компани» изменить свою позицию в соответствии с законной волей иракского народа, объявило о национализации компании. Известие об этом событии с быстротой молнии облетело весь мир, приковав к себе международное общественное мнение. Ведь речь шла не просто о споре иракского правительства с какой-то иностранной компанией, решался вопрос не о судьбе отдельной страны, но, по существу, о будущем всех нефтедобывающих стран Ближнего Востока.

«Ирак петролеум компани» и солидарные с ней международные нефтяные монополии попытались прибегнуть к старому, испытанному методу — путем экономической и торговой блокады заставить иракский народ отступить.

Неоценимую моральную и материальную помощь Ираку оказал Советский Союз и другие социалистические страны. Эти страны в труднейшие для иракского народа дни, когда против него была, по существу, объявлена экономическая война, когда в хваленых «демократических» государствах Запада против него была поднята беспримерная по своей озлобленности и лживости пропагандистская кампания, громко и недвусмысленно заявили о своей безусловной поддержке правого дела иракского народа и полной солидарности с его справедливой борьбой.

Атаке объединенных сил империализма против Ирака был противопоставлен объединенный фронт национальных и патриотических сил этой страны и могучая солидарность всех свободолюбивых народов мира, в первую очередь народов социалистических стран. В результате впервые в истории борьбы народов Ближнего Востока крупнейшая международная нефтяная монополия потерпела фиаско. В марте 1973 года она подписала с иракским правительством соглашение, по которому признала свое согласие с Законом о национализации. Больше того, в тексте соглашения специально подчеркивалась принципиальная законность национализации. Таким образом, значение соглашения вышло за рамки отношений собственно Ирака и «Ирак петролеум компани». Западный империализм не только фактически, но и юридически вынужден был признать право народов Ближнего Востока быть хозяевами своих природных богатств.

Во время октябрьской войны 1973 года Ирак оказал непосредственную военную помощь Египту и Сирии и явился первой страной, которая использовала нефть в качестве эффективного средства против тех стран, которые встали на сторону израильского агрессора. Иракское правительство национализировало доли западных капиталов в смешанных акционерных нефтяных компаниях на юге республики. В результате Ирак стал полновластным хозяином своих природных богатств.

Успехи иракского народа в борьбе за упрочение своей независимости, за радикальные социальные перемены во внутренней жизни страны, его решительная поддержка национально-освободительных движений на Ближнем Востоке делают Ирак объектом особенно ожесточенных нападок международного империализма.

Успешное отражение этих атак лишний раз доказало, что победоносная борьба иракского народа против международных нефтяных монополий зависит не только от смелости и мужества, которыми славится этот народ, но и от степени сплоченности всех его прогрессивных и патриотических сил. И не случайно, что международный империализм и те, кто представляет его интересы на Ближнем Востоке, сейчас, после неоднократных провалов прямых атак против Ирака, большие надежды связывают с попытками взорвать эту страну изнутри, делают все, чтобы ослабить фронт национальных и патриотических сил, создание которого явилось результатом многолетнего исторического опыта, доказывающего, что без единства нет свободы, нет независимости, нет подлинного движения вперед.

Виталий **ЗАКРУТКИН**

СТРОКИ О ДРУГЕ

Невысокий, коренастый, слегка полнеющий человек стоял на берегу Дона. Августовский ветерок трепал его седые, снежной белизны волосы. Серые, чуть прищуренные глаза зорко осматривали речной берег, песчаные закоски, вербовые заросли. Он был одет в спортивный костюм цвета хаки с добрым десятком просторных карманов. У ног его, на желтеющей траве, стоял тяжелый, туго набитый вещевой мешок, в руках — два спиннинга в чехлах.

Таким двадцать пять лет тому назад я впервые увидел в своей тихой станице Сергея Майорова. Первая встреча стала началом тесной дружбы, которая продолжалась четверть века, вплоть до потрясшей меня смерти незабвенного моего друга.

До войны в Ростове-на-Дону я довольно тесно был связан с театром, часто встречался с актерами, и, конечно, имя режиссера Сергея Майорова было мне знакомо. Друзья-актеры говорили о нем как о человеке талантливом, остром, преданном искусству до одержимости. Я знал, что Майоров работал у Мейерхольда, руководил театром в Баку, ставил спектакли в Киеве. И вот в 1948 году он, по совету общих наших друзей, оказался у меня в Кочетовской, чтобы отдохнуть на Дону...

Нужно было видеть Сергея Арсентьевича на рыбалке! Он отдавался любимому спорту без остатка, вертел спиннинговую катушку до изнеможения, до седьмого пота, не признавал в пору лова никаких перерывов, на которые падки иные рыбаки.

Позже мне не раз доводилось присутствовать в Москве на репетициях, которыми в разных театрах руководил Майоров... Ту же одержимость, то же неистовство видел я и здесь, в репетиционных залах. Видно, таков уж был характер: не щадить в работе, в исполнении дела, которое он считал нужным и важным, ни себя, ни других.

С. А. Майоров.

В Кочетовскую С. А. Майоров приезжал каждое лето. За двадцать пять лет — двадцать пять раз. Он привязался к Дону, оживал, когда оказывался на его берегах, бывал в Цимлянске, Семикаракорске, многих станицах и хуторах. Он любил часами расспрашивать людей об их жизни и судьбах. Бывало, сидя у вечерних костров, задумчиво опустив седую голову, с наслаждением слушал протяжные казачьи песни. Вообще слушать он умел удивительно: не перебивая рассказчика ни одним словом, сосредоточенно и внимательно...

Постоянное дружеское общение с людьми-тружениками многое дало моему другу: его спектакли, связанные с деревенской темой, отличались правдивостью, ясностью. Месяцами он мог обучать актеров оттенкам народных диалектов, требовал точности в исполнении народных песен, умении носить костюм.

Мне вспомнился случай, когда один из прославленных столичных театров и театр, руководимый Майоровым, работали над одной и той же драмой о жизни людей в деревне. При очередной поездке в Москву мне посчастливилось посмотреть оба спектакля. В одном из них я увидел подчеркнутую театральность, этакую пейзанскую радужность костюмов, отчеканенный московский говор с «артистическими» интонациями; в другом, поставленном Сергеем Майоровым, дышала живая жизнь, все было правдой и все подкупало высокой простотой.

На протяжении своей многолетней режиссерской работы в столице (Московский драматический, театр Ленинского комсомола, театр имени Гоголя) Майоров постоянно стремился к тому, чтобы ставить пьесы советских драматургов, особенно те, которые были посвящены современности. Его всегда привлекали характеры сильные, мужественные, закаленные в борьбе. Именно поэтому годы творческой дружбы связывали его с Всеволодом Вишневским, чьи пьесы Сергей Майоров ставил одним из первых. Он ставил пьесы Тренева, Файко, Салынского, Кочетова, Минко. Не меньше привлекала его русская и зарубежная классика, не раз находившая замечательное сценическое воплощение в театрах, руководимых Майоровым.

При всей своей жесткой требовательности, непримиримости ко всякой фальши, лени и равнодушию на сценической площадке он очень любил актеров, не раз говорил мне об актерской молодежи, о прекрасном таланте своих друзей — Н. Д. Мордвинова, М. Ф. Романова, Ф. Г. Раневской и многих других. С Николаем Дмитриевичем Мордвиновым он приезжал в Кочетовскую, и я замечал, с каким восхищением, сидя в сумеречной, увитой виноградом беседке, слушал Майоров стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Баратынского в исполнении Мордвинова. Мне известно, какие добрые, теплые отношения были у Майорова с Александром Петровичем Довженко, Игорем Савченко, многими русскими и украинскими киноактерами.

Майоров отличался удивительным свойством даже в самом молодом, еще «не оперившемся» актере увидеть первые, для иного человека совсем незаметные проблески истинного таланта. К таким молодым актерам он относился по-отечески, с глубоко скрытой нежностью, но в то же время настойчиво требовал от них непрерывного совершенствования. Среди его любимых учеников и учениц немало таких, которые давно стали заслуженными и народными артистами.

Однако Майоров никогда не ограничивал себя рамками театра: в его небольшой, уютной квартире на Котельнической набережной бывали писатели, агрономы, партийные работники, колхозники, шахтеры и космонавты, учителя и офицеры. Гостеприимный хозяин ко всем относился с одинаковым радушием, всех угощал замысловатыми яствами, изготовленными им самим, всех внимательно выслушивал; любому, кто в этом нуждался, безотказно оказывал помощь и поддержку. Всегдашнее общение с людьми самыми разными давало возможность Сергею Майорову знать их радости и горести, быть в самом водовороте жизни. Это неизбежно сказывалось и на его спектаклях, где не было ни дурной театральщины, ни фальши.

Особо хочется сказать о том, с какой высокой ответственностью и достоинством представлял Майоров советское искусство за рубежом.

Финские и датские театральные критики называли его режиссером экстракласса. Вернувшись из Финляндии и Дании, Сергей Арсентьевич привез с собой целую кипу газет с отзывами о его спектаклях, сотни фотографий, альбомы, письма зрителей и актеров. Несколько лет в московской квартире Майорова висел огромный лавровый венок с муаровыми лентами, где сверкали слова благодарности советскому режиссеру. Этот венок был поднесен Майорову в знак признания его таланта.

14 января 1964 года газета «Фленсбургер Тагеблатт» писала о спектакле «Снегурочка», поставленном Майоровым в датском городе Орхус:

«Сейчас уже точно установлено, что шесть тысяч заявок на билеты остались неудовлетворенными. Причем речь идет не о легком музыкальном спектакле с мини-юбками и глубокими декольте, а о сказке...»

Директор театра в Орхусе пригласил для постановки этой зимней сказки для взрослых, говорилось далее в рецензии, «главного режиссера Московского театра имени Гоголя Сергея Майорова, шестидесятилетнего, брызжущего темпераментом господина, отмеченного в своей стране заслуженными почестями, знатока искусств. С помощью немецкого языка он объяснялся со скандинавскими актерами, из которых сто пятьдесят человек было занято в этом спектакле. Советский режиссер решил обратиться к динамичным, исполненным поэзии декорациям, а его замысел был воплощен на сцене Йенс-Анкер Ольсеном. Спектакль явился показателем режиссерского искусства мирового значения»...

Новые друзья Майорова приезжали повидаться с ним. У Сергея Майорова я познакомился с замечательной балериной Эльзой-Марианной фон Розен, приезжавшей с мужем в Москву. Работая вместе с советским режиссером над «Снегурочкой» и «Маскарадом», она руководила в этих спектаклях постановкой танцев. Я был свидетелем того, с каким уважением относилась Эльза-Марианна к Майорову, как тепло и душевно вспоминали они свою работу в Дании. Фон Розен издавна преклонялась перед прославленным русским балетом. По горячей просьбе своей гостьи С. А. Майоров познакомил ее с гениальной Улановой.

...Творческий путь Сергея Майорова завершен... Но остались театры, где он работал. Остались актеры, которых он воспитал. Остались его письма, заметки, режиссерские разработки многих спектаклей, осталась библиотека, хранящая следы его раздумий, остались сотни советских и зарубежных газет, фотографий, афиши, программы — все, в чем запечатлен полувековой труд талантливого, яркого, самобытного человека, без имени которого история нашего театра была бы неполной. Вряд ли нужно говорить о том, что люди, которые его знали, работали с ним и могут сказать о нем свое слово,— должны это сделать, воздав должное всему, что им свершено.

А. Герасимов. 1881—1963. ПОСЛЕ ДОЖДЯ. 1935.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР

Выставка произведений членов Академии художеств СССР

А. Герасимов. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ. 1951.

АЛ. АЗАРОВ,
ВЛ. КУДРЯВЦЕВ

Рисунки И. УШАКОВА

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

5. Август, 1943. Париж, Орли — Булонский лес.

Для Рейнике ночь давно уже превратилась в день, а вечер ничем не отличается от утра. Поэтому бригадефюрер более или менее бодр, когда под утро прилетает в Орли. Ночные рейсы самолетов «Люфтганзы» строжайше запрещены, но правило не действует, если пассажирами являются чины гестапо. Начальник Управления IV обергруппенфюрер Мюллер не стал долго уговаривать дежурного по министерству авиации, сказал только: «После приземления в Париже информируйте мою канцелярию!» — и повесил трубку.

В Орли Рейнике задерживается. Охрана аэродрома по учебной тревоге отрабатывает отражение авиации противника, и полковник — комендант базы отказывается выпустить бригадефюрера из штабного бункера.

Приходится сидеть и ждать, а ждать Рейнике не любит. Из бункера он звонит Бергеру в «Лютецию», но полковника там нет. Нет в штабе абвера и командира радиороты капитана Шустера. Дежурный пробует отыскать обоих на улице Курсель, где квартирует 621-я радиорота, однако через несколько минут выясняется, что оба они — в Булонском лесу.

— Я скоро буду,— говорит Рейнике дежурному.— Предупредите господ об этом и пригласите ко мне. Но не вместе. Первым — полковника Бергера.

«Интересно, как воспримет Бергер мой сюрприз?» — думает Рейнике час спустя, сидя в машине. Эта же мысль занимает его и тогда, когда он поднимается по лестнице штабного особняка в Булонском лесу.

В кабинете чисто и прохладно. Шторы задернуты. Рейнике мельком оглядывает стол — по инструкции на нем не должно быть ни клочка бумаги.

— С прибытием, бригадефюрер!

Бергер, выбритый и выспавшийся, в два шага доходит до середины комнаты. Он в штатском и на зависть элегантен. Белоснежная рубашка подпирает шею жестким от крахмала воротничком; манжеты выглядывают из рукавов ровно на сантиметр, не больше...

— Юстус? Я искал тебя в «Лютеции». Почему ты оказался здесь?

— Работа,— говорит Бергер.— Ну, как Берлин?

— Бранденбургские ворота все еще на месте...

— Я так и думал,— серьезно говорит Бергер и достает трубку.

— Да, да, кури. Шустер в приемной?

— Прикажешь позвать?

— Позже, сейчас я тебя кое-чем обрадую: скоро прибудет Гаузнер.

— Вот как? Насколько я знаю, он сидел в Гамбурге и благодарил Мюллера за забывчивость.

— Я отозвал его в свой штаб. Гаузнер умница, а опыта ему не занимать. Он начинал заниматься Леграном и парижскими передатчиками раньше нас с тобой.

— Рад слышать. Но это не все?

Рейнике выдерживает паузу.

— Ты угадал. В Штутгарте организовывается новая контора — «Алеманише Арбейтскрайс». Канарис и Мюллер договорились, что она станет филиалом штаба и полностью нацелится на Женеву. Недавно там был Шелленберг.

— В Женеве?

— В Штутгарте. Он виделся со Швартенбахом из швейцарской разведки и совещался с ним на вилле фон Стауница.

— О чем они говорили?

— Спроси что-нибудь полегче. Скорее всего новая комбинация Управления VI в отношении «Геомонд».

— Против «Геомонд»?

— Да. С этой группой надо кончать. Быстро и без следов.

Рейнике с треском припечатывает карандаш к полированной доске стола. Пальцем давит открошившийся грифель.

— Штутгартскую контору подчинили тебе.

— Надо благодарить?

— Не я решал, Юстус. Ты остаешься моим заместителем по штабу. Я сам, как тебе известно, раздваиваюсь между Берлином и Францией... Мне приказано спросить тебя: ты согласен?

Бергер, посасывая трубку, разглядывает кончик ботинка. Губа его брюзгливо выпячивается, в глазах — равнодушие.

— Если все решено, не будем обсуждать. Ты не хочешь пригласить Шустера? Он ждет.

— Со щитом?

— Рации опять исчезли,— невыразительно говорит Бергер и спичкой помешивает табак в трубке.— Где мой «кепстен»?

— Привез,— успокаивает Рейнике, склоняясь над телефоном.— Скажите Шустеру: пусть войдет.

Бергер встает и отходит к окну. Широкая спина его, обтянутая пиджаком, вздыблена буграми мышц. Он силен, как борец, и Рейнике видел однажды, как Бергер на пари двумя пальцами легко свернул штопором толстую мельхиоровую ложку.

Дверь отлично смазана и открывается беззвучно, впуская Шустера. Слушая рапорт, Рейнике невольно следит за каждым движением Бергера, медлительно ворочающего широкими плечами.

— Сводка при вас, капитан?

Почувствовав грозу, Шустер оправдывается:

— Мои операторы сделали все, что могли, бригадефюрер!

— Где рации?— тихо спрашивает Рейнике.— Где рации, капитан?

— Я объясню,— вмешивается Бергер.

— Нет! Говорите вы, Шустер! Я жду!

— Передатчики сменили частоты.

— Я объясню,— настойчиво повторяет Бергер.— Бригадефюреру следует прочесть сводки за последние два дня. То, что рации не пеленгуются, только полдела.

— Это так,— подтверждает Шустер.— В последний раз их засекли тридцать шесть часов назад. Они выходили из районов Каре дю Норд, госпиталя Бедных Детей и Сен-Лазара.

— Сколько в роте машин?

— Всего пятнадцать, но шесть ремонтируются.

— Я объясню,— в третий раз говорит Бергер.— Машины — это не так важно.

— Что же важно, черт возьми?

Рейнике машет рукой. Неожиданная вялость валится на него, придавливает, заставляет сесть.

— Побудьте в приемной, Шустер,— говорит Бергер и ждет, когда дверь захлопнется за капитаном.— Теперь понимаешь, Вилли?

— Далеко не все...

Некоторые факты наводят на мысль, что месье Легран в Париже.

Рейнике недоверчиво пожимает плечами.

— Три рации, расположенные в разных концах,— настаивает Бергер,— и каждая из них эстафетой передает десять цифрогрупп. Кольцо, в котором пеленгаторы мечутся, не зная, за кем гнаться... Это Легран, Вилли!

Рейнике поднимает голову.

— Все мы будем хороши, если это так. И я, и ты, и Гаузнер... В Берлине вынут из архива наши доклады и спросят: когда вы лгали? В марте, подписываясь под сообщением, что Легран бежал и сидит в Москве, или сейчас, утверждая, что он в Париже? Что ты ответишь?

Бергер прикусывает мундштук трубки и тяжело поводит плечами.

— Отвечу, что мы его возьмем. Ты не согласен, Вилли?

6. Август, 1943. Женева, рю Лозанн — Люцерн, Капельдаге, 5.

Грюн — один из очень немногих, с кем Ширвиндт встречается в Женеве. Он опытен и обставляет свидания сотней предосторожностей, ни одна из которых, впрочем, не является лишней. Грюн, Камбо, новый источник — Макс из Люцерна и еще — курьеры, обеспечивающие контакты с радистами; вот и вся группа. Система связей и «почтовых ящиков», отработанная Вальтером, пока не подводила, но это не означает, что ее следует сохранять навечно: любая шарада когда-нибудь разгадывается, если поломать голову. Оттягивая разгадку и отвлекая внимание БЮПО, Ширвиндт с помощью Грюна заваливает «Геомонд» письмами с самым невинным содержанием, посланными с разных концов Конфедерации. Некоторые из них не доходят до него, исчезают, осев, по всей видимости, в сумочке прилежной Элен. Ширвиндт ведет таким письмам учет и установил, что Элен выбирает те, где текст занимает мало места: очевидно, специалисты объяснили ей, какое значение имеют широкие поля при использовании тайнописи.

— БЮПО старается!— сказал Вальтер Грюну.

— А если это немцы?— усомнился Грюн.— Они не станут долго ждать, повозятся немного

Продолжение. См. Огонек № 24.

и — готт мит унс! [1] — шлепнут вас в ближайший теплый вечерок. А?

Ширвиндт беззвучно засмеялся: так не вязалось «теплый вечерок» и «шлепнут». Сказал:

— Не вижу смысла. Я для них — сущая находка. Дешифрованный, торчу на виду и, судя по корреспонденции, не сворачиваю работу.

— Потому-то они вас и уберут!

— Или, напротив, станут оберегать. Рассудите сами. С'кем и каким образом я связан — не установлено. Какова моя информация — неизвестно. И вообще — сплошные «как», «почему», «кто» и «каким образом». И такая глупость: моя смерть; похороны, плюмажики на катафалке и секреты, ушедшие безвозвратно. Пока то да се, пока на мраморной досочке высекают мое фальшивое имя, где-то возникает кто-то, немцам абсолютно неизвестный, и, переняв группу, продолжает начатое...

Грюн покачал головой.

— Вы меня не убедили. В нашем деле формальная логика способна подвести под катастрофу. Не рассчитывайте, что немцы мыслят шаблонно. Стейниц был немец, и фантазии Гофмана питали германский дух.

— Вы боитесь?

— Да, за вас.

— Ладно,— сказал Вальтер.— Лучше позаботьтесь, чтобы моя Элен не сидела без работы.

— Так она из БЮПО или от немцев?

Элен и Макс — две загадки, и каждая на свой лад.

Люцерн, Капельдаге, 5. Издательство «Нептун» — буклеты, проспекты, открытки с видами. Годовой оборот в пределах двадцати — двадцати двух тысяч франков. Владелец — политэмигрант, основал «Нептун» в 1935 году, холост, не пьет, не курит, не поддерживает отношений с местной немецкой колонией... Макс отмалчивается, когда Вальтер пытается поговорить по душам, не отрицая лишь одного — делового знакомства с бригадным полковником Лусто из 5-го отдела генштаба.

Как в свое время Камбо, он поставил условие: никаких попыток проникнуть в частную жизнь и регулярная оплата в швейцарской валюте.

— Сколько?— спросил Ширвиндт.

— Тысяча франков в месяц,— сказал Макс.— Остальное доплатит Лусто.

Это была первая и последняя его откровенность, и она обезоружила Ширвиндта. Двойники, как правило, не признаются ни в чем; Макс представлял исключение, редкое, как зеленый алмаз... Вальтер пожал плечами.

— Ну знаете ли!.. У вас странная манера добиваться доверия. Откуда вы знаете Лусто?

— Долгая история. Если я расскажу, вы вряд ли поверите, так что лучше не касаться ее, но к гестапо я не имею отношения. Неубедительно?

— Не очень,— сказал Ширвиндт.— Да вы это и сами понимаете.

...Поезд на Люцерн — в 13.05, и Вальтер гуляет по Старому городу, стуком трости распугивая ленивых голубей. Элен получила-таки долгожданный случай основательно похозяйничать в конторе. Ширвиндт предупредил ее, что вернется вечером, и дал возможность присутствовать при расчетах с рассыльным, принесшим билет. Туман и разговоры тет-а-тет всегда разжигают любопытство, будничная откровенность гасит его.

На улице жарко и расслабляюще душно. Ветер не несет прохлады: он слишком легок и вял. Дети, как всегда, играют на набережной, но маленькой Рут среди них нет, и Ширвиндт в одиночестве скармливает голубям корм из пакетика, купленного у разносчика.

На углу в киоске, торгующем газетами и мелкой всячиной — до лезвий «жилетт» и открыток включительно,— Вальтер выбирает «Трибюн де Лозанн» — дорожное чтиво, позволяющее забыть о прошлом и не слишком подробно информирующее о настоящем. «Трибюн де Лозанн» считается солидной, но и она часть колонок отводит под светские сплетни и сенсации... Ширвиндт расстегивает портфель и укладывает газету рядом со свежими оттисками карт и папкой с контрактами. Поездка в Люцерн сугубо деловая. Одна из тех, после которых в «Геомонд» наступают дни оживления: заказы редакторов провинциальных газет на схемы боевых действий — основной источник дохода фирмы; другой источник — карты-вклейки, покупаемые издательствами, такими, как «Нептун».

В вагоне, найдя место у окна, Вальтер разворачивает газету. Широкая, как театральный занавес, она укрывает его от взоров соседей. Бегло просматривая колонки, Вальтер думает о том, что визит в «Нептун» должен стать последним. Заказы заказами, но в 5-м отделе рано или поздно могут заинтересоваться, одни ли карты получает издательство от «Геомонд». Решено: впредь деньги будет отвозить связник Грюна, страховой агент.

Деньги, тысяча франков мелкими купюрами, вложены между листами роскошного атласа — бристольский картон, глубокая печать, кожаный переплет. Выдающийся образец продукции «Геомонда», отпечатанный тиражом сто экземпляров и презентуемый крупным заказчикам.

Поезд, изогнувшись дугой, несется вдоль озера. Ширвиндт, коротая время, поглядывает в окно. Вода, зеленая у берега и темная, с ртутными потеками вдали, успокоительно чиста и первозданна. Сменятся поколения, рухнут источенные водами мостки, уйдет и Ширвиндт, а она останется и будет в вечности.

Ширвиндт, поежившись, отодвигается от окна. Озеро исчезает, отторгнутое занавесом из газеты... Курьер Центра привез расписание радиосвязи и шифры; в том же письме настоятельно рекомендовано выяснить, откуда Макс черпает информацию. Это приказ...

Трижды или четырежды перечитав газету, досыта насмотревшись в окно, вздремнув и все-таки устав от дороги, Ширвиндт наконец выходит в Люцерне. Долгая тряска в вагоне вызвала приступ сердцебиения; пережидая его, Вальтер приникает к фонарному столбу и стоит, массируя сердце.

В таком состоянии трудно вести переговоры, но Вальтер, весь покрытый пóтом, добрых полтора часа торгуется с редактором местного «Герольда», а уломав его и подписав контракт, еще столько же тратит на беседу с заведующим фотоотделом еженедельного «Вестника».

От «Вестника» до Капельдаге — три квартала. Издательство занимает узкий двухэтажный отсек серого дома в улочке, похожей на горную расселину. Вертикальная вывеска, застекленная дверь, железная штора на окне и полдесятка книг в витрине, сквозь которую просматриваются стеллажи внутри помещения. Мельком глянув в нее и убедившись, что покупателей нет, Ширвиндт носком ботинка толкает дверь и входит, сопровождаемый слабым перезвоном колокольчика.

«Что скажет Макс?— думает Ширвиндт, прислушиваясь к боли в груди.— Центр прав, требуя выяснить, где источники. Грюн пытался было поговорить с ним начистоту, но ничего не вышло. Как это ответил Макс? Сказал: пусть приедет сам. Или что-то в этом роде... Скажет ли он правду?»

...Ложь или правда?

Этот вопрос возникает перед Ширвиндтом полчаса спустя, когда он покидает «Нептун». Разговор с Максом с почти стенографической точностью записан в памяти... Ну и ну!.. Десять генералов, лояльных во всем с виду и сплотившихся в основанную на ненависти к нацизму коалицию — о таком услышишь не каждый день! Почему десять? А не пять? Или сто один?.. Но и не это основное!.. Связь: передачи, идущие в Люцерн через... пост радиоабвера в Кранце!.. Ширвиндт только что видел своими глазами приемник армейского образца с клеймом вермахта на откидной крышке.

— Я получил его от н и х,— сказал Макс.— Вместе с позывными — РАХС.

— И принимаете дома?

— Я же ничего не передаю! Только принимаю.

Приемник стоял на тумбочке в открытую: вещественное доказательство, что Ширвиндту не снится все это — Макс, разговор о генералах и радиоабвере.

— Полиции я не боюсь,— сказал Макс.— Лусто охраняет мой «Нептун».

— Ну знаете ли!..

— Я не настаиваю ни на чем. Верить или нет — ваше право или право тех, кто вас сюда послал. Сообщите им просто факты и пусть решают.

...Колеса вздрагивают, стучат, клацают на стыках. Вечерний поезд уносится прочь от Люцерна, пересекая границы кантонов. День окончился, и впереди — ночь, длинная и одинокая, которую не скоротаешь за разговором с самим собой и которая при всей своей кажущейся длине слишком коротка, чтобы один человек мог продумать все.

7. Август, 1943. Париж, рю Летелье, 29 — рю ль' Ординер, 3.

— Кончено, Луи!

— Угу... Помогите мне, шеф.

Жак-Анри, путаясь в длинном проводе, сматывает антенну. Луи захлопывает переднюю крышку передатчика и, кряхтя, тащит его в угол — там, за полкой с книгами, ниша... Секундомер все еще работает, и Жак-Анри, закидывая антенну в тайник, успевает глянуть на циферблат: ровно шесть минут и тридцать секунд.

Они выходят на цыпочках, хотя оба знают, что в квартире никого нет и их не услышат. Двухкомнатная гарсоньерка, арендованная на днях, снаружи заперта на висячий замок: Луи, проделавший это, влез в квартиру через окно в кухню, пробравшись по бордюру.

Луи осторожно выглядывает во двор.

— Дуйте вперед, шеф. Я прикрою...

В свободной руке у него граната — зеленое металлическое яйцо. Жак-Анри толкает Луи в спину и повелительно шепчет в ухо:

— Сейчас же спрячь!

«И этот — туда же! Где они достают оружие, эти мальчишки? Луи никогда не давал повода упрекнуть себя в недисциплинированности и вот — на тебе!»

— Береги уши! — сердито говорит Жак-Анри, спускаясь по лестнице.

Он молчит, пока они, распластавшись, пробираются по бордюру шириной не больше ладони; однако, ступив на первую же перекладину лестницы и отдышавшись, он уже не может побороть искушения высказать Луи все, что думает о нем.

—Где ты взял это дерьмо?

— Нашел на улице.

Луи задирает голову и улыбается.

— Мы еще поговорим! — обещает Жак-Анри.

Добравшись до земли, они пересекают двор; через незапертую камеру мусоросброса проникают в подвал, а оттуда в котельную гостиницы, фасадом выходящей на рю Фондари. Котельная пуста — летом в Париже не сыщешь филантропа, который тратил бы драгоценный уголь на такие пустяки, как горячая вода для постояльцев. Зимой — другое дело: тогда поневоле приходится топить. Благословляя скупость владельца отеля и стараясь не прикасаться к трубам, укутанным в паклю и слоистую, похожую на вату пыль, Жак-Анри следует за Луи.

— Сними куртку,— говорит он у двери.— В таком виде тебя не пустят ни в один дом. Разве что в Сантэ[2].

На рю Фондари облавы нет. Луи убеждается в этом, выглянув на улицу; Жак-Анри ждет его. Солнце и акварельно-белесое небо слепят его, когда они ступают на тротуар.

— Поторопимся, шеф?— спрашивает Луи и осторожно дергает его за рукав.— Мне надо поспеть в лавку за мясом. Флора оторвет мне голову, если я не выхвачу у Гастона кусочек на жиго и костей для бульона.

— Нужны талоны? У меня есть немного лишних.

— Живем, мерси! — говорит Луи и прячет талоны в бумажник.— Между нами, Гастон — порядочная сволочь. Мясо ему привозят из провинции — один хороший парень, бьющий скот не по приказу немцев. Парень получает гроши, хотя и рискует всем, а Гастон снимает пенки и запрашивает столько, что ого-го!

У Луи — приступ словоохотливости. Обычное состояние, известное тем, кому случалось пережить страх, и Жак-Анри вытирает платком лоб и руки.

— А может, не стоит связываться?

— О-ля-ля! Но зато какое мясо! До завтра, шеф?

[1] С нами — бог! (Немецкий военный девиз.)

[2] Тюрьма в Париже (прим. ред.).

— До завтра, Луи! Напомни-ка мне адрес Жермона.

— Рю Пастурей, дом с двумя подъездами. Спросите хозяина кафе и скажите, что от Луи. Только, уверяю вас, шеф, Жермон ушел в кусты. Вам ни за что не уговорить его, вот увидите!

— Ладно, давай расходиться.

Луи перебрасывает куртку через руку и бегом устремляется к остановке, куда только что подкатил переполненный автобус с уродливыми колонками газогенераторов. Жак-Анри машет рукой, но не ему, а водителю такси, выглянувшему в окошечко в надежде поймать клиента.

— На Пастурей, через бульвар Сен-Жермен и Остров.

Не доезжая до кафе, Жак-Анри расплачивается и выходит.

Кафе набито битком; ни одного свободного столика; у стойки бородатые парни в беретах и черных рубашках спорят о Дарнане. До вечера далеко, а они уже на взводе: перед каждым рюмка с недопитым перно и куча картонных тарелочек. Сторонники Дорио не лучше немцев. Из таких сформирован «летучий отряд» парижской префектуры, обосновавшийся во Дворце правосудия в комнатах криминальной полиции.

Хозяин — за стойкой. Рукава рубашки закатаны, лицо багрово от духоты и вина. В душу Жака-Анри закрадывается сомнение, а вместе с ним холодок: с кем связался Жермон? Парни в черных беретах громко стучат кулаками о стойку; тянут хором: «Франция — ты прекрасна, как страна обетованная...» Жак-Анри обходит их и бросает на цинк кредитку:

— Луи сказал мне, что вы запаслись виши.

— Он всегда болтает лишнее, этот Луи!

— Продадите ящик?

— Пошли...

Хозяин пропускает Жака-Анри за стойку и, тяжело тесня жирной грудью, выталкивает его в заднее помещение.

— Что вы там болтали о Луи?

— Жермон у вас?

— Допустим.

— Мне нужно его видеть.

— Почем я знаю, захочет ли он видеть вас!.. Ладно, ждите здесь, я скажу Жермону.

Жак-Анри оглядывается. Комната набита спиртным. Бутылки, всех форм и размеров, теснятся на полке. К простенку пришпилена олеография — маршал при всех регалиях. Маскировка или же символ чувств?

Хозяин возвращается мрачнее, чем прежде. Один.

— Жермон не хочет.

— Так...

— Что — так?.. Не вздумай угрожать! Слышишь, парень?

Жак-Анри не отвечает. Все ясно, на Жермона можно не рассчитывать. Остается узнать, где он спрятал рацию...

Хозяин достает из кармана крохотный клочок бумаги.

— Здесь адресок. Его дал Жермон и сказал, чтобы вы забрали там свой инструмент. Вы что, из джаза?

— Я дирижер,— отвечает Жак-Анри и улыбается про себя: ответ, родившийся сам собой, довольно точен.

До рю ль'Ординер Жак-Анри добирается на автобусе; две пересадки с маршрута на маршрут и тряска, от которой селезенка подпирает горло.

Тесное помещение магазинчика битком набито редкостями — поддельными и настоящими, разобраться в которых способен только знаток. Жак-Анри с глубокомысленным видом изучает японскую вазу, покрытую серой патиной.

— Хорошая бронза, месье,— говорит Жюль отчужденно.— Девятнадцатый век и вполне умеренная цена.

— Я хотел бы глянуть на что-нибудь еще.

— Извольте, месье,— говорит Жюль.— Прошу пройти сюда.

Жак-Анри ныряет за прилавок и по маленькой деревянной лестнице поднимается на второй этаж, где в конце коридора находится комната Жюля.

Жюль ногой придвигает стул. Садится.

— Есть новости, старина?

— Рейнике вызвали в Париж,— говорит Жак-Анри.— Техник подслушал междугороднюю:

для Рейнике готовят старую квартиру... На этот раз на Принц-Альбрехтштрассе спохватились, на удивление, быстро!

— А ты ждал иного? Странно было бы, если бы пеленгаторы не засекли твою тройку. Технику удалось еще что-нибудь разузнать?

— Почти ничего. Штаб Рейнике формируется заново, Бергер из абвера — заместитель. Вот и все... Нам понадобятся новые радисты, Жюль.

— А где их взять? Может, объявятся двое из старой твоей пятерки? Хотя бы тот же Жермон...

— Он в маки...

— О-ля-ля!.. А как с сеансом?

— Сначала чашку кофе,— говорит Жак-Анри.

Жюль наливает кофе. Садится.

— Немцы быстро нащупали вас?

— Быстрее, чем хотелось бы. Надо бояться этих кочующих радиокоманд. Нас пеленговали чуть ли не под окнами...

— Всего бояться,— медленно говорит Жюль.— Тебе не надоело это слово — «бояться»?

— Что с тобой, старина?

— Со мной — ничего... Ничего особенного. И не гляди так — надеюсь, ты не считаешь меня рефлектирующим интеллигентом?

— Я так сказал?

— Нет. Но подумал... А ты подумал о другом: что я уже которую ночь вижу во сне свой дом? Ну да, дом, что тут особенного! И лестницу, и каждый раз, под утро, поднимаюсь по ней, ступенька за ступенькой.

Жак-Анри шарит по карманам, отыскивая сигареты. Жюлю снятся ступени дома. А ему самому, Жаку-Анри?.. Для него ночь — черный провал, куда он падает, чтобы утром выкарабкаться и начать новый день; жизнь на пределе, о котором не предупредит ни один врач.

— Ладно, до встречи!

— До встречи, старина,— тихо говорит Жюль.

На улице Жак-Анри поудобнее перехватывает покупку — сомнительной древности вазу, обошедшуюся в четыреста франков, и, ни секунды не задерживаясь на рю ль'Ординер, направляется в центр, к кафе «Де грас». Здесь его ждет Техник.

Продолжение следует.

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. СОЛОУХИНА

ПРОЗРАЧНЫЕ СТРУИ

В библиотеке я попросил дать мне книги Владимира Солоухина — прочитать, перечитать, вспомнить. Принесли восемнадцать книжек — проза, стихи, публицистика... «Это еще не все,— сказали мне,— у нас нет всего Солоухина».

Да, прошло-то уже почти двадцать лет, а мне все помнится, как Солоухин, «володимирский мужичок», как звали его в редакции, работал разъездным корреспондентом журнала «Огонек», писал очерки, публиковал первые стихи, которые сразу обратили на себя внимание своей прозрачностью и свежестью,— и кажется мне, будто он совсем недавно вылетел из огоньковского гнезда в самостоятельный творческий полет.

Владимир Солоухин — прирожденный поэт. Пишет ли он повесть, публицистический очерк, полемическую статью — в каждом абзаце слышишь поэтические интонации. Он не только в себе несет жар поэзии, он в любом человеке ищет и находит поэтические отзвуки. В «Осенних листьях» — своде раздумий о творчестве, о жизни, о природе — В. Солоухин очень тонко заметил: «Вероятно, большинство людей в душе поэты. Если бы это было не так, то, собственно, поэты, поэты, пишущие стихи, поэты-профессионалы, не могли бы приглашать других людей себе в заочные собеседники».

Некоторые видят в Солоухине главным образом пейзажиста, любовно и нежно описывающего травы, деревья, цветы. Это верно лишь отчасти. Пейзаж нужен Солоухину для раскрытия человека.

Некоторые склонны упрекать Владимира Солоухина в областнической ограниченности — дескать, сузил свои творческие рамки пределами Средней России, Владимирской области. Да, поэт любит свой родной край, и это прекрасно и трогательно. Надо обладать заскорузлой, черствой душой, чтобы не любить землю, где родился, где впервые увидел синеву неба, серебро бегущего ручья, сорвал первые цветы. Да, большинство произведений Солоухина — и поэтических и прозаических — автобиографично, сопряжено со всем виденным, перечувствованным, пережитым. Но думается, что именно это дало такую неопровержимую достоверность всему, что он пишет,— в искренности писателя не сомневаешься никогда. И, может быть, как раз это дает возможность Солоухину вести свой творческий поиск не на поверхности, а в глубинах. Его первая прозаическая книга «Владимирские проселки» менее всего пейзажна — скорее это умное и тонкое социологическое исследование, написанное тем добрым и славным русским языком, который заставляет вспомнить лучшие образцы отечественной прозы.

Его роман «Мать-мачеха», рассказы «Каравай заварного хлеба», «Варвара Ивановна», «Свидание в Вязниках» и другие носят на себе явственные черты авторской биографии, но они проникают в сердца всех читателей и вызывают чувства и мысли сильные и возвышенные.

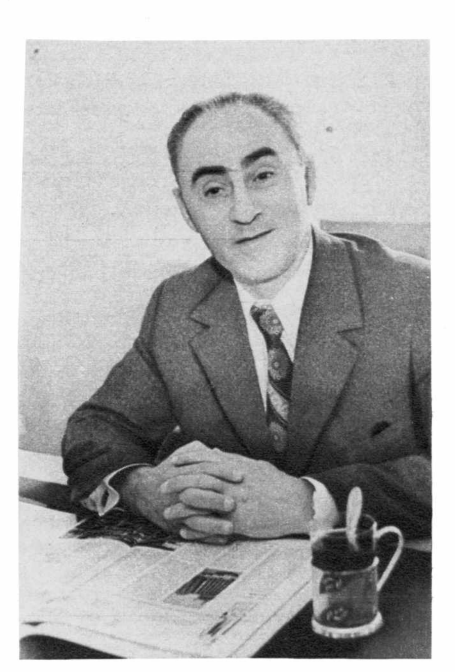
Недавно в «Литературной газете» Владимир Солоухин выступил со статьей «Любитель поэзии сердится...». «Я испугался вашей похвалы,— пишет он рассерженному «любителю».— А вдруг действительно, подумал я, помимо моего желания, укоренилась эта слава, что я есть воспеватель и поборник березок, причем поборник, отвечающий вашим чаяниям и, простите за резкость, узости ваших взглядов. Не дай бог такой славы». И далее: «...одно дело — любить свое, национальное, а другое дело — ненавидеть все остальное и считать это остальное вторым сортом».

Большой смысл заложен в этих строках, определяющих творческую направленность писателя.

Владимиру Солоухину исполнилось пятьдесят лет. Молодость осталась позади, наступила пора мужественной зрелости, когда и сил много, и чувства сильны, и восприятие жизни острое, и накоплены мудрость и опыт, и впереди еще большая дорога.

Ник. КРУЖКОВ

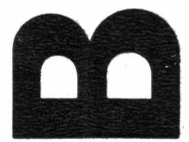
ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

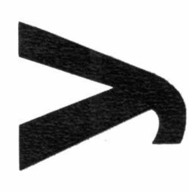
Недавно в редакции журнала «Огонек» состоялась встреча с руководителем делегации Генерального совета Румынского общества дружественных связей с СССР (АРЛУС), главным редактором Редакции изданий для заграницы Николае Морару. Он поделился своими впечатлениями о поездке по Советскому Союзу и рассказал о планах работы.

Фото А. Бочинина.

У ИСТОКОВ

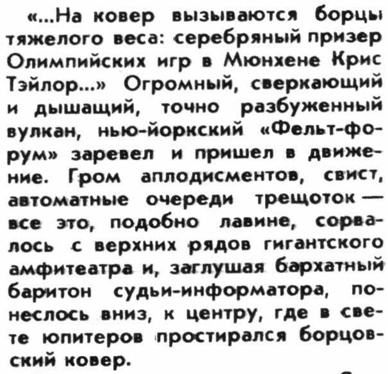

Виталий ЗАСЕЕВ

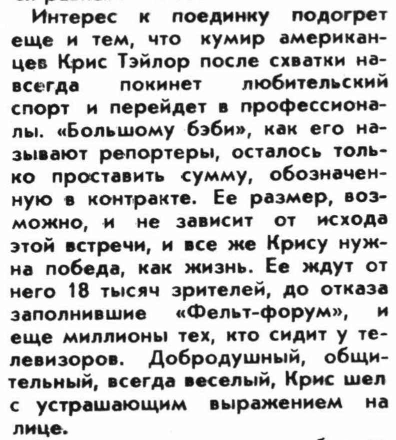
Фото Г. Макарова.

«...На ковер вызываются борцы тяжелого веса: серебряный призер Олимпийских игр в Мюнхене Крис Тэйлор...» Огромный, сверкающий и дышащий, точно разбуженный вулкан, нью-йоркский «Фельт-форум» заревел и пришел в движение. Гром аплодисментов, свист, автоматные очереди трещоток — все это, подобно лавине, сорвалось с верхних рядов гигантского амфитеатра и, заглушая бархатный баритон судьи-информатора, понеслось вниз, к центру, где в свете юпитеров простирался борцовский ковер.

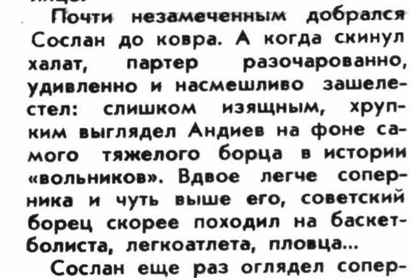
За воплями и улюлюканьем Сослан не расслышал своей фамилии. Выждав паузу, он решительно поднялся и, придерживая полы халата, двинулся в зал.

Судьбе было угодно распорядиться так, что именно в этой схватке определялся победитель решающей встречи сборных Советского Союза и Соединенных Штатов Америки по вольной борьбе. Проиграв в своих стенах Кубок мира, уступив в следующих встречах, американцы готовились дать русским бой на ковре «Фельт-форума». И вот перед последней схваткой тяжеловесов счет оказался равным — 9 : 9!

Интерес к поединку подогрет еще и тем, что кумир американцев Крис Тэйлор после схватки навсегда покинет любительский спорт и перейдет в профессионалы. «Большому бэби», как его называют репортеры, осталось только проставить сумму, обозначенную в контракте. Ее размер, возможно, и не зависит от исхода этой встречи, и все же Крису нужна победа, как жизнь. Ее ждут от него 18 тысяч зрителей, до отказа заполнившие «Фельт-форум», и еще миллионы тех, кто сидит у телевизоров. Добродушный, общительный, всегда веселый, Крис шел с устрашающим выражением на лице.

Почти незамеченным добрался Сослан до ковра. А когда скинул халат, партер разочарованно, удивленно и насмешливо зашелестел: слишком изящным, хрупким выглядел Андиев на фоне самого тяжелого борца в истории «вольников». Вдвое легче соперника и чуть выше его, советский борец скорее походил на баскетболиста, легкоатлета, пловца...

Сослан еще раз оглядел соперника. Упершись руками в бедра, Крис картинно раздувал могучую грудь, пока судья-информатор, не жалея эпитетов, воздавал ему должное. Но вот прозвучала сирена, призывая спортсменов к началу схватки, и тут же Сослан ощутил под пальцами крутые плечи Тэйлора, почувствовал на лице его дыхание. Неделю назад они встречались в штате Висконсин. Тогда американец был на редкость аг-

рессивен, и Сослан всего за 20 секунд до конца схватки чудом избежал поражения. Молниеносный, изумительный по красоте, как писали газеты, прием помог ему спасти репутацию борца, ни разу не проигравшего зарубежному сопернику.

Ничья с серебряным олимпийцем, может быть, кого-нибудь и обрадовала бы, но только не Андиева. Сегодня Сослан тоже рвался в бой. Глядя на бурлящий зал, он вдруг отчетливо увидел родную Осетию, стремительные водопады, вершины гор. Увидел, как вместе с мальчишками-сверстниками, закатав штаны, переходит вброд стремительную горную речушку. А чтобы течением не снесло, на плечи кладет крепкие, отшлифованные вечностью камушки, по пуду каждый. Вода закипает у колен, пенится. Продвигаться трудно, того и гляди сорвешься, полетишь в ледяную воду. Но идти надо. На берегу собралось все село, прибежали старшие братья. Стоят, подбадривают, и это придает силы. Все мальчишки благополучно выбрались на сушу, а он разворачивается и идет навстречу течению. Чтобы еще раз испытать себя.

Шум аплодисментов вернул Сослана в «Фельт-форум». Вот бы сейчас сюда Геннадия или Сергея. Только бы взглянуть в их глаза, увидеть знакомый прищур, и тогда...

Свисток. Крис ринулся в наступление, и Сослану ничего не остается, как маневрировать, выжидать. Но только до поры до времени, ведь Андиев и сам всегда предпочитает обороне атаку. В жизни застенчивый и робкий, он становится на ковре напористым и злым, всевидящим и неутомимым. В отличном стиле он выиграл Кубок мира, уложив на лопатки сначала канадца Гарри Джериса, а затем и соотечественника Криса Майка Макгрегори. Но это, видимо, не смутило серебряного призера Олимпиады. Атаки американца накатываются одна за другой. Захват следует за захватом. В действиях американца все рассчитано, все продумано до мелочей: противник должен быть психологически надломлен, раздавлен, а потом чудовищная сила, громадный вес и железная хватка довершат начатое.

Крис усердствует, наступает и вдруг, не закончив прием, чуточку расслабляется, опустил руку к бедру... Андиев молниеносным нырком идет на прием, но, оказывается, американец только и ждал этого, и Сослану приходится защищаться, размыкать стальную хватку Криса.

«Отдал очко!» — пронеслось в голове. И в ту же секунду прозвучала сирена.

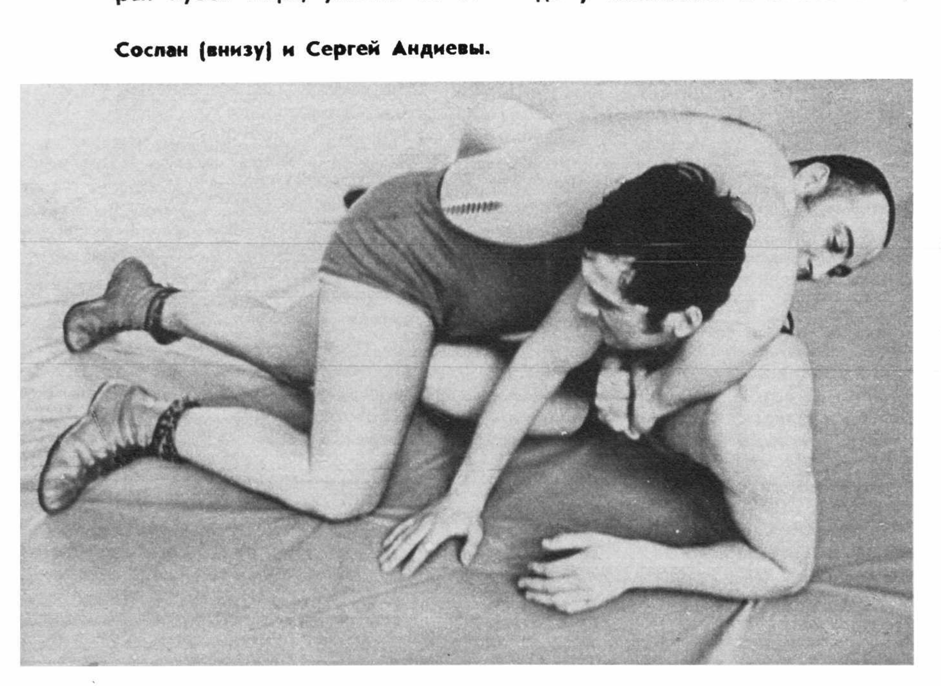
Сослан отыскивает глазами товарищей по команде. Вон они переживают, волнуются. Сослану особенно стыдно за проигранное очко перед Иваном Ярыгиным и Леваном Тедиашвили: это они при счете 5 : 9 сумели достать американцев, выиграв свои поединки.

Ровный, спокойный голос старшего тренера сборной Юрия Шахмурадова возвращает Сослану решительность. Он мысленно благодарит своего наставника и тут же пробует «отключиться» от назойливого, повторяющегося в сознании рефрена «потерял, потерял очко». В такие минуты жизни Сослан всегда вспоминает отца, могучего, жизнерадостного человека. Какие бы трудности ни выпадали на его долю, Петр Ахметович Андиев всегда был готов к ним. Этому его научил спорт. После работы, изрядно устав, Андиев-старший частенько шел в борцовский зал. И не было в то время равных ему тяжеловесов на всем Северном Кавказе. Когда боролся Петр Андиев, вся Осетия ехала болеть за своего любимца. И он больше всякой славы дорожил уважением земляков. Это же чувство Андиев-старший воспитал и в своих сыновьях.

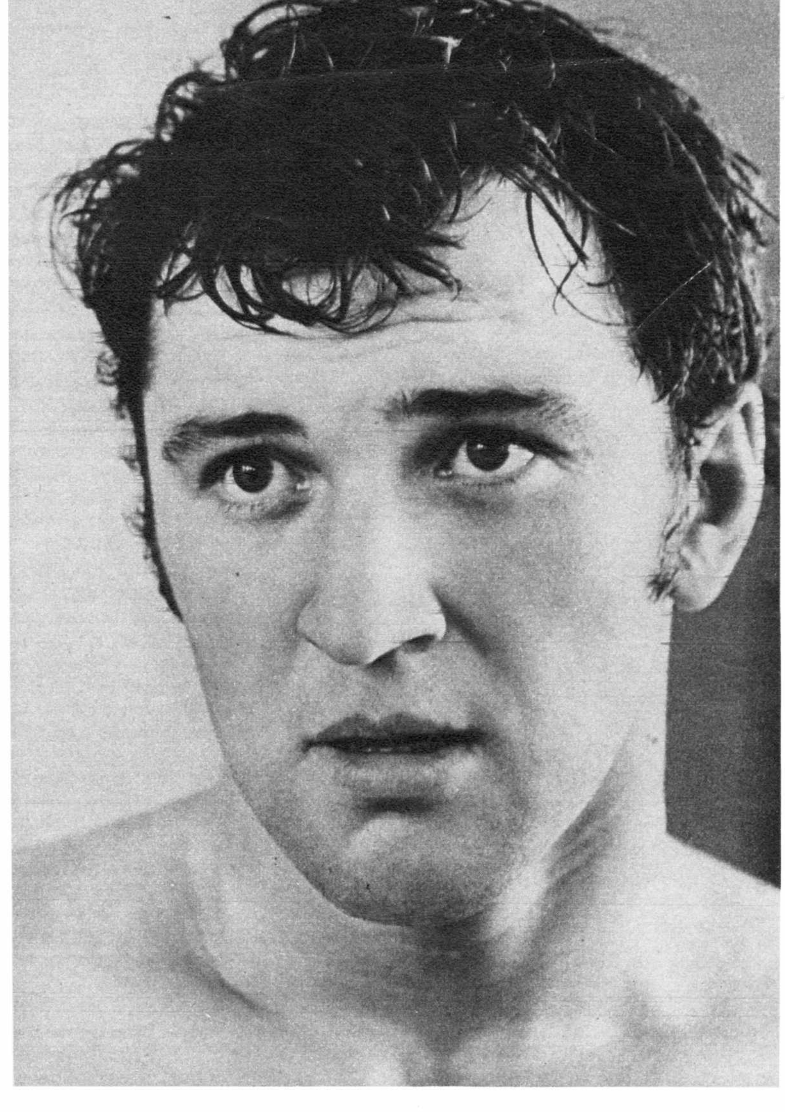
Второй период. Крис принял стойку. Он готовился к тому, что Андиев будет наступать, ведь когда у тяжеловеса в запасе очко, можно до конца схватки, выражаясь языком борцов, «отталкиваться», а проигрывающему остается лишь одно — атаковать.

Сослан кружит вокруг громадного американца, но нападать не спешит. Но вот Сослан исполняет замысловатый прием, и Тэйлор летит на пол. Не миновать бы американцу поражения на туше, если бы секундная стрелка хронометра не пересекла линию финиша.

Впереди минута отдыха. Целая минута!

Сослан (внизу) и Сергей Андиевы.

Сослан Андиев.

— Ну вот ты и ведешь в счете,— говорит тренер, и Сослан улыбается ему одними глазами. Ни с чем не сравнимое ощущение радости и приподнятости духа окутывает сознание. Так уже было однажды. Но где, когда?

В памяти неожиданно всплывает тот день, когда он впервые переступил порог борцовского зала. По всей стране гремит слава старшего брата Геннадия, призера чемпионата страны по вольной борьбе и самбо, достойного соперника двух выдающихся Александров — Иваницкого и Медведя. Во всех газетах называется имя Сергея Андиева, признанного мастера спорта, многократного победителя и призера крупнейших соревнований борцов-тяжеловесов, и вот теперь робко переминается с ноги на ногу перед заслуженным тренером СССР Асланбеком Дзгоевым их младший брат.

— Через три года, если не пропустишь ни одной тренировки, будешь ездить на соревнования вместе со старшими братьями,— говорит тренер...

В семнадцать лет, через три года после того памятного дня, Сослан стал чемпионом мира среди юношей, чуть позже выиграл турнир олимпийских надежд в Гаване и, наконец, завоевал Кубок мира.

Третий период. Сослан успевает взглянуть в притихший зал. Замерли в проходах белые куртки продавцов кока-колы. Тэйлор выкатывается на ковре, как паровой каток. Однако в действиях американца больше нет уверенности, Сослан полностью контролирует ход встречи. Как бы в замедленной съемке начинает он подготовку к приему, неожиданно «взрывается», и вновь огромное тело американского борца беспомощно распластывается на ковре...

Репортеры тут же стремятся получить у победителя интервью.

— Кто вас готовил к матчам в США?

— Мой старший брат, Геннадий Андиев.

— Кто был вашим спарринг-партнером?

— Средний брат Сергей.

— Это верно, что вы занимаетесь экономикой сельского хозяйства?

— В будущем. Сейчас я еще учусь в институте.

— Каким видом спорта вы восхищаетесь больше всего?

— После вольной борьбы? Горнолыжным.

— Как зовут вашу жену?

— Пока не знаю.

— Как вы относитесь к кэтчу?

— С сожалением.

— Что помогает вам побеждать своих соперников?

— Ответственность перед Родиной и товарищами по команде...

После той памятной победы над Крисом Тэйлором Сослан станет одним из самых молодых в истории вольной борьбы чемпионов мира. Понимающие толк в этом виде спорта иранские болельщики долго будут скандировать на стадионе «Фарах»: «Второй Медведь!» «Второй Медведь!»,— отдавая Сослану Андиеву лавры прославленного советского богатыря, трехкратного олимпийского победителя, семикратного чемпиона мира Александра Медведя. Он одержит еще много побед, но я вижу его на ковре «Фельт-форума»— у истоков бурной горной реки, чье имя — Слава.

Орджоникидзе — Москва.

МИР РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

Едва ли не одновременный выход в свет этих трех книг, на мой взгляд, закономерен, их актуальность несомненна. Книги выпустили различные издательства в Москве и в Воронеже, но они объединены одной ведущей темой. Сами названия — «Мир рабочего человека», «Лично причастен», «Адресовано всем» — красноречиво свидетельствуют о том, что речь в них идет о нашем современнике, человеке труда, о его мировоззрении, постоянной заинтересованности делами общества.

Сборник «Лично причастен» составлен из очерков, напечатанных в газете «Правда». Примечательно, что очерки эти создавали не только журналисты-«правдисты», круг его авторов гораздо шире. Некоторые литературные материалы принадлежат перу наших известных писателей Николая Тихонова, Анатолия Иванова, Расула Гамзатова, Сильвы Капутикян и других. Яркие страницы вписали в него и люди, не связанные с литературным трудом: бригадир 1-го Государственного подшипникового завода, Герой Социалистического Труда А. Викторов и первый секретарь Киевского горкома КП Украины А. Ботвин, генерал-полковник А. Родимцев и учительница Ф. Рябухина, народная артистка СССР С. Гиацинтова и доктор химических наук, профессор Г. Камай.

Каждый из этих авторов рассказывает о том, что переполняет его сердце, что пережито и передумано им и чем он непременно хочет поделиться с читателями.

«Передовой человек нашего общества — это боец переднего края, ответственный за все, что происходит в коллективе, стране. Он нетерпим к недостаткам, пережиткам прошлого. Идеалы партии — суть его взглядов, они определяют его поведение, его моральный облик. Наш общий долг — сделать еще шире и стремительнее шаг Отчизны в грядущее, еще активней вести воспитание нового человека».

Как много говорит это высказывание Героя Социалистического Труда А. Викторова о высоком уровне гражданственности передовых тружеников Советской страны! В предисловии к сборнику «Лично причастен» писатель Борис Полевой справедливо замечает:

«Прочтешь эту книгу и словно воочию представишь облик нашего современника, узнаешь его характер, проникнешь в его духовный мир, познакомишься с его увлечениями и раздумьями. Ему ничто человеческое не чуждо. И все-таки главное в нем то, что он лично причастен ко всем делам своей страны, своего народа, строящего новый мир. В этом его обаяние. В этом его великая сила!»

В сборнике «Мир рабочего человека» представлены литераторы и журналисты центрально-черноземных областей, которые на местном материале постарались создать обобщенный портрет авангарда современного рабочего класса. Вот с какой лаконичностью, которая в данном случае более всего и впечатляет, сказано об одном из героев книги:

«Федор Иванович Богданов. Рабочий Новолипецкого металлургического завода — старший оператор прокатного стана. Коммунист. Член парткома завода. Член Липецкого обкома КПСС. Делегат XXIV съезда КПСС. Депутат Верховного Совета СССР».

На этом примере можно с полным основанием говорить о Его Величестве рабочем классе, ибо не один, а многие и многие представители его наделены столь высокими званиями. Но весьма существенное значение имеет здесь тот факт, что свои почетные звания рабочий Федор Богданов получил не по наследству, а добился их героическим повседневным трудом на благо нашей Родины.

Очерки о выдающихся тружениках — наших современниках, несомненно, имеют огромное воспитательное и нравственное значение. Не менее интересны и убедительны помещенные в сборнике «Мир рабочего человека» материалы, напечатанные под рубрикой «Говорят герои книги».

Запоминается мысль, высказанная слесарем Воронежского завода тяжелых механических прессов, Героем Социалистического Труда В. Рубцовым:

«Тот, кто сдает продукцию низкого качества, тот не уважает себя. Надо работать так, чтобы с полным основанием можно было сказать: «Я сделал!»... Так пусть и на каждом рабочем месте лучшим контролером будет наша рабочая совесть...»

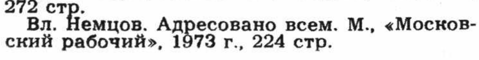
В этих словах звучит и любовь к своему делу, и трудовая гордость, и непримиримость, вызванная неуважительным отношением некоторых людей к своей работе, и счастье быть нужным нашему обществу.

Книга Вл. Немцова «Адресовано всем» несколько отличается от двух предыдущих, но по своей целевой направленности тесно примыкает к ним. Автор ее, известный писатель-фантаст, не впервые обращается к морально-этическим проблемам, ведет откровенный разговор о воспитании молодежи. Но теперешние его размышления носят обобщающий характер, и не зря книга названа — «Адресовано всем».

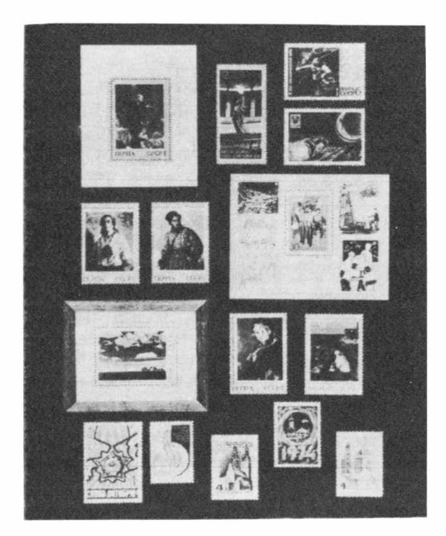
Всем, по признанию автора, в данном случае означает в первую очередь — родителям, воспитателям, юношеству. Писатель говорит о вещах весьма актуальных: о выборе юношами и девушками своего пути, о воспитании благородных качеств души, идейной убежденности, патриотизма. Но особое место в книге отведено соединению воспитания с производительным творческим трудом. Целые главы посвящены различным аспектам этой проблемы: «Радость рабочих рук», «Требуется «образованный рабочий», «Трудиться по-хозяйски».

Рассказывая о ярких делах наших современников, каждая из этих книг учит и зовет к труду творческому, труду, который становится счастьем в жизни человека.

Олег ЗВЕРЕВ

Лично причастен. М., «Правда», 1973 г., 312 стр.
Мир рабочего человека. Воронеж, Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1973 г., 272 стр.
Вл. Немцов. Адресовано всем. М., «Московский рабочий», 1973 г., 224 стр.

СТО МИЛЛИОНОВ УВЛЕЧЕННЫХ

Разве мог предположить лондонский почтмейстер Роуленд Хилл, что его изобретение — почтовая марка — станет не только средством оплаты пересылки писем, но и породит увлечение миллионов — филателию.

Вслед за Англией, где первая марка, называемая ныне «Черный пенни», появилась в 1840 году, знаки почтовой оплаты стали выпускаться и в других странах. 1 января 1858 года они официально входят в обращение в России. Правда, еще раньше в Тифлисе была издана городская марка, сейчас она известна в мире в четырех экземплярах.

Редкости есть и среди советских почтовых знаков. В 1935 году вышла миниатюра, посвященная летчику С. А. Леваневскому, который участвовал в спасении челюскинцев. Затем надпись дополнили: «Перелет Москва — Сан-Франциско через Сев. полюс. 1935». Но в части тиража буквы оказались перевернутыми, а в слове «Сан-Франциско» «ф» получилось маленьким. Известны лишь единичные экземпляры с опечаткой: один из них в свое время находился в коллекции президента Рузвельта.

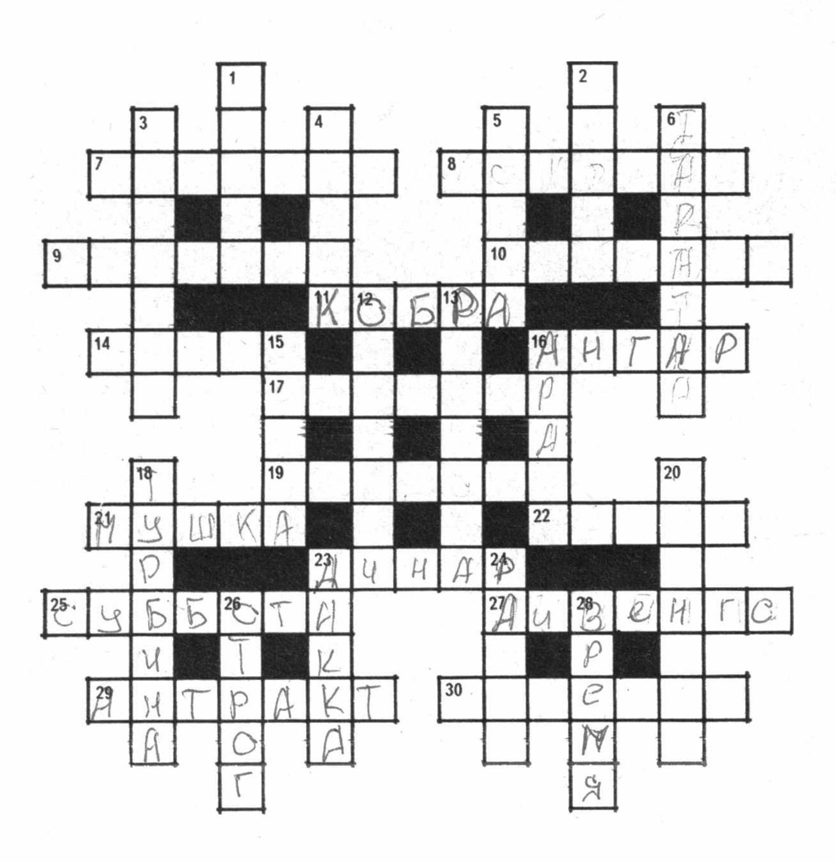
В 1925 году юные коллекционеры из старинного уральского города Златоуста предложили идею тематического коллекционирования, получившую широкое признание не только в Советском Союзе, но и за рубежом. У филателистов нашей страны особенно популярны темы «Лениниана», «Вооруженные Силы СССР», «Космос», «Искусство».

В создании таких миниатюр принимают участие видные художники. Весной 1918 года в конкурсе на рисунок первой советской марки победителями стали художники С. Чехонин и Н. Альтман. А первый почтовый знак, посвященный В. И. Ленину, создал И. Дубасов.

Отечественные коллекционеры пользуются заслуженным уважением во всем филателистическом мире. В 1973 году они участвовали в 22 зарубежных выставках и завоевали 195 наград, среди них 34 золотые и 95 серебряных медалей.

Нынешний год для советских собирателей особый: в октябре состоится 3-й съезд Всесоюзного общества филателистов.

Председатель Правления ВОФ, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР
А. ЯР-КРАВЧЕНКО

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Советский писатель. 8. Областной центр в РСФСР. 9. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 10. Басня И. А. Крылова. 11. Очковая змея. 14. Хвойное дерево. 16. Приток Куры. 17. Русский поэт. 19. Духовой инструмент. 21. Прицельное приспособление. 22. Загадка. 23. Денежная единица Югославии. 25. День недели. 27. Роман В. Скотта. 29. Перерыв между отделениями концерта. 30. Картина И. С. Остроухова.

По вертикали: 1. Металл. 2. Холодное оружие. 3. Буквоотливная наборная машина. 4. Чешский композитор и педагог. 5. Птица. 6. Искусство подготовки и ведения боя. 12. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 13. Круглое сооружение с куполом. 15. Залив Охотского моря. 16. Помещение для самолетов. 18. Лопастный двигатель. 20. Пьеса А. Н. Островского. 23. Столица государства Бангладеш. 24. Шерстяная ткань. 26. Ответвление основной горной цепи. 28. Глагольная категория.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 1. Абрис. 4. Илька. 6. Катализатор. 7. Ковер. 9. Класс. 11. Рокировка. 17. Команда. 18. Фуфайка. 19. Поликлиника. 20. Дарлинг. 21. Миранда. 22. Гектограф. 25. «Кукла». 27. Катод. 28. Азербайджан. 29. Варан. 30. Ньяса.

По вертикали: 2. Бекар. 3. Станок. 4. «Иванов». 5. Курок. 8. Волоколамск. 10. Александрит. 12. Отделение. 13. «Риголетто». 14. Кручинина. 15. Рашпиль. 16. Барабан. 23. Куприн. 24. Раздан. 26. Анапа. 27. Конус.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сборщица Тамара Криулина — одна из многих тысяч рабочих Волжского автомобильного завода, выпускающего «Жигули».

(См. в номере репортаж «Четыре кольца».)

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора —253-39-05; Спорта —253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/V — 74 г. А 06868. Подп. к печ. 11/VI — 74 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1211. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 2281.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В АНСАМБЛЕ ТОЛЬКО ДЕВОЧКИ

В. ВАРЖАПЕТЯН

«Мзиури» — пионерский вокально-инструментальный ансамбль девочек — создан два с половиной года назад в Тбилиси при республиканском Дворце пионеров и школьников имени Б. Дзнеладзе. Все 20 девочек талантливы и знамениты. Слава пришла к ним в том возрасте, когда другие дети прыгают через веревочку и шьют платьица куклам...

НУЦКА

Нуцка — так все зовут Нино Кобиашвили. Это с ней Рафаэль Аркадьевич Казарян, руководитель ансамбля, отбирал в пионерском лагере в Душети талантливых девочек: Хатуну Дондуа, Лию Хорбаладзе, Нану Санеблидзе, Марину Масхулия.

Пионерский лагерь назывался «Мзианети» — «Страна солнца». Девочки решили поэтому назвать свой ансамбль «Мзиури» — «Солнечный».

После каникул они встретились во Дворце пионеров и начали репетировать: Лия играла на ударных, Хатуна и Марина — на гитарах, Нана — на фортепьяно, а Нуцка — на электрооргане. Сама Нуцка была такая маленькая, что ее не было видно. Сейчас она подросла и мечтает стать кинооператором.

СВИРЕЛЬ-САЛАМУРИ

Все девочки из «Мзиури» умеют петь, танцевать, играть на нескольких инструментах. А Нино Датукишвили играет еще и на грузинской свирели — саламури.

По традиции на этом инструменте играют только мужчины, но Нино доказала, что саламури может стать послушным и в руках девочки.

Пока я записываю в блокнот названия ее любимых книг («Три мушкетера» и «Приключения Тома Сойера»), она несколькими штрихами набрасывает мой портрет. Ее подруги, увидев, что Нино рисует, тоже похватали бумагу и карандаши и стали рисовать друг друга, зайчиков, принцесс и цветы... Никто их не остановил, не одернул.

— Знаете,— сказал мне руководитель ансамбля Казарян,— будь моя воля, я даже отвел бы им специальную комнату для рисования. Пусть рисуют красками, пусть играют. Я верю, чем разностороннее человек, тем он талантливее.

Я ИГРАЮ НА ТРУБЕ

Ию Ахобадзе привел папа. Вернее, сначала она его привела. А случилось это так.

Однажды Вахтанг Ахобадзе пришел с дочкой на концерт «Мзиури», сидел, слушал, как играют дети, и радовался. А когда посмотрел на дочку, увидел в ее глазах слезы: «Водишь меня на плавание, на гимнастику, а я хочу сюда».

Ладно, подумал папа, Ия играет на фортепьяно и гавайской гитаре, в ансамбль ее примут с радостью.

Но девочке отказали: «У нас все пианистки, и гитаристок тоже хватает». «Тогда моя дочь научится играть на трубе!» — запальчиво пообещал Вахтанг. «Если она разучит хотя бы гамму, мы ее возьмем».

Целую неделю Ия дула в трубу, но не могла извлечь ни звука. Но прошло лето, и папа снова привел Ию во Дворец пионеров. Ее приняли: на трубе она играла отлично.

ПИСЬМА

В углу комнаты стоит огромная картонная коробка с письмами. Только в этом году почтальон принес около двенадцати тысяч! Больше всего пишут дети.

«Мне очень нравится ваш ансамбль — очень-преочень!!!»

«Однажды я пришла из школы без настроения. Сразу включила телевизор и вдруг услышала свою любимую песню «Веселый ветер». Мне почему-то показалось, что никто еще не пел ее так хорошо, как вы».

«Если вы мне не ответите, я буду плакать целый день, целый месяц, целый год, три года!»

Мы все читаем письма — Казарян, Гурам Джаиани, педагог Нодар Мдинарадзе и я.

— Слушайте,— говорит руководитель,— вот что пишет Надя из Нижнего Тагила: «Я тоже когда-то пела, но сейчас не пою. Мне операцию сделали. Вот я вам, девочки, пишу, и прямо слезы капают. Подруги меня позабыли. Однажды у меня была высокая температура, а как услышала ваши песни, у меня сразу настроение поднялось...»

— Ой, как жалко Надю! — вздыхает Кетино Пирцхалава.

— И мне! — Кетино Деканозишвили сама чуть не плачет.

— Кто ответит Наде? — спрашивает Казарян.

— Я!

— И я!

— Нет, я!

Громче всех кричит саксофонистка Майя Сирадзе. Ей и поручили ответить Наде.

А почтальон принес новые письма.

НА «БИС»

Тамрико Чохонелидзе заболела. После репетиции мы поехали к ней домой.

Дверь открыл папа Тамрико — Элизбар, очень серьезный человек, он читает лекции в консерватории.

Тамрико не новичок на сцене. Когда первый раз она спела, ее вызвали на «бис». А она подбежала к маме и заплакала:

— Мамочка, неужели я пела хуже всех? Почему они меня второй раз петь заставили?..

Теперь Тамрико не плачет, а с радостью поет на «бис».

БАРАБАНЩИЦА

Лия уже снялась в четырех кинофильмах. Режиссеры говорят, что с ней очень легко работать. Но мне все равно не хочется, чтобы она ушла из «Мзиури». Конечно, найдется много желающих занять место барабанщицы, но другую такую артистичную натуру найти трудно. У Лии врожденное чувство ритма. Она нерв оркестра, его электрический заряд. Когда Лия исполняет воинственный танец «Хоруми», ноги сами просятся в пляс.

Во время плавания на «Шота Руставели» девочки выступили перед пассажирами. После концерта ударник из эстрадного оркестра спросил своего товарища:

— Слушай, ты бы смог дать такое соло?

— Нет. А ты?

— Я, пожалуй, тоже...

НАСТОЯЩИЙ ДАР

Тамрико Гвердцители, восторженная, порывистая девочка, с мгновенными переходами от грусти к радости, неузнаваемо преображается у микрофона. Напряженно, страстно начинает она песню М. Векуа «Миру мир». Это взрослое исполнение. Взрослое по силе отдачи. Такая певица — мечта любого ансамбля.

Тамрико — одаренная натура. Она пишет музыку, и это тоже не забава, а начало настоящего искусства.

— Когда ты начала петь, Тамрико?

— Мне было четыре месяца, так мама сказала.

— А кто твоя любимая певица?

— Нани Брегвадзе. Я хочу петь, как она. Хочу, чтобы люди радовались, когда я пою.

ИТАК...

Итак, их двадцать. Самой младшей 8 лет, старшей — 13.

Несмотря на отроческий возраст, «Мзиури» — вполне профессиональный коллектив, пользующийся огромной популярностью. В московском «Эрмитаже» девочки выступали вместе со звездами советской эстрады. В Ленинграде им была предоставлена сцена Октябрьского зала. Пять концертов прошли с аншлагом.

Растроганный администратор сказал: «Такого ажиотажа не было даже вокруг Дюка Эллингтона!» И это объяснимо. Ансамбль из Тбилиси уникален.

Взрослые помогли детям открыть мир музыки. А они наполнили его солнцем и радостью, расцветили яркими красками и подарили нам.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Кетино Пирцхалава — солистка.

Две гитары — Майя Чиквинидзе и Хатуна Дондуа.

Котенок — подарок ленинградцев — непременный участник всех концертов.

Барабанщица Лия Хорбаладзе — душа оркестра.

Ансамбль «Мзиури» исполняет песню А. Раквиашвили «Мзиури».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663